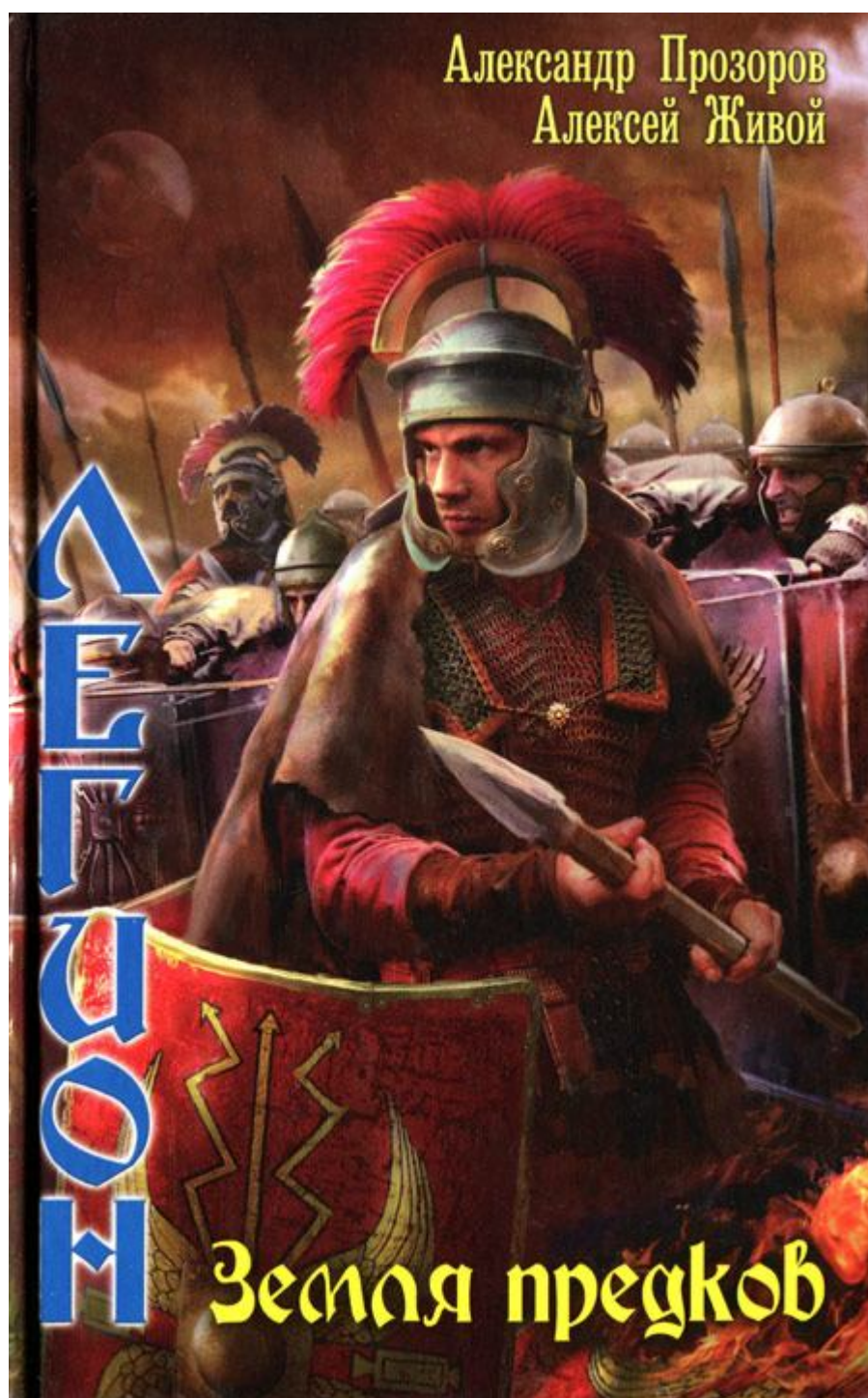

Алексей Живой Александр Прозоров
Земля предков

Легион – 9

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - Марфушка; OCR, ReadCheck, Conv - InternetMC) HL

«Александр Прозоров, Алексей Живой «Земля предков»»: Издательский дом
Ленинград; СПб; 2012

ISBN 978-5-906017-08-6

Аннотация

Высадившись на территории Центральной Америки, карфагеняне сталкиваются с цивилизацией ольмеков. Из экспедиционного флота финикийцев до берега добралось лишь три корабля, два из которых вскоре потерпели крушение. Выстроив из обломков крепость и оставив одну квинкерему под охраной на берегу, карфагенские разведчики, которых ведет Федор Чайка, продвигаются в глубь материка. Вскоре посланцы Ганнибала обнаруживают огромный город, жители которого поклоняются ягуару. Этот город богат золотом и грандиозными храмами, а его армия многочисленна.

На подступах происходит несколько яростных сражений с воинами ягуара, в результате которых почти все карфагеняне из передового отряда гибнут. Федор Чайка, Леха Ларин и еще несколько финикийских бойцов захвачены в плен и должны быть принесены в жертву местным богам на одной из пирамид древнего города. Однако им чудом удается бежать. Уходя от преследования, беглецы встречают армию другого племени и вновь попадают в плен. Финикийцев уводят с побережья залива в глубь горной территории, но они не теряют надежду вновь бежать и разыскать свой последний корабль, чтобы вернуться домой.

Александр Прооров Алексей Живой ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Глава первая СКВОЗЬ ЗЕМЛЮ

Лежавший в глубине долины город, посреди которого возвышалась исполинская пирамида, заволокло пылью, как и стремительно приближавшийся снизу пестрый отряд «воинов ягуара», в котором было не меньше пятисот человек. Зиявшая с обеих сторон от дороги пропасть также ненадолго исчезла в пыли, окутавшей скальный проход после камнепада.

— Что будем делать, командир? — напомнил Леха, повыше поднимая щит, чтобы уберечься от шальных стрел,¹ которые то и дело прилетали с перевала, бой на котором почти стих. — Дождаться, пока подойдут эти размалеванные аборигены снизу, или сразу сиганем в пропасть? Все равно несколько сотен нам не осилить.

Федор молчал, сплевывая осевшую на губах пыль и озираясь по сторонам. Внезапно, обернувшись назад, он принял решение.

— Нет, рано нам сдаваться, — произнес он, пристально вглядываясь сквозь дымку в скалы, на которых засели звероподобные воины, — идем назад.

— Но там их не меньше, — засомневался Ларин, поигрывая фалькатой. — Гебал и остальные, что оказались позади завала, наверняка уже мертвецы. К берегу тоже не прорваться.

— А мы не пойдем к берегу, — озадачил его Федор, хитро прищурившись, — вернее, не сразу.

— Тогда куда, — не понял его друг, настороженно поглядывая на быстро разгоняемую ветром пыль, еще немного и они вновь будут как на ладони, — летать я не умею.

¹ Большинство ученых полагает, что лук не был известен в этот период в Месоамерике и, во всяком случае, не применялся для ведения активных военных действий. Он появился здесь гораздо позже. Например, даже индейцы майя классического периода его не знали, и лук появился у них только в XI в. н. э. вместе с тольтеками. Кроме того, у ацтеков лук считался «низменным» оружием, которое использовали лишь дикие охотничьи племена. Однако в нашем случае, будем считать, что индейцы месоамериканского побережья лук уже знали и даже частично использовали для ведения войны.

— На скалы, — кивнул головой Чайка, — завалив проход, они сами построили отличную лестницу к своим гнездам. Эти дети ягуара спустились по ней, чтобы добить моих солдат. А мы поднимемся, атакуем и ворвемся внутрь, пока еще пыль нас скрывает. Я видел, что к двум ближним отверстиям в скалах этот завал подходит почти вплотную. Если немного подтянуться да подтолкнуть, может, и заберемся. Главное — лучников снять. А там посмотрим, куда ведут эти тоннели. Может, еще удастся к берегу пробиться.

— И то верно, — ухмыльнулся Леха, перед которым вновь появилась перспектива отложить встречу с богами, — надо бы взглянуть на подземные дороги. Откуда-то эта саранча повылазила.

— Все за мной! — приказал Федор оставшимся в живых бойцам, которых насчитывалось не больше двух десятков. — Лезем на скалы.

Воины, уже подготовившиеся к последнему сражению с превосходящими силами противника, были удивлены решением командира не меньше Ларина. Но, подняв щиты и пригнувшись, последовали за ним беспрекословно. Они привыкли выполнять любые приказы Чайки, который не раз выводил своих людей из передраг.

Пытаясь раствориться среди исполинских валунов и не слишком шуметь, финикийцы преодолели уже почти половину образовавшейся насыпи. Пока что все шло удачно. Увлеченные преследованием воинов Гебала «дети ягуара», видимо, уже посчитали их мертвецами или оставили на растерзание большому отряду, что приближался из долины. Во всяком случае, их никто не атаковал после камнепада, ограничившись отстрелом издалека.

Когда половина склона была позади и показались узкие входные отверстия, на которых никого не было видно, Федор жестом подозвал к себе Леху.

— Я беру тех, кто сторожит левый вход. Тебе остается правый.

— Что-то там никого не видно, — озадачился кровный брат Иллур, поправив наплывавший на глаза шлем и пытаясь разглядеть расплывчатые очертания прохода, зиявшего метрах в двадцати вперед и почти в трех метрах над линией камней.

— Они там, — уверенно заявил Федор, — снимут сразу, если броситься в лоб. Тут нужно хитростью, придется нам с тобой поработать. А как часовых снимем, так, не мешкая, внутрь, пока остальные не подоспели.

— А если там нет выхода? — вдруг спросил Ларин, глядевший на высокие скалы.

— Есть, — уверенно заявил Чайка, — должен быть. Да и нам все равно деваться больше некуда.

— Тогда вперед, — не стал больше тянуть время Ларин.

Оставив свои щиты солдатам и забросив за спину ножны фалькат, друзья, пригнувшись, устремились к проходам. Выхватив из ножен по кинжалу, они не успели пройти буквально нескольких метров, как были обнаружены.

На обеих площадках появилось по воину с размазанными телами. Федор и Леха метнули свои смертоносные кинжалы почти одновременно, и два сдавленных крика послужили подтверждением, что клинки нашли свою цель. Им под ноги рухнули разукрашенные тела. Мельком взглянув на своего мертвеца, Федор заметил, что все его лицо, на котором почему-то отсутствовала маска, было покрыто странной татуировкой, делавшей его и без маски похожим на ягуара. Однако отвлекаться на долгое созерцание поверженного противника времени не было, и Чайка бросился вперед, заранее приглядев несколько подходящих уступов на скале. С его опытом это было не трудно.

Оттолкнувшись от прилегавшего к отвесной стене валуна, Федор прыгнул вверх, еще раз оттолкнулся подошвой подкованного башмака от второй скальной ступеньки и уцепился за край открытой площадки. На ощупь он было удивительно хорошо отшлифован каменотесами и совсем не резал пальцы. Поэтому Федор успел подтянуться и даже перебросить свое тело через невысокое ограждение внутрь, перекувырнуться и принять защитную стойку как раз к тому моменту, как над его головой просвистел чей-то меч, вышибая сноп искр из каменной стены.

Федор пригнулся и нанес ответный удар ногой в колено, раздробив нападавшему

сустав. Когда тот, выронив свое оружие, с диким воплем рухнул на каменный пол перед ним, Чайка наконец выхватил из-за спины фалькату. Второй индеец, появившись, как тень, из узкого коридора, стремительно бросился на него с копьем. Но Чайка уже был готов к этому и вновь ловко ушел от удара. Вспоров противнику незащищенный живот острием фалькаты, он позволил уже мертвому телу проскочить мимо и рухнуть вниз на камни насыпи.

Оглянувшись по сторонам, Чайка никого больше не заметил и коротким ударом добил лежавшего перед ним раненого врага. Стоны умолкли. Выждав еще мгновение, Федор пристальнее осмотрелся и прислушался. Помещение было небольшим, метра четыре в ширину и около восьми в длину. У раскрытых каменных створок виднелись какие-то жернова, походившие на шестеренки, искусно выточенные из камня. Никаких рычагов, приводивших в движение этот странный механизм, он пока не увидел. Видимо, тот был спрятан от глаз непосвященных. Падавший снаружи свет упирался в узкий и темный коридор, уходящий в чрево скалы. Однако там угадывался еще один проход, наверняка шедший вдоль перевала. Чайка осторожно приблизился и высунул голову.

Он не ошибся. Галерея, освещенная сейчас зыбким внешним светом, тянулась вдоль наружной стены. Рядом с этим проходом никого не было, но в глубине, где-то неподалеку, раздавались сдавленные крики и удары оружия. В этот момент в нескольких метрах справа раздался шум от падающего тела и Лехин голос осторожно произнес:

— Командир, ты жив?

— Жив, — ухмыльнулся Федор, — давай втаскивай остальных сюда, пока этих звероподобных не набежало. А их тут должно быть еще немало. Пойдем по тоннелю.

— Понял, — раздался голос невидимого друга.

Федор и сам двинулся назад к открытому проему, но задел ногой оружие убитого им воина. Отлетев в сторону, оно высекло искру из камня. Невольно задержавшись на секунду, Чайка поднял его с пола и с удивлением рассмотрел. То, что поначалу показалось ему мечом, выглядело как обыкновенная дубина, в которую с одной стороны было вставлено длинное, остроотточенное лезвие из какого-то крепкого камня. Невольно усмехнувшись, Федор все же отдал должное этому оружию, — камень был настолько хорошо заточен, что мог запросто разрубить кожаный доспех, а может быть, и пробить медный. Колоть им было почти нельзя, зато рубить с превеликим удовольствием. Впрочем, на убитом им воине ягуара доспехов почти не было, если не считать набедренной повязки и какого-то нагрудника, походившего больше на украшение с яркими перьями.

«Камнерезы здесь знатные, — невольно похвалил индейцев Федор, отбросив странное оружие аборигенов и двигаясь к проему, — надо бы держаться от таких подальше, да, боюсь, не выйдет».

— Давай сюда! — крикнул он собравшимся внизу солдатам. — Да поживее!

Он помог взобраться первому морпеху наверх, затем второму, а потом отступил в сторону, заметив, как часть воинов устремилась в соседний проем. Буквально за минуту все они оказались внутри скалы, рассеченной скальными проходами, набившись в тесное помещение. Когда Федор заметил на перевале первые шеренги наступающих снизу по дороге подкреплений из города, все его солдаты были уже наверху. «Представляю, как удивится их вождь, — самодовольно ухмыльнулся Федор, рассматривая рослого и пестро разодетого военачальника, бежавшего впереди всех, — не обнаружив нас там, откуда нам некуда было сбежать. Впрочем, мы еще никуда не сбежали. Хорошо если не загнали сами себя в ловушку, откуда нет выхода».

На вожде, который был очень высокого роста, как и все его солдаты, был надет какой-то странный пятнистый балахон, а на голове шлем с оскаленными клыками, довершавший сходство с ягуаром. В руках широкоплечий военачальник держал небольшой круглый щит красного цвета с мозаичным рисунком и длинный меч. Чайке показалось, что это оружие было очень похоже на то, с которым он только что познакомился. Только оно выглядело более массивным из-за того, что лезвия в нем были встроены в дубину с двух сторон. Появившись на перевале, войско неожиданно остановилось. Вождь в изумлении сверкал

взглядом в поисках сбежавших пришельцев, но Чайка решил не помогать ему в этом.

— За мной, — полусшепотом приказал он собравшимся в зале финикийцам, перехватив покрепче свою фалькату и надвинув поглубже шлем, — будем пробиваться. Но, шума не поднимать до самой последней возможности.

Он взял поданный ему кем-то из солдат овальный щит и вышел в полумрак прохода, где едва не столкнулся с Лехой, уже пробиравшимся к нему вместе с остальными.

— Как у тебя? — коротко спросил Федор.

— У меня-то чисто, — отмахнулся Леха, — только вот рядом суета началась.

Он махнул рукой назад по проходу, откуда доносился шум приближавшихся шагов.

— Похоже, нас заметили, — пояснил он, останавливаясь, — в сторону берега уже не пройти.

— Тогда идем в глубину, — решил Федор, — надо отыскать другой путь наверх через эти пещеры. Наверняка он есть. Назад поздно, там уже несколько сотен крепких бойцов, жаждущих порубить нас в куски.

— А я назад и не собирался, — кивнул Ларин, поигрывая фалькатой.

— Тогда вперед, — подтвердил Федор и добавил: — Но тыл придется прикрывать тебе. Больше никому доверять. Подержи тут всех, кто попробует нас догнать, хотя бы несколько минут, а потом иди следом. Гонца я пришлю.

— Сделаем, — усмехнулся Леха, о чем Федор скорее догадался, чем увидел.

В каменном тоннеле царил полумрак, но, присмотревшись чуть левее в глубине скалы, Федор заметил какое-то мерцание. Возможно, там горели факелы. В этот момент снаружи тоже послышались какие-то гортанные крики.

— Я пошел, — заявил Федор и сделал знак остальным следовать за собой.

Он и еще группа из пятнадцати бойцов устремились дальше по тоннелю, туда, где виднелось оранжевое мерцание, отражавшееся от гладких каменных стен, а Ларин с парой лучников и копейщиков остался прикрывать отход.

Пробежав метров тридцать беспрепятственно, Чайка ощутил, что тоннель делает поворот и начинает спускаться вниз. Появились ступеньки. Дневной свет здесь пропал вовсе. А еще через десять метров он получил ответ на вопрос, откуда взялось мерцание. Это действительно были факелы, только не висевшие на стенах в специальных подставках. Им навстречу двигался отряд воинов ягуара. Увидев перед собой звероподобные маски с копьями и факелами в руках, Чайка не стал долго раздумывать, а с ходу нанес удар ближнему воину, не успевшему даже сообразить, что перед ним враг.

Удар массивной фалькаты раскроил маску надвое, а заодно и череп. Мертвец выронил факел на землю вместе с копьём, но тот, к счастью, не потух. Бежавший следом за Федором лучник всадил стрелу другому воину ягуара прямо в грудь с нескольких метров. Падая на колени и обливаясь кровью, тот издал грозный рык, словно и в самом деле был зверем. Зато остальные быстро сообразили, в чем дело, — в карфагенян полетели копья и дротики. Чайка едва успел прикрыться щитом, в которое вонзился дротик. Остальным повезло меньше. Двое морпехов рядом с ним рухнули замертво. Бой в узком пространстве местные вели умело, но их оказалось не слишком много, и карфагеняне, хоть и с потерями, выиграли его с честью. Перебив десяток индейцев и потеряв двоих, финикийцы подхватили факелы, двинувшись дальше.

Преодолев на этот раз не меньше сотни метров, вскоре они увидели еще одно освещенное место, но это, к счастью, оказалась не новая встреча с дозором воинов ягуара. Узкий тоннель привел их к расширению, квадратному залу метров десять в длину, от которого расходилось в стороны еще три высеченных в скале пути. Надежно укрепленные на стенах в специальных подставках факелы, освещали странные иероглифы, высеченные у каждого из проходов с резными колоннами. Только вот Чайке эти надписи на «указателях» все равно ничего не говорили.

— Ну просто лабиринт Минотавра, — остановился в раздумье Федор и, чтобы не терять время, послал гонца к Ларину.

— Пусть идет сюда, если жив, — коротко пояснил Чайка задание.

Боец скрылся в темноте, прихватив с собой один их факелов, а Федор, расставив заслоны у каждого из проходов, в задумчивости продолжал изучать иероглифы до прихода друга. Постепенно кое-что стало складываться, во всяком случае, у Чайки появились догадки. У одного из проемов были изображены фигурки воинов с копьями, бегущие друг за другом, также были высечены головы каких-то птиц или драконов. Это единственное, что он мог хоть как-то уяснить из длинного ряда незнакомых символов. Надписи у второго входа также изобиловали рисунками всяких орлиных и козьих голов, схематичных ножей, горшков и каких-то витиеватых змеиных узоров. На третьем узоре длинные змеи повторялись, сплетаясь в клубки и приводя к огромной змее с разинутой пастью. Дальше было высечено что-то напоминавшее не то лодку, не то длинный корабль, в котором сидели воины с копьями.

— Это уже как-то понятнее, — пробормотал Федор себе под нос, когда послышался шум приближавшихся шагов.

— Мы завалили проход трупами этих зверенышей, — отчитался Ларин, продемонстрировав своему другу окровавленную фалькату, с которой жирными каплями стекала еще не запекшаяся кровь, — но они все лезут и лезут! Надо уходить. Они уже близко.

— Надо, — кивнул Федор, с удивительным спокойствием для человека, находившегося на волосок от гибели, — только вот куда?

Леха осмотрелся и только сейчас заметил несколько одинаковых тоннелей. Он также успел заметить, что его друг внимательно изучал наскальные рисунки у каждого из них, когда он прибыл.

— А что там... написано? — поинтересовался Леха, сам по очереди приближаясь ко всем надписям.

— Если б я знал, — пожал плечами Федор, — тут какие-то орлы, тут змеи и лодки...

— Лодки? — переспросил Леха. — Давай туда, где лодки. Может, повезет к воде выйти.

— Я и сам хотел туда направиться, — кивнул Федор, приободрившись.

— Идем, — поддержал его Леха, — тут и думать нечего. Вернее, некогда. Куда-нибудь вынесет.

— Возьмите еще два факела, — приказал Федор Чайка солдатам, когда они направились к выбранному тоннелю, — а остальные затушите. Не будем облегчать преследователям задачу.

Метров двести они шли в абсолютной тишине, освещая себе дорогу в узком проходе, имевшем на всем протяжении одинаковую высоту и ширину. Тоннель то и дело петлял, но с каждым поворотом ощутимо снижался. При этом каждый поворот был снабжен ступеньками, а кое-где и перилами, за которые было удобно держаться при спуске. Вообще, Федор мог только похвалить местных мастеров по камню — работать с этим материалом они умели.

Их никто не преследовал. Во всяком случае, пока.

— Оторвались, что ли? — заметил вслух Леха, шагавший теперь рядом с командиром.

— Погоди радоваться, — охладил его пыл Чайка, — вот выберемся на свет, тогда и поглядим.

Вскоре Федор услышал характерный шум, а еще метров через пятнадцать стены тоннеля начали расходиться в стороны, впереди показалось оранжевое мерцание, и отряд оказался на широкой лестнице с плоскими ступенями, освещенной факелами.

— Приготовиться к бою, — скомандовал Чайка, напрягшись от предчувствия.

Лестница оканчивалась у широкой дороги, приглядевшись к которой, Чайка признал в ней воду. Они были у берега подземной реки, шириной метров десять, где, пришвартованные к специальным сходням, стояли пять длинных и узких лодок. Они были пустыми, но рядом с одной из них копошилась дюжина воинов, втаскивая на берег какие-то груженные корзины.

— Уничтожить противника, — приказал Чайка и первым бросился к пристани, вскинув фалькату и прикрывшись щитом.

На сей раз воины ягуара среагировали быстрее, да и освещенное пространство позволяло им увидеть атакующего противника. Из нескольких пущенных навстречу финикийцам копий одно достигло цели, пронзив панцирь морпеха насквозь, причем бежавшему рядом с ним Федору послышался такой сильный треск, словно панцирь был не пробит, а рассечен клинком. Из страшной раны на груди кровь хлынула потоком. Но это была единственная потеря финикийцев в той атаке. От других копий они увернулись или приняли на щиты. Лучники с ходу отправили на встречу с богами троих, — пронзенные стрелами те рухнули в воду, ненароком столкнув туда же свои корзины, которые тут же пошли ко дну. Еще двоих размалеванных бойцов зарубили мечами подоспевшие к берегу морпехи, а одного Ларин собственноручно оглушил рукоятью фалькаты. Да и то только потому, что промахнулся, — тот крутился как юла, отбивая все удары узким щитом и своей «отточенной дубиной». Да так ловко, что едва не поранил кровного брата Иллур, раскрошив в щепки его прочный щит.

В ярости Ларин все же выбил из его рук дубину и саданул рукоятью фалькаты по ничем не защищенной голове. Воин ягуара залился кровью из рассеченной раны, обмяк и рухнул на мокрые камни, но не умер, а лишь потерял сознание.

— Свяжи его, с собой возьмем, — приказал Федор, заметив это и остановив руку друга, который собирался добить оглушенного индейца, чье вытянутое лицо было испещрено татуировкой, — «языком» будет.

Разгоряченный схваткой Леха не стал задавать вопросов, а лично спеленал индейца по рукам и ногам, изготовив путы из его же собственной одежды, изобиловавшей всякими веревочными украшениями. А потом бросил на дно ближайшей лодки.

— Грузимся и отплываем, — приказал он, осмотревшись по сторонам, но больше никого здесь не было, — время дорого. Я в первой лодке с шестью бойцами, ты во второй с пленником и пятерыми. Остальные в третьей. Две оставшиеся продырявить и пустить на дно. Нам попутчики не нужны.

Проходя мимо убитых, Чайка посмотрел на единственного мертвеца из своих морпехов. Вспомнил странный треск доспехов и даже выдернул индейское копье из его залитой кровью груди. Оглядев копье, Федор понял, откуда произошел такой громкий звук и появилось столько крови.

Копье ничуть не походило на привычные ему образцы, хотя имело длинное древко, как и все копья. Но вместо узкого металлического наконечника, это копье имело каменный. Да еще такой широкий, что он больше походил на привязанный к древку меч. Этот наконечник был отточен до невероятной остроты и мог резать и колоть не хуже, чем металлический. А может быть, даже лучше.

— Камнерезы чертовы, — выругался себе под нос Федор, отбрасывая окровавленное копье, и добавил, направляясь к лодке, в которой его уже ждали погрузившиеся финикийцы: — Что-то мне этот «каменный век» начинает надоедать.

— Интересно, что они тут выгружали? — поинтересовался Ларин, бросивший на дно узкого суденышка своего оглушенного пленника, — камни, что ли? Все корзины на дно пошли мгновенно.

— Этого мы уже никогда не узнаем, — ответил Федор, забираясь в лодку, где морпехи уже разобрали валявшиеся на дне весла, и посоветовал: — Ты потише там разговаривай, а то здесь далеко слышно.

— Умолкаю, — понизив голос, сообщил Леха, приказав одному из своих бойцов сесть с факелом на нос и освещать путь. В лодке Федора такой факелоносец уже имелся.

— Куда плывем? — все же уточнил Ларин, переходя на шепот.

Чайка раздумывал недолго.

— По течению, — приказал он и добавил: — Держаться вместе. Лучникам быть наготове.

Небольшой караван медленно отчалил от подземной пристани и поплыл по течению, которое подхватило их и довольно резво понесло в скальный тоннель, пробитый самой природой. Грести теперь почти не требовалось. Федор, находившийся на «флагмане», напряженно всматривался вперед, где виднелась огромная арка, проглатывавшая реку, и вниз, в надежде разглядеть дно. Но это было тщетно, глубина здесь была, похоже, приличная. А высота арки позволяла пройти под ней, даже не нагибаясь.

«Что еще нам приготовили эти аборигены?» — подумал про себя Чайка, когда они довольно быстро выскочили из короткого тоннеля и вновь оказались на открытой воде. Это было небольшое озеро, разделенное посередине несколькими естественными колоннами из камня, соединявшими невидимое дно и низкий, нависавший потолок. Течение здесь замедлилось настолько, что финикийцам пришлось наконец взяться за весла. Однако новое направление они выбрали не сразу, поскольку дальний берег был почти неразличим в мерцающем свете факелов. Им пришлось провести несколько напряженных минут, продвигаясь на веслах вдоль почти прямой линии естественных опор, пока они не заметили грот, черневший в стене на другой стороне озера. До него оставалось не больше двадцати метров, когда финикийцы увидели позади и чуть в стороне от себя мерцание.

Повернув голову на появившиеся огни, Чайка заметил несколько лодок, полных воинов с копьями, внезапно показавшихся из незаметного грота с другой стороны колонн.

— Да мы здесь не одни, — пробормотал Федор, — у них тут целый подводный лабиринт.

И, повысив голос, приказал своим гребцам:

— А ну, навались на весла!

Ларин озвучил приказ своим гребцам, и карфагеняне изо всех сил устремились к видневшемуся уже в двух шагах гроту. Но и преследователи оживились, заметив ускользящую добычу. Над головами карфагенян засвистели стрелы, ударяясь о стены. Чайка вздрогнул, когда в лодку с треском воткнулось точно такое же копьё с разящим каменным наконечником, недавно умертвившее его солдата. К счастью, оно пробило борт над водой и замерло в воздухе, едва не повредив днище. Что могло произойти с лодкой, угоди копьё чуть пониже, он даже не стал представлять. Смерть на дне мрачного подземного озера не входила в планы Федора.

Воины ягуара с криками устремились в погоню. Но, к счастью, течение перед гротом вновь усилилось, втягивая легкие суденышки финикийцев внутрь одно за другим. Бурный поток подхватил их лодчонки и понес по узкому тоннелю вниз все быстрее. И спустя мгновение, показавшееся Чайке вечностью, выплюнул на открытое пространство. Каменные стены вдруг пропали, а в глаза больно ударил солнечный свет, ослепивший беглецов на время.

Пока они приходили в себя, шурясь от ярких лучей, их успело унести довольно далеко от скалы. Впереди послышался какой-то сильный шум. А когда Федор вновь смог различать предметы без боли в глазах, прежде чем он сообразил, что перед ним, его настиг крик Ларина:

— Водопад!

Глава вторая ПОГОНЯ

Присмотревшись, Федор действительно различил впереди изгиб реки, которая, разливаясь у выхода из подземелий, превращалась в небольшое озеро среди скал, а затем вновь сужалась, образуя стремнину с несколькими проходами. Серьезный шум, с которым вода проходила эти пороги, недвусмысленно говорил о том, что спокойно миновать их на лодке невозможно. За подтверждением тому не нужно было далеко ходить, Чайка заметил впереди вырубленную в скале пристань, у которой было привязано с десятков таких лодок. Высокие, неприступные на вид скалы возвышались над бурной рекой, и эта пристань,

находившаяся справа по борту, была, похоже, единственным местом, где можно было спокойно сойти, не приближаясь к смертельному водопаду.

Однако именно там находилось человек тридцать пестро разукрашенных воинов с узкими щитами и короткими копьями, выгружавшиеся сейчас из своих лодок на вырубленные в скалах ступеньки. Обернувшись на крики, внезапно раздавшиеся над рекой, они с изумлением увидели позади себя три лодки со странно одетыми людьми. Мгновенно определив в них чужеземцев, вождь этого отряда что-то прокричал и вскинул руку вверх.

— Идем к водопаду, — прокричал, обернувшись назад, Федор, и для пущей убедительности махнул рукой в сторону бурлящего потока, разбивавшегося о камни метрах в ста впереди: — Туда!

В глазах Ларина появилось недоумение, но когда первое копьё просвистело над его головой, едва не угодив в нее, он уразумел приказ. Причаливать здесь все равно больше было негде. Поэтому, побросав ненужные факелы в воду, финикийцы приготовились к очередному смертельному испытанию, привычно отбивая щитами долетавшие до них копья.

— Правь сюда! — приказал Федор своим гребцам, указав на самую широкую расщелину, и подбодрил всех сидящих с ним рядом: — Боги с нами, не пропадем!

А когда лодка вошла в стремнину, вцепился в борта, подумав: «Ну, сейчас начнется рафтинг». И он начался.

Водопад, к счастью, оказался не отвесным, за что Федор успел поблагодарить богов уже в первые секунды этого дьявольского развлечения. Наклон был примерно градусов сорок пять, вода входила в стремнину четырьмя потоками разной ширины, но все они метров через тридцать, повстречав на своем пути непреодолимые препятствия в виде островерхих скал и валунов, едва различимых под водой, сливались в один бурлящий поток. Этот поток, шипя и разбиваясь о камни, метался между ними до самого низа, где вливался в очередное озеро, берега которого Федор, из-за постоянной тряски, не видел. И хотя он уже мог похвалить себя за выбор единственно верного направления для побега, до победы было еще далеко. «Если мы пройдем хотя бы полпути, это будет уже колоссальной удачей, — подумал мгновенно вымокший Федор, когда его суденышко ухнуло вниз с первого переката, — на таких лодках дальше и не уедешь. Но нам этого мало».

— Левее! — заорал он, войдя в роль кормчего, когда нос лодки вознамерился удариться в острый камень. — Левее бери!

Утлое суденышко, выдолбленное из ствола дерева, как ни странно, оказалось достаточно хорошо управляемым. Благодаря стараниям Чайки, лодка с легким скрежетом проскочила очередной камень, слегка задев его бортом, но не получив никаких пробоин. Затем взлетела на гребень пенной волны и провалилась в новую яму, где ее закрутил водоворот. Слушая приказы Федора, пытавшегося перекричать рев воды, гребцы работали изо всех сил в борьбе за жизнь. Что происходило с остальными, никто не видел и не слышал. Это было невозможно в такой свистопляске.

— Прямо держать! — успел крикнуть Федор, перед тем как его рот заполнило водой, а глаза на мгновение перестали видеть даже расплывчатый мир. — Прямо!

Гребцы с чудовищным напряжением немного выровняли трещащую по швам лодку, все время стремившуюся уйти в бесконтрольный полет, и она вновь со скрежетом проскочила между острых камней, задев их краями бортов, но не развалившись на части. Боги пока хранили их.

Федор уже совершенно не понимал, в какой части спуска они находились, но вдруг лодка скрежетнула днищем, перепрыгнув очередной валун, и с высоты рухнула в открытую воду, едва не зачерпнув ее бортами. Несколько секунд Чайка ошарашенно смотрел по сторонам, ожидая новых толчков, — но бешеный рев внезапно прекратился, оставшись где-то за спиной, лодку окружала почти спокойная гладь желто-зеленой воды, наполненной илом и песком. Чайка помедлил еще мгновение, осторожно вращая головой, и наконец выдохнул:

— Прошли!

Его гребцы находились в том же состоянии приговоренных к смерти, еще не

осознавших, что приговор отменен.

В этот момент раздался сильный удар и треск. Федор обернулся к водопаду и своими глазами увидел, как лодка Лехи Ларина рассыпалась, налетев на последний камень. Ее экипаж разлетелся в разные стороны вместе с остатками своего суденышка, исчезнув под водой.

— Разворачивай! — скомандовал быстро пришедший в себя Федор. — Гребите туда!

Когда они подплыли к валуну, ставшему последней преградой на пути Ларина, то заметили нескольких барахтавшихся в воде человек, их было чуть меньше, чем спутников у Ларина, когда они отплывали из подземелья. Двое с окровавленными головами застряли меж острых камней. Кого-то еще не хватало. Федор, к своей радости, едва успел рассмотреть самого Леху, который бултыхался метрах в десяти, отчаянно цепляясь за жизнь и стараясь не уйти на дно в своих доспехах, как раздался новый шум. Третья лодка достигла конца пути и, прогрохотав по тому же камню, приземлилась в паре метров от «флагмана» Чайки, едва не протаранив его своим загнутым вверх носом, на котором было изображено какое-то чудище с зубастым клювом.

— Спасай остальных! — крикнул им Федор, не успев еще поздравить с собственным спасением. — А то утонут!

Подплыв к смертоносному камню слева, он успел схватить за нагрудник Ларина и приподнять над мутной водой, подержав немного, пока тот не уцепился за борт. Потом туда же втащили еще одного морпеха. Двух остальных подобрала прибывшая последняя лодка.

— Двоих не досчитался, — сплюнул Леха, оказавшись в долбленке своего друга, и махнул рукой в сторону водопада. — Чертовы камни. Да еще этого, «языка», тоже.

Федор поискал глазами и нашел вскоре еще один окровавленный труп, зацепившийся за камни. Он был почти голым и со связанными руками. «Жаль, не успели допросить», — как-то без особой обиды подумал он.

— Ничего, — заметил Чайка вслух, — благодари богов, что сам вышел живым из воды.

— Это верно, — не стал спорить Леха, ощупывая ножны фалькаты, крепко державшиеся за спиной, — все щиты потеряли, хорошо хоть клинок при мне остался.

Он несколько раз выругался, облегчив душу, и, наконец, вернулся к жизни.

— Что дальше, командир? — поинтересовался Леха, устранившись в тесной лодке, кренившейся на борт при каждом движении кого-либо из ее обитателей, — куда путь держим?

— Все реки текут в океан, — философски заметил Чайка, разглядывая небольшой лесок, появившийся по отлогим берегам, заметно потерявшим высоту после водопада, — большие скалы остались позади. Мы прорвались, хотя и не без потерь. Плыдем дальше, брат. Посмотрим, может, так и доберемся до берега.

— Может, — не стал спорить Леха, — хотя я предпочел бы уже сойти на твердую землю. Что-то я быстро утомился плавать на этом корыте.

— Не триера, конечно, — усмехнулся Федор, придерживаясь за борт, на котором виднелось множество зазубрин и сколов, — но пока она нас держит, лучше плыть, чем идти. Так оно быстрее будет.

— Ты старшой, тебе виднее, — не стал больше спорить Ларин и постарался пристроиться поудобнее, — интересно только, где наши размалеванные друзья? Эти, черт бы их побрал, воины ягуара.

Две перегруженные лодки отделились от водопада и устремились в дальний конец озера, где река делала новый поворот, пропадая в лесу, но уже ничто не предвещало таких порогов.

— А ты, кстати, куда золотую голову из деревни дел? — поинтересовался Федор, вспомнив вдруг о первом трофее.

— Потерял где-то, — признался Леха, оглядывая себя со всех сторон, — в суматохе. Кажись, еще в подземелье.

— Может, и к лучшему, — пошутил Федор, — они ее найдут да отстанут от нас.

— Ну да, держи карман шире, — осклабился Ларин, прищурившись на солнце, — ты видел, какой в долине город? Там золота наверняка немерено. Да только, думаю, не у каждого оно есть в избытке. А, кроме того, мы уже столько шума наделали и солдат этих размалеванных положили, что вряд ли они от нас отстанут подобра-поздорову.

— Это ты, брат, верно сказал, — против воли стал серьезным Федор, — наверняка за нами уже погоню снарядили. Хорошо еще, водопад нам позволил немного времени выиграть.

— Угу, — хмуро кивнул Ларин куда-то назад, — только второй раз я на такое не подписываюсь. Не зря эти дети ягуара там пристань выдолбили.

— А что, воды боишься? — поддел его Чайка, пристально рассматривавший уже близкий, но пока пустынный берег.

— Морпех воды не боится, — нахмурился еще сильнее Леха, вспомнив недавно пережитое, — я камней боюсь. Неохота подыхать по глупости. Вот если с мечом в руке, это дело.

— Ну, клинок ты сохранил, — заметил на это Федор, — значит, еще успеешь исполнить свою мечту.

Выговорившись, друзья замолчали. Две чудом уцелевшие после чудовищного спуска лодки, просев по самые борта, продолжали свое плавание. Берега примыкавшего к скалистой цитадели озера казались пустынными, но Федора не покидало чувство, что за ними постоянно наблюдают. На эту мысль наводили стаи неизвестных ему пестрых птиц, то и дело срывавшихся в воздух из чащи. Кроме того, когда лодки вошли в широкое русло, и река сделала поворот, Федору показалось, что она, вопреки всем законам, течет совсем не в сторону океана. Чайка пристально наблюдал за перемещением скальной гряды, оставшейся позади, пока горы не скрыл лес, нависший над берегами, но его подозрения лишь окрепли. Подземная река вышла на поверхность уже в той самой долине, где стоял неизвестный город людей, поклонявшихся ягуару. А когда на берегу стали появляться возделанные клочки земли, помедлив немного, Федор поделился сомнениями с другом.

— Чует мое сердце, что мы плывем не туда, — сообщил он Лехе, — скалы, что отделяли лес от долины, остались позади, да только не с той стороны. Не ровен час, приплывем к тому самому городу, вместо того чтобы двигаться к океану.

— Пора сходить на берег? — перешел к делу морпех.

— Пора, — решил Федор, — вот излучину пройдем, она вроде бы опять к большой воде поворачивает, а там и сойдем. Дальше медлить нельзя. Они пирамиды могут строить. Неизвестно, что на воде могли сотворить.

Слова Федора оказались пророческими. Сразу за излучиной реки лес вдруг почти исчез, выпустив реку на свободу. Здесь она сначала расширялась почти в несколько раз, затопляя низменные земли, а затем разделялась на три более мелких рукава, образуя плоские и длинные острова, почти лишенные растительности.

— Ты смотри, — протянул руку вперед Леха, едва не присвистнув от удивления и призывая друга в свидетели, — люди. Крестьяне, похоже, в земле копошатся.

Федор и сам не отрывал взгляда от близких островов. Только глянув в ту сторону, он заметил низкие желтые мостки, соединявшие между собой все острова и сотни людей, голых по пояс, с какими-то мотыгами и палками, копавшихся по колено в земле. У дальнего острова виднелось несколько лодок с воинами, явно надзиравшими за процессом, — узкие красные щиты и длинные копья были хорошо различимы с такого расстояния. А еще левее Федор заметил возвышавшуюся вдали над лесом верхушку каменной пирамиды, тускло блестящую в лучах вечернего солнца. До нее было не так уж и далеко, километров десять по прямой.

— Вот тебе и путь к морю, — выдохнул Леха и добавил, подытожив ситуацию: — Ты прав, командир, лоханулись мы. Не туда плывем.

Чайка ничего не отвечал, стоя на носу медленно двигавшейся по течению лодки. Он высматривал новый путь к спасению среди этих островов, плотно охваченных трудовой

деятельностью аборигенов. Только что его блуждающий взгляд заметил какое-то мощное инженерное сооружение, похожее на плотину, соединявшее с дальнего конца «городской» берег и три острова сплошной стеной. От последнего острова к противоположному берегу тоже тянулась стена из темно-красного камня, но в ней был проделано отверстие, как бы специально для сброса воды и пропуска лодок. Но там, понятное дело, дежурили воины со щитами и копьями.

— Прорываться будем? — поинтересовался Леха, смотревший в ту же сторону. — Плотину брать?

— Второй раз у нас такой фокус не выйдет, хотя здесь и нет водопада, — сразу отмел идею Федор, поправив шлем, — тяжелые мы слишком, того и гляди сами перевернемся. Доплыть бы, не то что воевать на этих шкурках дальше.

Федор перевел взгляд на «городской» берег, вдоль которого уже спешили к ним навстречу три лодки, полные воинов ягуара.

— Да и заметили нас. Уже в тыл заходят. Того и гляди, скоро здесь будет этих звероподобных еще больше. Так что, брат Леха, пора высаживаться на берег.

— И то ладно, — не стал спорить Леха, — ноги размять.

— Сейчас разомнешь, — успокоил его Чайка, — погоня себя ждать не заставит.

И обернувшись к гребцам, приказал:

— Давай к ближнему берегу. Вон туда, где проплешина между деревьями.

Когда две лодки, полные странно одетых чужеземцев, на глазах у местных крестьян, уткнулись носами в мягкую землю, погоня была уже близко. Воины ягуара приблизились на расстояние трехсот метров и потрясали копьями с остро отточенными наконечниками в предвкушении легкой добычи. По воде к финикийцам плыло человек тридцать. Да и с плотины в лес бросилось еще человек пятнадцать. Так что на легкую прогулку Чайка и не рассчитывал.

— Быстрее, быстрее! — торопил он выскакивавших на берег бойцов. — Быстрее в лес.

— Сейчас начнется настоящая охота, — «подбодрил» его Леха, прыгавший на берегу, чтобы размять затекшие ноги, — хочешь, я возьму лучников и встречу этих друзей прямо здесь, пока они не выбрались на берег.

— Идея неплохая, но преимущества внезапности у нас уже нет, — подумал вслух Федор.

— Но и щитов у нас тоже нет, — напомнил Леха, — в ближнем бою потери будут больше. А так мы их хоть немного приструним.

— Надо идти назад, к скалам, — решил Федор, когда все уже были метрах в двадцати от береговой линии под прикрытием леса, — пока они не вызвали на подмогу еще больше звероподобных.

Внезапно он остановился, сделав знак остальным. Осмотрел бойцов. Сейчас под его командой осталось всего шестнадцать человек, половина из которых были без щитов и шлемов, включая Леху, но, хвала богам, еще в доспехах и с мечами. Копья за время стремительного прорыва подрастеряли все. Из выживших пятеро были лучниками. У этих с оружием было лучше, — и луки и колчаны, почти полные стрел, имелись. К счастью, все они плыли на первой и последней лодках.

— Ладно, — решил Чайка, прикинув что-то в уме, и повернулся к Ларину: — Бери троих лучников и троих пехотинцев. Встреть наших провожатых и сделай так, чтобы они слегка присмирели, прежде чем достигнут берега.

Леха кивнул, даже повеселев.

— В большую драку не ввязывайся. Твоя задача лишь немного задержать их, — продолжал Федор, поглядывая сквозь деревья, росшие по этому берегу сплошным ковром. Он был почти уверен, что и здесь обязательно должны быть тропы или даже дороги, слишком уж близко они находились от города. — А потом двигайся вон в том направлении в сторону скал. Мы с остальными пойдем туда. Встретим их авангард и будем ждать вас. Не задерживайся, брат.

— Не бойсь, — ухмыльнулся в усы Леха и почесал бороду на счастье, — где наша не пропадала. Вы, трое с луками, за мной.

Хлопнув друга по плечу, Федор увел остальных в чащу. Этот влажный лес хоть и был похож на джунгли, но выглядел каким-то ухоженным и прореженным. Он даже мог бежать по этому лесу почти не останавливаясь. В общем, не чета той буйной растительности, сквозь которую им приходилось продираться по дороге сюда от самого берега океана. Спустя пятнадцать минут такого бега они удалились на достаточное расстояние от берега, чтобы не слышать, как Ларин с лучниками встретил преследователей. Но не это беспокоило Федора, державшего курс на невидимые сейчас скалы. Где-то рядом находился авангард воинов ягуара и они вот-вот должны были встретиться. Федор почти не допускал возможности, что они бросились вдоль берега, — если так, то Лехе и его отряду конец.

«Скорее всего, — думал Чайка, переходя на шаг и все пристальнее вглядываясь в поросшие лесом холмы, — они пошли наперерез нам и продвигаются либо рядом, либо сзади. Хотя местность они должны знать отлично, так что могли и обогнать».

Словно в ответ на его слова, стоило им выйти на небольшую каменистую поляну, как из леса прилетело раскрашенное копье, перевязанное у наконечника пестрыми лентами. Пробив панцирь воину, шагавшему чуть впереди Федора, оно свалило его за мгновение. Боец рухнул замертво, прямо под ноги Чайке, выронив клинок. Финикийцы едва успели опомниться, как на них с криками бросились размалеванные воины, и завязалась жестокая драка. Но в этом бою посланцы далекого Карфагена проявили себя отлично.

Уворачиваясь от копий, которыми было не очень удобно размахивать среди деревьев, они яростно рубили противника мечами и фалькатами, порой отсекая целые конечности. На глазах Федора двое карфагенян легко пронзили своих соперников, не имевших на теле почти никаких доспехов, а затем зарубили еще по одному. Сражаясь сразу с двумя, Чайка успел заметить, что воинов ягуара было не слишком много, и они пока не окружены, а лишь атакованы с одной стороны. Увернувшись от копья, вонзившегося в ствол черного дерева, Чайка, не тратя время даром, не стал рубить копье, а вместо этого отсек нападавшему кисть. С диким криком индеец, все тело и лицо которого покрывали татуировки, обливаясь кровью, исчез в лесу. А второй в ярости метнул в Чайку свое копье, но промахнулся, лишь оцарапав нагрудник сбоку.

— Осторожнее, друг, — усмехнулся Федор, видя, что силы противника тают на глазах, а отряд преследователей оказался не таким уж большим, — так и поранить можно.

Воин проревел что-то нечленораздельное и сорвал с пояса свой меч, в котором Чайка узнал уже знакомое по пещерным коридорам оружие, — плоскую деревянную дубину, в которую с двух сторон были вставлены отточенные каменные пластины. Только у этого «меча» пластина выглядела не сплошной, а имела насечки через равные промежутки, что делало ее немного похожей на пилу. Правда, от этого подобное оружие становилось только опаснее. Федор ведь тоже был без щита.

— Да ты, наверное, вождь, — продолжал издеваться Чайка, разглядывая доспехи смуглолицего воина: панцирь, похожий на черепаховый, что прикрывал большую часть груди, и плоский, плотно прилегающий к голове шлем, закрывавший уши, — у тебя даже шлем есть.

Воин, кем бы он ни был, не стал дослушивать до конца насмешки и бросился на Чайку. Взмахнув своим оружием, он попытался отрубить Федору руку, как тот сам только что проделал с другим нападавшим. Но не вышло. Федор отскочил за дерево, и меч с размаху рубанул по толстой ветке. Этот странный клинок допотопного вида рассек ее без видимого усилия, из чего Федор, мгновение назад зацепившийся за корягу и упавший навзничь, сделал вывод о непрочности собственного панциря. Он был уверен: достань этот боец его своим каменным мечом, — доспех был бы рассечен пополам.

Отбросив упавшую на него ветку в сторону и решив больше не искушать судьбу, Чайка вскочил, устремившись навстречу атакующему противнику. Индеец в шлеме вновь рубанул мечом и в этот раз срезал как бритвой его плюмаж. Взбешенный Федор нанес подряд два

удара, одним из которых выбил страшное оружие из рук врага, а вторым оглушил его, ударив по шлему. Индеец покачнулся, отступив назад, чтобы спрятаться за деревом. Но Чайка был настроен закончить поединок немедленно. Быстрый выпад и острие фалькаты сначала пронзило плечо индейца, а затем и проникло в его живот, вспарывая широкий цветной пояс, а с ним и кишки.

— Вождь ты или нет, — подытожил Федор, — а я все равно сильнее. Извини, брат.

И толкнув мертвеца ногой в траву, оглянулся по сторонам. Скоротечный бой с аборигенами уже закончился. Почти все финикийцы, за исключением двоих, стояли полукругом возле него, присматриваясь к окрестностям и ожидая новой атаки. Вскоре среди деревьев что-то замелькало. Карфагеняне выстроились в линию, но Чайка первым разглядел коренастую фигуру Леха, продиравшуюся сквозь тропическую чащу, и опустил фалькату.

— Свои.

Когда Ларин выскочил на поляну, усеянную мертвыми индейцами, и остановился, заметив Федора, то даже присвистнул, пересчитав потери врага.

— Хороши, ничего не скажешь, — похвалил он и, обернувшись к четырем бойцам, показавшимся вместе с ним из леса, добавил: — Но и мы не лыком шиты. Человек пятнадцать в воду спустили, прежде чем эти пироги добрались до берега. Мои лучники тоже молодцы.

Федор взглядом пересчитал прибывших.

— Они тоже копья кидать умеют, — пожал плечами Леха, поймав этот взгляд, — двоих уложили в спину, когда мы уже подались к вам от берега. Надо спешить, остальные скоро здесь будут. Человек двадцать.

— Ясно, — кивнул Федор, — бегом марш.

Они плутали меж деревьев почти час, распугивая птиц и мелких хищников, когда лес начал вновь редеть, но скалы все не показывались. Федор чувал, что преследователи дышат им в спину, но пока что им удавалось ускользать на совершенно незнакомой земле. Наконец, когда лес немного расступился на каменистом холме, Леха издал победный вопль:

— Смотри!

Чайка взглянул в указанном направлении и увидел в просвете между деревьями горы.

— Вперед! — тотчас поднял он на ноги недавно опустившихся на привал людей. — Потом отдохнете, если выжить удастся.

Пробежав еще метров двести, они заметили петлявшую меж деревьев дорогу. Издалека она казалась пустынной, и Федор, решив сократить время, вывел людей прямо на нее. Но едва изможденный отряд карфагенян двинулся в направлении скал, как из-за первого же поворота показалась бесконечная колонна рослых воинов с яркими щитами и копьями. Их лица скрывали уже знакомые звериные маски. А впереди всех вышагивал вождь в плоском шлеме и панцире, как две капли воды походивший на убитого Чайкой в недавнем бою. Увидев пришельцев, он с криком вскинул руку вверх, потрясая боевым топором, украшенным короткими лентами. Федор остановился, в нерешительности оглянувшись назад, но и там на дорогу вдруг посыпались размалеванные воины. Свободный путь по ней был перекрыт, оставалось снова в лес.

Глава третья ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Однако в лес финикийцы не смогли удалиться слишком глубоко. Едва пробежав до небольшой ложбины между каменистыми холмами, они услышали впереди, а потом справа и слева крики «загонщиков», словно на них охотились, как на диких зверей. Поднявшись на дальний край этой ложбины, Федор увидел красные щиты индейцев между деревьями буквально в двадцати метрах от себя. И так было везде: справа, слева и позади.

— Все, бежать больше некуда, — остановился Федор на гребне, перехватывая покрепче фалькату, — остается умирать в бою.

— Не впервой, командир, — ухмыльнувшись, сплюнул Леха, вставая рядом.

— Построиться! — отдал последний приказ Чайка, и бойцы образовали на гребне каменистого склона что-то похожее на каре, развернувшись так, чтобы встретить индейцев лицом к лицу. — Покажем этим обезьянам, что такое Карфаген.

Чайка ожидал, что воины противника, пользуясь тем, что у его бойцов почти не осталось щитов, просто закидают их своими смертоносными копьями, которыми они пользовались очень умело, но этого не произошло. Индейцы приближались медленно, перехватив копья и слегка присев на своих ногах, словно подводя дело к ближнему бою. Наконец, они вдруг остановились, замерев по знаку вождя в десятке метров от карфагенян.

— А ну-ка, лучники, — приказал Чайка, не выдержав этой психической атаки, — стрел не жалеть!

Тотчас оставшиеся в живых лучники стали пускать стрелы во все стороны, сражая воинов ягуара наповал. Те падали замертво, но в ответ так и не полетело лавины копий, что окончательно сбило с толку Федора.

— Может, они нас живьем решили взять? — подумал он вдруг, даже озвучив эту мысль вслух.

— Зачем? — недопонял Ларин, вытерев пот со лба тыльной стороной ладони.

— Посмотреть, что там внутри у белокожих пришельцев, — поделился догадкой Федор, — здешние жрецы должны быть большими умельцами по части вырезания сердца у еще живых людей. Они тебе его даже успеют продемонстрировать, до того, как твой дух отправится к богам.

— Я живым не сдамся, — заявил Ларин, — я тоже слышал в прошлой жизни, что они с пленниками делают. Лучше уж сейчас помереть. Прощай, командир!

И, шагнув вперед, он с криком бросился на врага. Ларин успел пробежать метров пять, прежде чем в него все-таки метнули какой-то странный предмет, похожий на веревку с шарами. Фальката Лехи еще не успела опуститься на голову ближайшего индейца, как он сам рухнул ему под ноги, опутанный прочными веревками.

— Значит, я не ошибся, — выдохнул Федор и с криком «Вперед! В атаку!» бросился на выручку спеленутому по рукам и ногам другу, который лежал на каменистой земле, матеря на чем свет стоит местных жителей.

Освободить друга он не успел. Но Чайке повезло больше. Он увернулся от копья и убил еще троих, раскроив массивной фалькатой их татуированные черепа, прежде чем сам подвергся такой же участи. Неизвестно откуда прилетела ловко пущенная веревка с шарами, и он, выронив фалькату, оказался на траве, совершенно обездвиженный. Упав примерно в нескольких метрах от Ларина, Федор потерял шлем, но успел заметить, как индейцы все же пустили в ход копья, убив нескольких карфагенян. Финала последнего сражения он не увидел, — кто-то приблизился к нему и хорошенько приложил по голове тяжелой дубиной. Свет померк в глазах Федора.

Первое что он почувствовал, очнувшись, кроме дикой боли в затылке, — это какие-то подергивания в плечах и запястьях. Голова его тоже постоянно раскачивалась. Едва к нему вернулась возможность хоть немного соображать, как он уразумел, что привязан за руки и ноги к длинному и тонкому бревну. Подвесив словно тушу кабана, добытую на охоте, его куда-то несли сквозь лес несколько воинов ягуара.

«Черт побери, — в бессильной ярости подумал Чайка, глядя на танцующий перед глазами мир и понемногу сообразив, что его несут по той самой дороге, по которой они пытались сбежать, — могли бы и на повозку бросить».

Однако ушибленная память все же напомнила ему, что местные аборигены вроде бы не знают колеса. «Какая жалость, — расстроился Федор еще больше, — даже в последний путь не могут отвезти как следует. Все мучиться приходится».

После пленения Федор был оставлен в панцире, но лишен оружия. В всяком случае его любимой фалькаты при нем больше не было, как и двух кинжалов. «Хорошо еще, что хоть оставили сандалии на ногах, — вспомнил Чайка про свое секретное оружие — узкое острое

лезвие, спрятанное в подошве на такой случай, — может быть, боги дадут мне еще один шанс».

Он попытался осмотреться, насколько позволяло его положение, но из этого ничего хорошего не вышло. Удалось заметить лишь то, что впереди таким же образом несут еще кого-то из его спутников. Но кого именно, разобрать не удалось. Есть ли кто-то еще сзади, он посмотреть не решился, — для этого пришлось бы подтянуться и поднять голову, а Чайка старался не привлекать внимания конвоиров-носильщиков, пытаясь до последнего делать вид, что он без сознания. Это ему удавалось легко, так как сил у него действительно не было. Минут через пять все вновь поплыло перед глазами, и голова командира карфагенян безвольно повисла.

Новый проблеск сознания возник у него, когда Федора потащили куда-то вверх, и положение тела резко изменилось. От сильных толчков Чайка вновь ненадолго пришел в себя и увидел, что его несут по широкой каменной лестнице, мимо большого скопления народа. Вскоре пестрые одежды и смуглые лица, которые почти сливались для Чайки в одном бешеном карнавальном танце, оставались позади. Теперь он смог увидеть обширные плоские каменные грани, тянувшиеся бесконечно вверх, справа и слева от лестницы. «Пирамида, — догадался Федор, — значит, все-таки нас принесут в жертву». Но даже эта новость не смогла его уберечь от новой потери сознания. «Пусть, — слабо подумал изможденный Федор, даже не пытаясь удержать ускользающее сознание и вновь погружаясь во тьму небытия, — умру во сне прямо сейчас. И пусть эти жрецы от злости рвут себя на куски».

Но он не умер так быстро, как хотел. Очнувшись в третий раз, Федор ощутил, что лежит на каменном постаменте, привязанный к нему за руки и ноги, почти не имея возможности ими пошевелить. Зато голова его лежала свободно, словно ему специально оставили возможность наблюдать за собственной казнью. И Федор не преминул этой возможностью воспользоваться, чуть приподняв голову и осмотревшись. Они находились, судя по всему, на плоской вершине высокой пирамиды. Вокруг было только небо, имевшее вечерний оттенок. Лишь позади Чайка мог заметить край каких-то более высоких построек, от которых валил черный дым. «Наверное, апартаменты жрецов, — подумал он, привычно анализируя ситуацию и словно забыв о грядущей гибели, — они уже разожгли жертвенный костер и наточили свои поганые ножи».

Солнце палило нещадно, нагревая его оголенную кожу. Панцирь с него уже сняли, оставив лишь исподнее на бедрах и сандалии. Однако, похоже, все оружие и доспехи бросили тут же, — он увидел чуть в стороне сваленные в кучу одежды, похожие на одежду и снаряжение финикийцев. К своему удивлению, никаких солдат рядом он не заметил. Ни справа, ни слева. Только длинный ряд каменных столов, построенных здесь явно для препарирования людей. Ближние места, насколько он мог заметить, с обеих сторон были заняты его людьми. Справа лежал лучник, а слева Леха Ларин, и Федор против воли поблагодарил своих будущих убийц, что позволили им в последний момент быть рядом, хоть какая-то радость.

Метрах в десяти, где виднелся человек в пестрых одеждах с украшенной яркими перьями головой, вдруг раздалось заунывное пение. Голос был высоким и тонким, как у оперного певца. Постепенно голос окреп и разнесся над всей пирамидой. Его наверняка было слышно и внизу, на площади. «Ну вот, началось отпевание, — подумал Федор, закрывая глаза, — не люблю я такую музыку».

От звуков голоса поющего жреца Леха очнулся и ошалелым взглядом стал смотреть по сторонам. Заметил Чайку.

— Эй, командир, — позвал он, извернувшись, насколько было возможно. — Жив еще?

— Пока жив, — спокойно ответил Федор вполголоса, уже не боясь получить дубиной по голове за разговоры, — но это ненадолго. Вон тот парень скоро допоеет свою песню и начнет нас вскрывать, выпуская кишки на волю.

— Ну так надо что-то делать, — озадачил его неожиданным предложением Леха, — не

помирать же здесь, как жертвенным баранам, в самом деле.

— Мы на вершине пирамиды, брат, — проинформировал его Чайка, — даже если освободимся, отсюда далеко не убежишь. Спуститься не дадут, не говоря уже о том, что город вокруг.

— Кончай ныть, сержант, — оборвал его Леха, — думай давай.

Федор умолк ненадолго, совершенно не зная, что противопоставить железной логике своего друга, не желавшего примириться с очевидным. Но помирать вот так, в виде подопытных кроликов, действительно не хотелось. Меньше всего Федор хотел увидеть свое быющее сердце.

— У меня в сандалиии лезвие есть, — вдруг сообщил он как бы невзначай Лехе.

— Так доставай, — заметил на это Леха, — режь ремни. У меня все равно нет ничего. Кинжалы все отобрали, не говоря уже о фалькате.

— Попробую, — осторожно заметил на это Чайка, пошевелив затекшими руками.

Левое запястье было прикручено чуть сильнее, чем правое, и Федор, вспомнив свое умение диверсанта выпутываться из разных силков и капканов, стал шевелить рукой. Некоторое время, как он ни старался, ничего не выходило. Палачи свое дело знали, надежно обездвижив жертвы. «Потому, — подумал он, — и солдат не видно. Уверены, что никто не сбежит».

— Давай быстрее, — прошипел сбоку Леха. — Пока это чудо в перьях свою песню поет. Скоро допоеет, и тогда поздно будет пить боржомом.

К счастью, жрец, которому помогало в этом заунывном песнопении еще несколько голосов, не особенно торопился закончить обряд. Скорее, наоборот, оттягивал его начало, предвкушая радость ритуального кровопускания.

Спустя минуту бесплодных попыток Федор наконец смог вытащить измученную ладонь из кожаной петли, плотно державшей ее у основания каменного стола. Против воли посмотрел по сторонам, но за это его никто не наказал. Похоже, за приговоренными к жертвоприношению уже не следили так пристально, полагая, что они никуда не денутся. Но друзьям роль жертв не очень пришлась по душе. Они оба уже твердо решили лучше умереть при последней попытке к бегству, чем на столе для кровопускания.

Поскольку его правая нога была привязана к камню специальной петлей, совсем близко от руки, так что его грудь слегка выгибалась вперед, Федор уже без труда дотянулся до подошвы. «Спокойно, — скомандовал он своим пальцам, нервно обшаривавшим каблук сандалиии, — не урони лезвие. Это твоя последняя надежда».

Усилием воли он заставил руку не дрожать и вскоре нащупал едва заметную головку короткой рукоятки. Зацепив ее пальцами, он медленно извлек наружу узкое и обоюдоострое лезвие, длиной сантиметров десять.

— Есть, — прохрипел Федор, от радости потеряв голос.

— Давай режь свои ремни, — прошипел в ответ Леха, — а потом мои.

Чайка не успел приступить к осуществлению задуманного, как песнопения неожиданно смолкли. В наступившей тишине кто-то из жрецов вдруг громко выкрикнул одно слово, и откуда-то снизу накатила волна людских голосов. «Да там немало народа собралось, — поймал себя на мысли Чайка, — посмотреть на наше кровопускание. Черт бы их побрал, вместе с их богами».

Когда хор людских голосов на площади затих, жрец развернулся и медленно двинулся к своим жертвам, многие из которых уже очнулись, в ужасе вращая глазами по сторонам с надеждой на чудо. Даже со своего места Федор разглядел головной убор из перьев, проплывший к тому месту, где, видимо, начинался ряд каменных столов. Остальные жрецы последовали за ним. Там главный жрец, лица которого он не мог разглядеть, остановился, и Чайка глазом не успел моргнуть, как в воздухе сверкнуло что-то золотистое. Раздался душераздирающий крик, и над головой жреца взметнулась его рука, сжимавшая окровавленное сердце. Алые струи текли по этой руке, только что вскрывшей грудь одного из карфагенян. Жрец развернулся и продемонстрировал еще трепыхавшееся сердце толпе

внизу, которая взорвалась от восторга. Новая волна истошных воплей, напоминавших крики радости, захлестнула пирамиду.

— Началось, — пробормотал побледневший Федор.

— Торопись! — едва не крикнул Леха, безуспешно пытавшийся высвободиться самостоятельно. — Торопись, сержант!

Чайка стиснул зубы и, стараясь не отвлекаться на новую волну криков радости, означавшую конец кого-то из его людей, принялся перерезать петлю на ноге. К счастью, «диверсионный» нож, сделанный по его спецзаказу оружейниками, не подвел. Твердая кожа с треском лопнула, освободив ступню. Чайка едва не вскрикнул от радости, — правая сторона его тела была на свободе, оставалось самое трудное, — освободить остальное. Для этого пришлось бы подняться с жертвенного стола, что неминуемо привлекло бы внимание жрецов и еще неизвестно кого, кто мог находиться поблизости. И все-таки другого выхода не было. Нужно рискнуть. Главный жрец ягуара, почуяв опьяняющий запах крови, работал методично — и уже двое соплеменников Федора под радостные крики толпы отправились на встречу с богами. Сколько их еще осталось, кроме него самого и Лехи Ларина, он не знал, но если уж бежать, то нужно было попытаться освободить всех, кого только возможно.

И Федор решился. Резким движением он перекинул тело через край каменного стола и рухнул в углубление между своим постаментом и столом, на котором извивался Ларин. За секунду полета он успел осознать, что группа жрецов находилась от него шагах в двадцати слева. Солдат поблизости Чайка не заметил, лишь внизу, в сотне метров на лестнице, стояла какая-то цепочка вооруженных копьями людей. Большого он не увидел, сразу принявшись за ремень на своей руке. Обрезал. Руки свободны. Короткий взгляд в сторону, — кто-то метнулся к нему, — теперь надо быстро освободить ногу. Перепиливая твердый ремень, боковым зрением Чайка видел, как к нему в обход каменных столов движутся два рослых человека в перьях и масках. Однако копий у них в руках он не заметил, а потому решил сначала допилить ремень. Несколько секунд у него еще оставалось в запасе.

— Молодец, командир, — крикнул Леха, когда тот освободился и принялся резать ремень у него на руке.

— Все, дальше сам, — объявил он, когда правая рука Ларина была свободна, а жрецы, сжимавшие ритуальные кинжалы, находились уже всего в пяти метрах за спиной, — а я пока поговорю с этими ребятами.

Сунув лезвие в руку Лехе, который, не мешкая, принялся довершать дело, командир карфагенян отскочил в сторону, где уже давно приметил сваленные в кучу доспехи своей разбитой армии. Среди них даже поблескивало что-то похожее на клинки, которыми он решил завладеть вновь. Видимо, жрецы решили все это тоже принести в жертву или просто не стали пока тратить время на изучение трофеев, предпочитая заняться телами пленников. Но, метнувшись туда, Федор понял, что путь ему уже перекрыт, — один из рослых жрецов бросился наперерез, вытянув вперед свой изогнутый золотой кинжал.

Остановившись, Чайка встретился глазами с этим жрецом. На нем была маска ягуара с оскаленной пастью, сквозь которую виднелась лишь верхняя часть лица, скрывая рот под звериным оскалом окровавленных клыков. В остальном он был голым, если не считать широкого золотого пояса, прикрывавшего гениталии, украшенного вычурным орнаментом из красных линий и изображениями, очень похожими на черепа. На щиколотках он имел поножи, выполненные в таком же стиле. Второй жрец, перемещавшийся вдоль другого конца шеренги жертвенных столов, которых здесь был не один десяток, как успел разглядеть Федор, был одет так же, но находился дальше.

— Ну иди сюда, — пробормотал Федор, разминая затекшие конечности, — попробуй завершить свой ритуал.

Жрец не стал дожидаться приглашения и выбросил руку со своим смертоносным кинжалом вперед. Чайка пригнулся, и нож просвистел над его ухом. Не давая противнику нанести новый удар, он ответил коротким тычком кулака под ребра, остановившим движение тела в воздухе, а затем пнул его ногой в грудь. Жрец отлетел назад,

распластавшись на камнях и выронив нож. Чайка метнулся к нему, но жрец вновь завладел клинком и, когда Федор навис над ним, попытался лежа вспороть ему живот. Чайка чудом успел избежать этого — золотое лезвие прошло в миллиметре от его живота, слегка расцарапав кожу. Федор в ярости нанес удар ногой по голове жреца, отчего маска слетела с его головы, обнажив узкое смуглое лицо с длинными, до плеч, черными волосами. А когда, выронив нож, жрец откатился в сторону, Федор добавил еще несколько раз подкованным башмаком по ребрам и даже засадил ему в пах. Поверженный жрец согнулся, заскулив от боли, и затих.

— Напрасно вы мне сандалии оставили, — приговаривал Федор, пиная распластанное тело, — ох, напрасно.

Увлечшись, он потерял пару секунд. Тем временем подлетел второй и попытался лишить Федора скальпа, взмахнув ножом у самой макушки.

— Ну все, — решил Чайка, — пора кончать это представление, а то скоро сюда весь город сбежится.

После первой схватки он уже постепенно пришел в форму. И со вторым противником разделался гораздо быстрее. Отбив блоком руку с ножом, Федор, не раздумывая, ударил нападавшего в пах и затем, снизу вверх коленом, которое встретилось с маской ягуара, превратив ее в кашу вместе с лицом. Наступив на размотавшийся золотой пояс, Чайка случайно сдернул набедренную повязку со жреца, который рухнул навзничь, обнажив свои гениталии. Не отвлекаясь, Федор подхватил его изогнутый нож для жертвоприношений, опустился рядом на колено и с размаха всадил клинок жрецу в сердце, на прощанье даже посмотрев в глаза, которые уже трудно было отыскать на окровавленном лице. Испутив короткий вздох, жрец затих.

— Это тебе за моих ребят, — сплюнул Федор, вставая с кинжалом в руке.

Оказавшись на ногах, он невольно взглянул на гениталии поверженного противника и только тут понял, что его так удивило: отсутствие некоторых совершенно необходимых мужчине частей. Убитый жрец был кастратом.²

— Вот те раз, — озадачился Чайка, от неожиданности позабыв о том, где находился, — так вот почему они так звонко пели.

В этот момент чья-то тень мелькнула с боку и Федор, увернувшись от направленного ему в грудь ножа, с разворота всадил трофейный клинок под ребра второму жрецу. Когда тот опустился на колени, а затем упал в лужу собственной крови, что успела натечь из обширной раны, Чайка наконец смог осмотреться.

Ларин уже освободился сам и продолжал одного за другим освобождать от пут карфагенян, прикованных к жертвенным столам. Кроме них здесь были и другие пленники из местных, но Леха занимался пока только своими. Группа жрецов, взбешенная неожиданной свободой своих жертв, однако больше не решалась нападать самостоятельно, — слишком дорого это обошлось их первым посланникам. Казнив троих финикийцев, остальные попятились в сторону лестницы, по которой наверх уже бежала их охрана, — рослые и смуглые солдаты с копьями. Федору даже показалось, что те были слишком высокими для индейцев, настоящие великаны.

Сам Чайка находился на верхней части огромной ступенчатой пирамиды из красного камня, обращенной фасадом к широкой площади, запруженной народом. Вокруг нее виднелось несколько пирамид поменьше и расходившиеся лучами улицы, застроенные домами. Позади пирамиды Федор разглядел вытянутое озеро и даже речку, что впадала в

² У ольмеков, описанных в данном романе, существовал культ изготовления огромных человеческих голов из камня. Хотя самих себя они обычно изображали карликами. Среди найденных археологами в культовых сооружениях ольмеков статуэток обнаженных карликов, было много таких, у которых отсутствовали половые органы. Среди специалистов сложилось мнение, что доступ в господствующее сословие жрецов открывался ольмекам лишь после добровольной кастрации. И в данном случае отсутствие половых органов символизирует не слабость, а скорее силу и власть.

него совсем близко. Берег порос лесом, хотя и был разрезан повсюду дорогами. Здесь же, на верхней площадке, позади жертвенных столов, было выстроено еще два небольших квадратных здания со входами, но без окон. Они походили на обиталища священных жрецов или места для хранения подношений. Между двумя подозрительными строениями, из которых, впрочем, никто не выходил, виднелся узкий проход на дальнюю сторону пирамиды. Вдоль него стояло несколько полыхающих котлов с какой-то черной маслянистой жидкостью, посылавшей в небо черный дым.

«Судя по скоплению народа, мы действительно удостоились чести быть принесенными в жертву местным богам, — подумал Федор, метнувшись к собранным в кучу доспехам в надежде отыскать там что-нибудь повнушительнее короткого ножа для жертвоприношений, — да еще наверняка на каком-нибудь празднике плодородия, чтобы окропить всходы нашей кровью. Вот уж хрен вам, не дождетесь!»

Порывшись в куче доспехов, он с радостным изумлением обнаружил там свой панцирь и даже свою фалькату.

— Леха! — крикнул Федор своему другу, быстро накидывая панцирь на себя и застегивая на ходу на пару ремешков. — Давай сюда! И остальные тоже ко мне!

— Сейчас, — ответил Ларин, продолжая вспарывать путы, — еще троих освобожу.

— Тут наши доспехи и оружие, — крикнул ему Федор, с приятным чувством ощутив в ладони тяжесть фалькаты, — есть чем встретить этих мощных ребят, что бегут к нам по лестнице.

— Отлично! — заявил Леха, в запале освободив еще несколько незнакомых индейцев, повалившихся ему в ноги от радости, — значит, умрем с клинками в руках.

С удивлением смерив их взглядом, Леха предоставил индейцев собственной судьбе и поскакал через жертвенные камни к своему командиру.

— Я тут, — вскоре выдохнул полуголый Ларин, оказавшись рядом вместе с несколькими спасенными финикийцами. — Что делать будем?

— Разбирайте оружие, что осталось, — приказал Федор, взглядом пересчитывая своих воинов, которых было теперь всего девять человек вместе с ним, — быстрее, скоро здесь будут солдаты.

Пока бойцы разбирали мечи и кинжалы — ни копий, ни луков, к сожалению, здесь не оказалось, — Федор с Лариным, уже натянувшим чей-то панцирь и раздобывшим фалькату, отошли на пару шагов в сторону. Ничуть не скрываясь, все равно некуда, они смотрели, как на помощь обескураженным жрецам по ступенькам поднимались солдаты. Они хоть и бежали, но, надо сказать, не слишком торопились, понимая, что беглецам с вершины пирамиды все равно никуда не деться.

— Хочешь дать бой? — предположил Леха, рассматривая с высоты странный город и площадь у подножия этого грандиозного сооружения. Люди внизу, жаждавшие крови, замерли от неожиданности, когда посвященные ягуару жертвы вдруг начали защищаться.

— Дать бой мы всегда успеем, — как-то странно заметил Федор, поглядывая наверх, туда, где горели котлы, испускавшие в небо черный дым, — пойдем-ка посмотрим, что там за этими каменными избушками.

— Думаешь, там есть черный ход? — усмехнулся Ларин.

— Чем ягуар не шутит, — криво усмехнулся Федор, впервые за этот день.

— Ну пойдем, — согласился Леха, крепче сжав фалькату, — все равно они уже скоро будут здесь. А оттуда можно будет опрокинуть на них это кипящее масло или смолу. Вон как жаром обдаёт даже здесь. Может, хоть половину из них спалить успеем, пока нас порубят в мелкий винегрет.

Друзья поднялась вверх, преодолев несколько широких ступенек, и оказались в проходе между двумя ритуальными сооружениями. Жар от котлов, стоявших на треногах, и задымленность здесь ощущалась еще сильнее. Осторожно заглянув сначала в одно строение, стены которого были изготовлены из идеально отполированных каменных блоков высотой в человеческий рост и имели в дальнем конце три узкие вертикальные прорезы непонятного

назначения, вместо окон друзья не обнаружили там почти ничего. Если не считать нескольких каменных скамеек и странного круглого изображения, высеченного на полу, метров десять в диаметре, испещренного какими-то картинками. Вечерний свет из прорезей в стене падал именно на этот каменный круг.

— Пусто, — констатировал Ларин, — оружия нет, золота тоже. Даже окон, можно сказать, нет. И чем они тут занимаются?

У Федора возникли свои догадки, но он не стал ими делиться. Некогда. Сначала надо придумать, как сбежать отсюда. Вернувшись в проход, они не успели зайти в соседнее здание, а лишь заглянули, — воины ягуара уже были почти у самой площадки. На ее границе оставшиеся солдаты Карфагена готовились дать последний бой. Еще раз после неожиданно отложенной казни.

— Идем туда, — махнул рукой Федор и потянул друга сквозь проход, обозначенный жаровнями.

Пройдя между двумя странными сооружениями на вершине огромной пирамиды, вскоре они оказались у ее задней стены, обращенной к озеру. К своему удивлению, прямо с верхней площадки отсюда вниз действительно вела узкая лестница, на которой могли разойтись лишь два человека. Сейчас здесь никого не было. Ни жрецов, ни охраны. А между основанием пирамиды и озером тянулся заросший лесом участок, разделявший огромный город на две части. Лестница перетекала с грани на грань пирамиды и неожиданно оканчивалась почти на середине. Отсюда было не видно, что именно там находилось, словно лестница просто обрывалась в никуда. Но Федор решил, что там есть какой-то незаметный с этой точки вход внутрь.

— Идем вниз, — заявил он.

— Ну дойдем до середины стены, — кивнул Леха, — а дальше что? Летать я не умею. Там еще метров пятнадцать, а у нас ни веревок, ни крючьев, да и времени нет.

— Есть другие идеи? — уточнил Федор, нахмурившись.

— Нету, — провел по волосам Ларин.

— Тогда вперед, там разберемся, — решил Федор и напомнил: — Ты же рискованный парень, Леха. А летать и они не умеют. Так что как-нибудь выберемся. Потом в лес и к озеру.

Высунувшись назад на центральную площадку, Чайка приказал своим солдатам отступить.

— Все сюда! — замахал фалькатой Леха, повторив приказ командира.

Бойцы Карфагена еще не успели развернуться, как появившийся на площадке первый широкоплечий рослый воин ягуара, просто гигант, метнул в него свое копьё. Только врожденное чутье спасло Ларина от верной смерти. Он едва успел уклониться, как острый каменный наконечник вспорол наплечник на его панцире и, ударившись в треногу жаровни, со звоном отскочил от нее.

— Ах ты, сволочь, — взревел Леха, бросаясь вперед, — ну ты у меня сейчас получишь напоследок.

Но Чайка осадил его, увидев как на краю площадки, один за другим появляются эти исполины в плоских шлемах, с копьями и щитами.

— Стоять! Все к жаровням! Надо их опрокинуть!

— Ладно, — нехотя подчинился Леха, — устроим дымовую завесу. Пусть народ позабавится. Не зря же собрались.

Подбежавшие солдаты Карфагена окружили две крайние жаровни и, поднатужившись, опрокинули эти массивные конструкции, наполненные до краев горючей жидкостью. Запах у нее был какой-то странный, не слишком похожий на смолу.

Когда обе жаровни с грохотом опрокинулись, то смолянистая жидкость, полыхая, растеклась по каменным ступенькам. Огонь и черный дым еще сильнее окутали вершину пирамиды, отрезав беглецов от преследователей.

— Еще две! — приказал Федор, решив усилить дымовую завесу.

И вскоре две новые жаровни разлили свое огненное содержимое по площадке, заполнив

узкий проход между ритуальными строениями огнем и дымом.

— Теперь не достанут! — радостно заявил один из бывших лучников, обернувшись к Федору, после того, как новые жаровни изрыгнули на воинов ягуара свое содержимое. Неожиданно он резко подался вперед и, упав на Чайку, безвольно повис на руках командира. Когда Федор перевел взгляд с его остекленевших глаз на спину, то увидел древко длинного копья, торчавшего из нее.

— Все назад! — приказал Федор, опустив мертвеца на горячие камни. — В бой не вступать. Идем за мной. Там лестница.

Когда небольшой отряд преодолел проход и оказался на узкой лестнице, Чайка, обернувшись назад после двадцати метров спуска, вдруг заметил несколько незнакомых полуобнаженных фигур, скакавших по ступенькам вслед за его солдатами. Все они были безоружными и явно убегали вместе с финикийцами от неминуемой смерти.

— А это еще кто? — воззрился с недоумением Федор на неожиданное усиление.

— Местные, — спокойно пояснил Леха, тоже обернувшись назад, — я там второпях еще несколько индейцев освободил, которых хотели казнить вместе с нами. А куда им деваться? Вот и увязались.

— Ладно, — сплюнул Федор, возобновляя бег по ступенькам, — пусть бегут, если хотят. Может, еще пригодятся.

Когда они оказались на небольшой площадке у подножия лестницы, до земли оставалось не меньше двадцати метров. Сверху уже показались и скоро должны были настигнуть рослые воины, каким-то чудом прошедшие сквозь огонь. Там где остановился Федор, бежавший первым, слева обнаружилась очень узкая дверца. Путь дальше вел только внутрь. Впереди до земли тянулась лишь голая стена под крутым наклоном. Спускаться по ней было все равно, что прыгать.

— Ну что, ныряем? — прищурившись, спросил Федор у своего друга, тяжело дышавшего рядом.

— Как бы снова не попасть в капкан, — пробормотал Леха, вытирая пот со лба.

Несмотря на то что день уже клонился к вечеру, солнце пекло еще сильно.

— Тогда можешь оставаться здесь или прыгать вниз, — рассудил Федор, пропадая в тоннеле, — а я этих великанов дожидаться не буду. Рискнем.

Глава четвертая ПИРАМИДА

Тоннель был узким и темным, но, к счастью, вел куда-то вниз. Похоже, им редко пользовались. Поначалу он показался Федору вообще неосвещенным, но затем впереди замаячили слабые пятна света. Привыкшие за последнее время бегать по подземельям карфагеняне быстро освоились.

— Ну что же, посмотрим, что здесь спрятано, — пробормотал Чайка, двинувшись вперед. — Главное, чтобы выход имелся сначала на поверхность, а не сразу в царство мертвых.

Леха с ним спорить не стал, хотя ведущий вниз мрачный тоннель, прорубленный в камне, навевал и ему похожие мысли.

Вскоре тоннель стал сильно забираться вправо. Федор шел первым, сжимая фалькату в руке. Ларин и остальной отряд следом. Двум бойцам он приказал прикрывать тылы. Четверо местных индейцев, догнавшие их у входа в пирамиду, с опаской двигались на почтительном расстоянии от своих спасителей, но не отставали от них.

— И что с ними делать? — сокрушался Федор, заметив неожиданный эскорт. — Если они за нами все время бегать будут, так нам не уйти. Везде заметят.

— Да не переживай, командир, — увещевал Чайку освободивший их Ларин, осторожно переставляя сандалии по гладкому полу, — погоня эта по-любому долгой не будет. Так что, даже хорошо, что они сзади бегут. Если что — их убьют первыми. А мы это услышим и

убежать успеем, если выйдет. Ну а если все спасемся, так на воле, может, еще пригодятся. Они же местные.

— Ладно, черт с ними, пусть идут, — не стал больше тратить время Федор на эти разговоры, тем более что впереди показалось расширение. Тоннель, опустившись метров на пять в глубину, превращался в длинную узкую комнату, стены которой были слабо освещены чадающими факелами.

Перед входом в эту комнату, Чайка прислонился к стене и приказал остальным сделать то же самое. Задержал дыхание, прислушавшись. Но впереди все было тихо. Создавалось впечатление, что там никого нет. Зато сзади, из тоннеля послышался топот многочисленных ног, который гулкое эхо прекрасно доносило даже сюда.

— Хорошая здесь акустика, — похвалил Леха, выглядывая из-за плеча друга вперед.

— Хорошая, — согласился Федор, — значит, если там кто-нибудь есть, то и нас услышал. Ладно, идем. Время не ждет.

Шагнув в комнату, он сделал пару шагов и замер. Посреди узкого зала, потолок которого терялся в высоте, стоял ягуар. Федор даже вздрогнул, увидев оскаленную пасть, и выставил вперед фалькату. Лишь спустя мгновение он осознал, что перед ним каменное изваяние, выполненное в натуральную величину хорошим мастером. Ягуар был как живой и готовился к прыжку, припав на передние лапы.

— Черт бы побрал этих камнерезов, — выругался Федор, слегка расслабившись и чуть опуская оружие, — я уж подумал, что он настоящий, и сам решил принять нас в жертву, не дожидаясь помощи жрецов.

— Да, знатная кошечка, — подтвердил Ларин, вслед за командиром проходя мимо нее и даже осторожно погладив ягуара по шершавой каменной голове.

— Посмотрим, что это за тайное капище, охраняемое самими богом, — подумал вслух Федор, продвигаясь вдоль слабо освещенной стены, в которой виднелось множество ниш от пола до потолка. В каждой из них либо стояла какая-то глиняная обожженная урна либо лежали глиняные таблички.

— Опять никакого золота, — расстроился Ларин, когда они прошли все помещение до конца, — где же они его хранят?

— Нам сейчас не до золота, — напомнил ему Федор, — как ты с ним убежать будешь? Главное, что проход не закончился.

Они подошли к концу первого зала, за которым начинался новый тоннель, ведущий в очередную зыбкую тьму. Остановившись на мгновение, Федор потрогал кладку стены, несколько раз проведя по ней рукой и ощупав края.

— Сдается мне, что эту комнатку не вырубали, а строили по плану, — сказал он, закончив свои наблюдения.

Леха не успел ему ответить, — из тоннеля, который они уже прошли, послышались душераздирающие крики.

— Ну вот и местныегодились, — недобро пошутил Ларин и добавил, обернувшись к командиру: — Пора ноги уносить, нечего тут камни рассматривать.

Чайка, не говоря больше ни слова, устремился дальше. Он очень хотел делать это бегом, но мысль о возможных ловушках его останавливала. Наверняка в этом помещении жрецы хранили какие-то тайны, которые не должны были попадаться на глаза простым смертным. Такие вещи требуют защиты. Впрочем, это место наверняка было священным, как и сама пирамида, и никто кроме самих жрецов сюда никогда не входил. А простые смертные, даже увидев их, могли просто не понять, что это. И все же он вновь замедлил шаг.

На этот раз они пробежали вниз еще метров сто по сумрачному подземелью, воздух в котором был, как ни странно, вполне свежим. Видимо, здесь имелась и скрытая вентиляция. Чайке вообще стало казаться, что эта пирамида скрывает в себе гораздо больше, чем видно снаружи. Но для того, чтобы разгадать ее тайны, здесь нужно было провести много времени, а времени у них не было. Нужно было спасать жизни. Вскоре они оказались в следующем помещении, к счастью, не провалившись никуда и не повстречавшись со змеями и ягуарами.

Оно, судя по всему, было уже на нижнем уровне пирамиды, где Федор надеялся найти хоть какой-нибудь выход.

Едва ступив на широкие каменные ступени, которыми заканчивался тоннель, Ларин даже присвистнул. Перед ними был сводчатый зал, посреди которого имелся настоящий бассейн, а в бассейне стояла большая лодка с высоким носом и кормой. У дальней стены виднелся какой-то саркофаг.

— Вот это да, — проговорил Ларин, — настоящая лодка посреди пирамиды.

— Ну да, — согласился Федор, осторожно приближаясь к бассейну и осматривая пустынное помещение, освещенное четырьмя чадающими факелами, — только Харона не хватает. Да и не уплывешь на ней далеко, она ведь каменная.

— Каменная? — переспросил Леха, тоже подходя поближе и осматривая замкнутые края прямоугольного бассейна и саму лодку, так искусно вырезанную из темного камня, словно она была невесомой и летела по волнам. — А где выход?

— Ты прав, мой друг, — пробормотал Федор, которому показалось, что в темноте они пробежали какую-то развилку, — выхода здесь нет. Если только вернуться немного назад и поискать в тоннеле другие норы...

Но эту идею пришлось забыть, поскольку вскоре почти у входа в зал послышался шум драки в тесном пространстве и крики убитых.

— Придется отбиваться здесь, — уныло заметил Федор, — извини, брат.

— Да ладно, — простил его Ларин, — мы хотя бы попытались. Жаль только, что солнца больше не увидим.

Федор выстроил оставшихся солдат у единственного видневшегося входа в эту странную подземную верфь, из которой не было выхода, и, приподняв фалькату, стал ждать нападения. Вскоре из темного тоннеля раздались шаги, и в помещение вбежало двое индейцев с перепуганными лицами. На теле одного из них виднелись следы крови, но сам он, похоже, был не ранен. Убили кого-то совсем рядом с ним.

— Спокойно, — придержал своих людей Федор, — это наш арьергард. Пусть забьются в угол и ждут, чем кончится.

— Жаль, щитов нет, — посетовал Ларин, когда прилетело первое копьё, просвистев над головами карфагенян, ударилось о каменную лодку и отскочило в воду, — с близости они так мазать не будут.

И он был прав. Не прошло и нескольких секунд, как из проема возник человек огромного роста с копьём и первым же движением всадил его в бедро карфагенскому солдату. Дикий вопль отразился от сводчатого потолка, когда тот рухнул на камни, заливая их хлынувшей из раны кровью.

Когда из тоннеля выбежало сразу трое жреческих охранников, Чайка глазам своим не поверил, — все они были по меньшей мере на две головы выше его самого и гораздо шире в плечах. Шлемы защищали лица, а щиты надежно прикрывали половину тела. Выглядели эти воины настоящими исполинами по сравнению с карфагенянами и сильно отличались от тех индейцев, которых он встречал до сих пор.

— А это что еще за иностранный легион, — пробормотал Федор, отбивая клинком первый удар мощного копьё, направленного ему в голову, и нанося в ответ свой удар, пришедшийся на щит вражескому пехотинцу.

— Не выпускать их на простор! — крикнул он остальным, умело работая фалькатой. — Бить у входа. Так еще продержимся.

К своему удивлению, он буквально со второго удара смог поразить в ногу ближнего исполина, достав его фалькатой. Но тот никак не отреагировал на хлынувшую из рассеченного бедра кровь, продолжая искать цель своим копьём. А когда Федор новым хлестким ударом поразил его в руку, державшую копьё, широкоплечий пехотинец просто перехватил древко в другую руку, отбросив щит. Предварительно, правда, он ударил в грудь Ларина своим щитом так, что тот отлетел метра на три назад, едва не докатившись до бассейна с лодкой. Затем пехотинец продолжил биться как ни в чем не бывало.

«Да как же его убить, — возмущался Федор, отступая под натиском окровавленного гиганта, казалось, совсем не ощущавшего боли, — меч его не берет. Еще немного и они нас перетопят в этом бассейне».

Атака жреческих охранников имела успех. Карфагенян, несмотря на яростное сопротивление, оттеснили к самому бассейну, и в этот странный зал хлынули остальные копьеносцы, пытаясь охватить их полукольцом.

— О боги, — взмолился Чайка, увидев выстроившихся в ряд великанов, каждый из которых представлял собой настоящую скалу даже без доспехов, — помогите нам убить их. Или убейте нас побыстрее. Не хочу опять оказаться на жертвенном столе.

В этот момент случилось что-то странное. Отовсюду послышался утробный грохот, и земля заходила ходуном у него под ногами. Великая пирамида содрогнулась до основания, а по стенам змеями поползли трещины. Ларин отскочил еще дальше к бассейну, а преследователи внезапно остановились, прислушиваясь. Спустя несколько секунд тишины раздался новый удар, и огромная трещина, пробежав по каменному полу, расколола бассейн с водой пополам. Вода из него на глазах у изумленных финикийцев мгновенно ушла вниз, а каменная лодка попыталась уплыть вместе с ней, но застряла в трещине и теперь ее закругленная корма торчала из пустого бассейна.

— Боги услышали нас, — внезапно успокоившись, сообщил Федор стоявшему рядом Ларину, который уже успел подняться и в ужасе смотрел на происходящее, — нам осталось недолго. Сейчас нас просто раздавит каменной глыбой.

И его новое пророчество тут же исполнилось. Однако не совсем так, как он предполагал. От сводчатого потолка действительно откололся огромный кусок пористого камня и рухнул вниз, превратив в кровавую кашу всех, кто стоял под ним. А это были воины из охраны жрецов. Теперь на месте входа в пещеру покоился огромный валун, метров десять в обхвате, из-под которого брызнули во все стороны струйки крови, остановленные пылью. Выхода из зала больше не существовало. Все факелы от вибрации погасли, кроме одного, чудом уцелевшего на дальней стене у саркофага. Его чадающий свет еще позволял хоть что-то разобрать.

Толчки прекратились. Леха с минуту молчал, глядя, как оседает пыль на каменную лодку и, наконец, изрек:

— Если это все, на что способны боги, то мы умрем здесь голодной смертью или съедим друг друга.

Два индейца и остальные уцелевшие карфагеняне, которых осталось только семеро, опустив оружие, ждали, прислушиваясь. И боги снова дали о себе знать. Мощный толчок вновь сотряс пирамиду до основания, и последний факел погас, мигнув на прощанье. В каменной гробнице наступил мрак. Но тьма длилась недолго. Стена позади финикийцев вдруг дала трещину, расступившись и пропуская внутрь дневной свет, резанувший глаза. От нее отвалилось и рухнуло в зал несколько камней, к счастью, не таких больших, как валун, убивший преследователей.

Федор едва отскочил в сторону, избежав падения одного из них. А когда пыль чуть осела, он заметил, что образовавшаяся щель была довольно широка для того, чтобы пролезть в нее человеку. И заканчивалась почти над самым саркофагом.

— Погоди, рано нам с тобой есть друг дуга живьем, — усмехнулся Чайка, сплевывая застрявшую на зубах пыль, — похоже, боги о нас позаботились. Вот он, выход. А ну, давай наверх.

Ларина дважды упрашивать не пришлось. Подобравшись сквозь завалы камней к саркофагу, он поднялся на его крышку и вскарабкался еще выше, проникнув в щель. Оттуда это оказалось не трудно. Выглянув наружу, Леха присвистнул.

— Ну, что там? — поинтересовался Федор, стоявший уже на саркофаге позади него. — Не томи.

— Все в порядке, — сообщил Ларин, — земля метрах в трех под нами. Правда там, вдали, мечется какой-то народ. Это все, похоже, перепуганные крестьяне. Солдат не вижу.

— Немудрено, что они там перепугались, — согласился Федор, — если эту пирамиду так основательно встряхнуло, то представляю, что там с остальными постройками случилось. Наверное, полгорода лежит в руинах.

— Ну да, все мечутся в панике, — вновь подтвердил наблюдатель сверху.

— Отлично. Нам это только на руку, — кивнул Федор так, словно Леха видел его лицо. — Тогда не будем терять время, а то боги не вечно будут к нам так милостивы. Может и еще разок тряхануть, а мы еще внутри. Давай, брат, ползи наружу.

— Понял, командир, — подтвердил приказ Ларин и спрыгнул вниз.

— Пошли, пошли, — подгонял Федор оставшихся бойцов, пропуская их вперед себя, — быстренько, навстречу солнцу. Хватит по подземельям бегать.

Когда возле него показалось незнакомое вытянутое лицо с черными волосами до плеч и странной серьгой в ухе, он молча кивнул в сторону пролома в стене и подтолкнул туда же второго индейца. А затем, оттолкнувшись от крышки неизвестно чьего саркофага, сам взобрался в пролом и прыгнул вниз, где его уже ждали все остальные.

Снаружи гигантская пирамида, все еще выглядевшая довольно величественно на фоне закатного неба, напоминала сильно покосившийся исполинский дом, который не пережил землетрясения. Основание устояло, но вот вершина была разрушена полностью. От нее откололось и рухнуло вниз множество монолитных кусков, превратив окрестности в россыпи каменных обломков, за одним из которых сейчас прятались беглецы. Стены пирамиды были рассечены в нескольких местах огромными трещинами, а уж мелкие змеились почти по всей видимой поверхности.

— Да, не пощадили боги эту пирамиду, — выдохнул Федор, закончив осмотр разрушений и прилегающей местности, — хотя неизвестно, что там еще в городе творится. Наверное, горы трупов.

Недавние толчки землетрясения все еще ощущались вибрацией под ногами.

— Только бы они потом не решили, что это мы во всем виноваты, — добавил Чайка, оглядывая близлежащий лес, до которого было всего метров сто по каменным завалам, — а, впрочем, это уже все равно.

— Так им и надо, — злорадно ухмыльнулся Ларин, проводя рукой по пыльным волосам. — Надеюсь, все эти жрецы сдохли под камнями. Хотели из меня сердце вырезать. Уроды.

И покосившись на двух индейцев, прижавшихся к обломкам чуть в стороне, сказал:

— Верно, ребята?

Индейцы осторожно переглянулись и неуверенно закивали головами, поняв, что обращаются именно к ним.

— Ладно, кончай перекур. Бери своих данников, — приказал Федор, спрыгивая вниз по нескольким валунам, — и двигаем к лесу. А потом к берегу озера. Надо использовать суматоху. Найдем лодку, может, и выберемся. Другого шанса не будет.

Карфагеняне, вновь растянувшись небольшой цепью, устремились к видневшемуся впереди лесу. Индейцы на этот раз шли в середине колонны, как полноправные члены отряда. Федор решил, что потеряв двоих, они уже выполнили свою миссию прикрытия, и оставшихся можно побережь. Впереди призрачно маячила свобода, а это значит, беглые индейцы действительно могли пригодиться. «Во всяком случае, если они тоже были среди пленников, значит, скорее всего, не местные, — размышлял Чайка, перепрыгивая россыпь мелких камней и одновременно посматривая по сторонам, — и, наверное, смогут хотя бы дорогу показать. Из города. Нам бы сейчас подальше отсюда убраться, а там уж решим, что делать».

Вскоре они оставили завалы позади и выбрались на открытое место, где нос к носу столкнулись с отрядом воинов ягуара. Их было человек десять, спешивших по какому-то заданию. Но, увидев окровавленных и странно одетых людей, местные, несмотря на суматоху, сразу же опознали в них чужаков и бросились наперерез отряду Чайки.

— Твою маман, — процедил сквозь зубы Федор, бросив взгляд на лес, до которого

оставалось шагов двадцать. — Не останавливаться. Пробиваемся на ходу.

И выхватив из-за пояса кинжал, что так долго хранил для нужной минуты, метнул его в командира. Предводитель отряда, не добежав до своих врагов нескольких метров, схватился за окровавленное горло и рухнул в пыль, потеряв украшение из перьев. Его красный щит с бахромой и копье упали лишь на мгновение позже. Ларин проделал то же самое с другим воином ягуара. К счастью, все они находились уже слишком близко и не стали метать свои копья, а вознамерились драться ими в ближнем бою. Это было ошибкой. Финикийцы, несмотря на изможденность и отсутствие щитов, превосходили их во всем благодаря жажде свободы. Они бились яростно и отчаянно. Терять им было нечего.

Ларин, ловко увернувшись, первым же ударом отрубил руку с копьем, направленным в его тело. Федор насадил на острие фалькаты другого неосторожного воина, припав на колено. Остальные дрались не хуже и быстро уничтожили это препятствие, состоявшее, к большой радости Чайки, не из тех исполинов, что преследовали их в пирамиде, а из обычных воинов.

Разделавшись с очередным противником, Федор с удивлением заметил, что два появившихся в их отряде индейца не стремились уйти от сражения, а бились не хуже его людей. Они оба голыми руками сначала раздобыли оружие, а потом ловко пустили его в ход, каждый сразив по одному воину ягуара. Причем обоим удалось захватить деревянные «мечи» с отточенными каменными вставками, и Чайка вновь смог увидеть их в деле. В умелых руках это было страшное оружие. Ближний к Федору индеец, отразив удар копья, с размаху отсек сначала руку своему поединщику, а затем и раскроил череп, опустив этот «каменный меч» на голову воину ягуара. Тот упал, заливая все вокруг своей кровью.

— Неплохо сработано, — похвалил его Федор и, бросив короткий взгляд по сторонам, приказал: — А теперь вперед, в лес.

Леха тоже видел, как обращался с этой деревяшкой спасенный им индеец, но успел лишь вытаращить глаза от удивления. Ничего не сказав, он устремился со всеми в спасительный лес.

Вскоре, преодолев остаток открытого пространства, где больше не было видно солдат, они оказались под сенью деревьев. Пробежав еще метров сто вперед, Чайка понял, что это скорее местный парк, чем лес, поскольку повсюду виднелись следы вырубки кустарника и вообще он явно не походил на джунгли, где им уже удалось побывать. Но это все равно было лучше, чем бродить по улицам гостеприимного города, где каждая собака хотела ткнуть в тебя копьем. Здесь же было много деревьев, мало дорог и почти не было людей.

Когда впереди стал проглядывать берег, Федор сделал знак остановиться. Все бойцы повалились на траву, чтобы передохнуть, и Чайка с удивлением отметил, что после схватки они стали вооружены гораздо лучше. Теперь в арсенале карфагенян, помимо имевшегося собственного оружия, появились копья с каменными наконечниками и даже пара луков. А индейцы приобрели по мечу. Щитов никто не взял. Все понимали, что сейчас им было нужно только атакующее оружие.

Переведя взгляд с отдыхающих в ложбине солдат, Федор заметил впереди подобие пристани. Там имелось нечто, походившее издали на плоский и широкий пирс, у которого было пришвартовано несколько очень больших лодок. Или, точнее, небольших кораблей. На вид все они были грузовыми, плоскодонными, низкосидящими, с многочисленными веслами по бокам и одним рулевым веслом позади. Некоторые даже еще не были разгружены. На пирсе толпилось несколько человек, но все они больше походили на приказчиков, чем на военных. «Ладно, — решил Федор, — баржа так баржа. Выбирать не приходится».

Он обернулся к солдатам.

— Впереди пристань. Похоже, грузовая. Атакуем и берем самый быстроходный корабль из тех, что найдем. Главное, чтобы без груза. И на нем плывем к другому берегу, а там как выйдет. Все ясно?

Молчаливые кивки были ему ответом.

— Тогда вперед, — закончил инструктаж Чайка.

Это действительно была грузовая пристань, от которой в сторону пирамиды вела довольно широкая дорога. У пирса, по краям которого виднелись странные высотные сооружения, похожие на башенные краны, было пришвартовано с десятков кораблей, напоминавших видом баржи. Впрочем, парочка из них была поуже и вполне могла сойти для перевозки людей. Народу здесь почти не было. Видимо, землетрясение распугало всех рабочих, и разгрузка была временно прекращена. Лишь «приказчики» даже под страхом смерти не покидали своих кораблей. Тем более что здесь не было высоких построек, а цунами ожидать не приходилось. Едва солдаты Чайки приблизились к самому берегу, который был заботливо очищен от деревьев и замощен камнем, как земля под ногами задрожала. Новый удар землетрясения заставил карфагенян повалиться на траву. На глазах у изумленного Федора несколько высоких деревьев, росших на некотором удалении от берега, подломились и рухнули на пристань, подняв фонтаны воды. Под их ударами в щепки разлетелось не то три, не то четыре «баржи», все «краны» и погибло несколько приказчиков. По городу, оставшемуся за спиной, с грохотом прокатилась новая волна разрушений, вслед за которой послышались отдаленные стоны и крики.

— Боги все еще веселятся, — заметил на это Чайка, поднимаясь, — но нам пора.

У самой каменной мостовой пристань была уничтожена, и финикийцам пришлось пробираться дальше по воде. Здесь оказалось довольно глубоко, почти по грудь сразу у кромки берега. Когда, искупавшись, — что было даже приятно после всех злоключений в пыльном чреве пирамиды, — они вновь взобрались на уцелевшую часть грузового пирса, им уже никто не мешал выбирать себе корабль. Федор быстро присмотрел не слишком большое суденышко с четырьмя веслами, по два с каждого борта, и высокими бортами. На нем перевозили какие-то мешки, а не каменные блоки, как на остальных.

— Берем вот это, — указал он на кораблик, рядом с которым стоял озадаченный и насмерть перепуганный приказчик в коротком одеянии из зеленой материи. Он с недоумением взирал на появившихся после очередного толчка из воды странных изможденных людей, явно не местного происхождения. Таких доспехов и оружия он никогда не видел. Пришельцы столпились вокруг него и молча взирали, как стая ягуаров на свою беспомощную добычу.

— Если сам исчезнешь, я не буду тебя убивать, — спокойно, по-русски объявил ему Чайка, поигрывая фалькатой, и добавил: — А корабль твой мы заберем, извини. Нам он нужнее.

Перевода не потребовалось. Приказчик развернулся и нырнул в воду прямо в одежде, бодро поплыв к берегу.

— Все на корабль, — приказал Федор, глядя на быстро темнеющее небо, — отчаливаем. Если нам повезет, успеем добраться до другого берега еще до полной темноты.

Глава пятая КАМЕННАЯ ГОЛОВА

Быстро разобравшись по веслам, — беглецы, хоть и были финикийскими пехотинцами, но в душе всегда оставались народом моря, — бойцы Федора принялись грести изо всех сил. Вскоре они отделились от обжитого берега на приличное расстояние и были уже на середине озера. Индейцы находились на корме, в двух шагах от рулевого, а Федор Чайка с Лехой устроились на носу, посматривая вперед. Корабль все же был грузовой, и места здесь было хоть отбавляй. Двигался он, по мнению Федора, слишком медленно, — любая быстроходная боевая лодка догнала бы его в два счета, — но их, к счастью, никто не преследовал на этот раз. Темная гладь воды казалась абсолютно пустынной. Жителям неизвестного города было сейчас не до них. И, отплыв на середину вытянутого озера, откуда весь город стал виден как на ладони, Чайка понял почему.

В последних лучах закатного солнца, едва пробивавшихся сквозь пылевое облако, перед ним раскинулась панорама гигантского города, вернее, того, что от него осталось

после удара стихии. Разгневанные боги рассердились на обитателей этого города не на шутку. От края и до края, вдоль всего побережья, тянулись руины многочисленных полуразрушенных строений. Уцелели только самые мощные, да и то не полностью. Несколько огромных пирамид, которые все еще поражали своим величием, были изрядно потрепаны. Большинство лишилось вершин, а вместе с ними, и храмовых построек, что венчали все высокие пирамиды. Те, что были поменьше, сохранились лучше, но также потеряли свой первозданный облик. Площади вокруг были завалены обломками. И такое творилось повсюду, куда только мог заглянуть пытливый взор военачальника карфагенян, не говоря уже о жилых кварталах, что попросту рассыпались в пыль. Там, словно стаи голодных муравьев, бродили едва различимые отсюда люди, оплакивая погребенных под обломками.

— Да, прогневались местные боги, — подытожил собственные наблюдения Федор, — просто последний день Помпеи.

— И поделом, — пожал плечами Леха, подставляя лицо свежему ветру. — Нечего было над нами измываться.

— Не скоро они в себя придут, — подумал вслух Чайка, переводя свой взор с ближнего берега на дальний, который был уже хорошо различим, — во всяком случае, надеюсь, что нам хватит времени уйти отсюда подальше.

— А куда идем, командир? — уточнил прямодушный Ларин, кивнув в сторону невысокой горной гряды, находившейся у них за спиной, — если так плыть, то это озеро только уведет нас еще дальше от побережья.

Федор pokrutil головой и ответил не сразу. Он и сам еще толком не знал, что делать дальше, но Ларин был прав в одном. Сейчас их кораблик медленно, но верно удалялся не только от преследователей, жаждавших вырвать их сердца, от этого проклятого города с его злополучными пирамидами, но и от побережья, где их ждало спасение. Хотя в том, что это так, Чайка уже сомневался. Пока что им самим только чудом удалось выжить, и для этого приходилось все время убегать. А что стало с их соплеменниками и последним кораблем, оставшимся на неизвестном берегу, можно только догадываться. Армия воинов ягуара, без сомнения, уже побывала там. Скорее всего, думал Чайка, они погибли. Но внутренний голос все же слабо нашептывал Федору, что надежда есть. И хотя опыт говорил ему скорее иное, он не мог сразу прогнать это чувство. Ведь, отказавшись от надежды, придется признать, что теперь ты здесь один и обратной дороги за океан больше нет.

— Пойдем к противоположному берегу и постараемся за ночь уйти глубже в лес, — решил он, доверившись своему чувству, — пока нас не хватились.

И добавил, вперив тяжелый взгляд в друга:

— Короткая дорога здесь не всегда короче.

— Ну ладно, — нехотя согласился Ларин, хотя и не был уверен, что понял своего командира, — в лес так в лес. Лучше уж комаров кормить, чем плыть тут у всех на виду.

— Это верно, плыть дальше мы не будем, — согласился Федор, пытаясь взглядом пронзить быстро темнеющее небо, уже почти смыкавшееся с водой, — местные жители развиты неплохо, насколько я успел заметить. Так что это озеро наверняка имеет систему плотин в самом узком месте, где из нее вытекает река. Все равно далеко не уплывем.

— Там какие-то шлюзы, — подтвердил Леха, разглядевший в полукилометре впереди неизвестные плоские сооружения на краю озера, едва выступающие над водой.

— Тем более, — уверился в своей правоте Чайка, вспомнив недавний спуск по водопадам, — не будем испытывать судьбу дважды.

И, обернувшись к рулевому, крикнул:

— Правь к берегу! Вон туда, где деревьев больше.

Спустя полчаса, проломив с треском попавшиеся навстречу ветки деревьев, тяжелый корабль ткнулся в невысокий берег. Это произошло уже в полной темноте. Однако глаза беглецов уже привыкли к зыбкому ночному свечению и, едва судно остановилось, Федор смог разглядеть, что кроны деревьев нависали над кораблем, скрывая его почти полностью.

— Это хорошо, — пробормотал он, всматриваясь вперед, — не сразу обнаружат.

И махнув рукой, добавил:

— Выгружаемся! Идем чуть вверх по склону, а потом забираем влево. Мимо шлюзов.

Бросив корабль, финикийцы взяли свое оружие и устремились в лес, выполняя приказ Чайки. Двое индейцев безропотно последовали за остальными. На самом берегу никаких признаков жизни не было. Вначале пологий, вскоре подъем стал резко забирать вверх и метров через пятьсот, которые им пришлось почти карабкаться, карфагеняне оказались на вершине небольшого прибрежного холма, с которого открывался вид на тонувшее во мраке озеро и отдаленный город. Чайка сделал знак остановиться и прислушался.

Ночь уже вступила в свои права. Над ними нависало низкое звездное небо. Повсюду был лес и с этой поляны открывался вид только на озеро. Однако видом сейчас эту панораму было назвать трудно, — в зыбкой мгле они едва могли различить очертания дальнего берега, да и то лишь потому, что кое-где жители разрушенного города зажгли костры, хорошо видимые с такой высоты.

Но Чайку волновали не эти далекие огни, а сильный шум воды, разносившийся над округой. Это был не просто прибой, с таким грохотом могли падать только большие массы воды. Лес закрывал от их взглядов источник близкого уже шума, но догадаться было не трудно.

— Шлюзы недалеко, — предположил Федор, потрогав крепление ножен фалькаты, заброшенной за спину, — надо быть осторожнее. Наверняка, там была какая-то охрана до землетрясения. Да и какая-нибудь дорога должна там проходить.

— Может, сходим посмотрим? — предложил Леха и добавил, видя нерешительность Чайки: — Осторожно, командир.

— Ну ладно, — нехотя согласился Федор, которому вдруг тоже захотелось взглянуть на местные ирригационные сооружения, несмотря на опасность, — пройдем по этой высоте вдоль берега. Если наткнемся на удобное место, посмотрим, что они там понастроили. Но потом сразу в лес. Подальше от этой цивилизации.

— Само собой, — просиял Леха, которому не очень нравилось просто бегать по лесам, а все время тянуло на подвиги.

Спустя полчаса движения по пересеченной местности они внезапно вышли на лесную дорогу. Однако, двигаясь вдоль нее, они ушли бы от цели, поэтому пришлось, с риском быть обнаруженными, пересечь это небольшое препятствие. Едва ступив на дорогу, почему-то белевшую во тьме, Федор, к своему удивлению, обнаружил, что она вымощена отличными каменными плитами.

— Да это настоящий почтовый тракт, — пробормотал он с неудовольствием, озираясь по сторонам, — давайте быстрее на другую сторону. Неизвестно, как часто они ею пользуются.

— Не похоже, чтобы охраняли, — буркнул на это Ларин, но быстро перебрался на другую сторону и вновь растворился среди кряжистых деревьев вместе с отрядом.

Там они свернули влево и по оврагу, никого не встретив, добрались до побережья, едва не свалившись в воду. Овраг оказался руслом высохшей реки, впадавшей в озеро со скалы высотой несколько метров. И, когда путь внезапно оборвался, Ларин едва успел ухватиться за дерево, замерев на краю скалы. Снизу на него пахнуло холодной влагой.

— Ну вот и озеро, — констатировал он, отступив на пару шагов назад, поближе к Чайке. Остальные замерли у них за спиной.

Они стояли на небольшой площадке, по пояс заросшей кустарником. Отсюда переправа была видна как на ладони. Она казалась пустынной, но от нее исходил такой грохот, что даже в лунном свете было заметно — гнев богов не обошел и ее стороной. Каменные постройки, составлявшие невысокую дамбу, по которой проходила узкая дорога, были разрушены в нескольких местах. И если раньше там были шлюзы, перекрывавшие путь воде и пропускавшие суда, то теперь они были завалены каменными обломками. А вода стремительно уходила из озера сквозь многочисленные проломы с острыми краями,

обрушиваясь вниз на добрый десяток метров и питая русло широкой реки.

— Обмелеет озеро, — проговорил Федор после долгих наблюдений, — уж не знаю, какие там глубины, но после такой встряски обмелеет обязательно. Хорошо что мы не поплыли дальше.

— Значит, и корабли с камнями сюда уже не так быстро доберутся, — неожиданно предположил со злорадством в голосе Леха, который никак не мог простить местных жрецов, — и город этот долго еще не отстроится. Это хорошо.

Внезапно на берегу, где-то в районе дороги, послышались приглушенные голоса большой группы людей. Чайка положил руку на плечо Ларина и жестом показал, что нужно двигаться дальше. А когда друг замешкался, то все же произнес:

— Пойдем, Леха, надо уходить подальше отсюда. По этой дороге и ночью ходят. А утром здесь вообще, чую, будет много народа.

— Пойдем, — согласился повеселевший Ларин, — и работы у них теперь будет много.

С легким шелестом отпустив ветки кустарника, Ларин взглянул на звездное небо и направился следом за остальными.

До самого рассвета карфагеняне, стараясь не приближаться к берегу, двигались наугад сквозь лес. Скорость была не высокой, но это было даже хорошо, позволяло соблюдать осторожность. Никаких селений им, к счастью, не повстречалось и дорог тоже. Вообще, с каждым часом Федор, ориентировавшийся только по звездам, изредка возникавшим над его головой в разрывах крон деревьев, убеждался в том, что выбрал верное направление. Куда именно шел, он и сам не знал. Пока его курс можно было охарактеризовать как «подальше от города», и он себя оправдывал.

Постепенно усталость дала о себе знать и, когда над мокрым лесом забрезжили первые лучи солнца. Федор разрешил первый привал, заметив впереди поляну. Прорубая дорогу к ней, Чайка с удивлением заметил, что два индейца по-прежнему идут за ними, хотя легко могли сбежать в такой темноте. «Видать, их дом далеко, раз они к нам так прилипли, — подумал он, рассекая очередную лиану, — эх, расспросить бы их о местной ситуации, кто против кого дружит. Может, и полегчало бы. А то мечемся, как белки в колесе, даже от кого бегаем, не знаем».

С такими мыслями Чайка подрубил еще несколько кустарников и первым шагнул на поляну, метров тридцать в диаметре. То, что он там увидел, заставило его остановиться в изумлении, опустив фалькату.

В предрассветной мгле перед ним предстала огромная каменная голова высотой метра три, если не все четыре. Света, впрочем, уже было достаточно, чтобы рассмотреть ее в деталях: хмурое лицо, большие глаза, массивные брови, нос картошкой и огромные пухлые губы. На голове плоский шлем, закрывающий лоб и уши.

— Вот это да! — раздался позади голос Ларина. — Ничего себе головушка. Как будто великана расчленили.

Справившись с первым шоком, Федор шагнул на пустынную поляну и обошел голову вокруг, посматривая при этом по сторонам, — мало ли что тут понастроили создатели этого древнего капища. Когда-то сюда вела дорога, сейчас превратившаяся в узкую, почти заросшую просеку. Других путей подхода было не видно. Вероятно, это место уже давно было заброшено и никем не посещалось.

Закончив обход, Федор остановился в двух шагах от Ларина, также взиравшего снизу вверх на это изваяние. Гигантская голова, смотревшая в сторону далекого города, была окружностью около семи метров и весила, на первый взгляд, тонн двадцать, если не все тридцать.

— Похоже, высечена из отдельной глыбы, — поделился наблюдениями Федор, — как же они ее сюда дотащили? Река далеко, а без крана или огромной колесной телеги не обойтись. Да и дороги-то нет такой широкой.

— Ты же как-то говорил, что они еще колеса не знают? — напомнил Леха.

— Мало ли что я говорил, — отмахнулся Федор, — что они на самом деле знают,

известно пока только богам.

Друзья помолчали, продолжая свои наблюдения. В этот момент из зарослей на поляну вышли оба индейца и, увидев гигантскую голову, тут же рухнули на колени, распростершись ниц перед изваянием.

— Это какой-то местный дух или великан, — заметил Федор, кивнув в сторону индейцев, охваченных благоговейным страхом, — они его точно знают. Эх, расспросить бы.

— Честно говоря, немного смахивает на негров, — поделился своими соображениями Леха, изучавший широкое лицо и пухлые губы каменной головы, — лицо темное, словно обгорелое. Да только откуда здесь негры? Мы же не в Африке.

— Ага, — озадаченно кивнул Федор, пристальнее всматриваясь в гигантское изваяние, — а еще немного похоже на воина из охраны жрецов. Тебе не кажется?

— Ну да, — не стал спорить Леха, отходя в сторону, — такие же уроды.

Отойдя на несколько шагов, он вдруг заметил, осматривая деревья:

— Поесть бы чего? Я жрать хочу, не могу. Хоть кору грызи. А бананов что-то не видно.

Федор, в пылу побега совершенно позабывший о том, что телу нужно питаться, и не только одними разговорами, тоже вдруг ощутил дикое чувство голода.

— Зря ты об этом вспомнил, — пробормотал Федор, мгновенно забыв про изваяние, и, окинув взглядом остальных изможденных карфагенян, в замешательстве озиравшихся по сторонам.

Место было действительно странное. Какое-то зловещее. Вполне возможно, что здесь не раз приносились человеческие жертвы этому грозному великану. И Федор решил быстрее отсюда убраться.

— Идем дальше, — приказал он, закончив наблюдения, — город все еще близко. А эта голова нас не накормит. Скорее наоборот.

— Верно, — согласился Ларин, подтягивая пояс потуже, — этот черный великан³ нас сожрал бы одним махом и не поперхнулся.

Он подтолкнул все еще застывших в поклоне индейцев.

— Хватить молиться, пошли еду искать! Уходим, короче.

Оба местных жителя еще раз искоса взглянули на каменную голову и осторожно поднялись, уходя за своими спасителями с поляны. Оказавшись здесь, Федор решил выбираться дальше по древней дороге, так основательно заросшей кустарником и деревьями, что ее силуэт был едва различим на фоне буйной растительности. И все же можно было догадаться, в какую сторону она некогда вела. Туда и направились финикийцы с двумя спасенными индейцами, рубя своими фалькатами встречную растительность.

Продвигаться здесь действительно оказалось легче, и беглые карфагеняне немного приободрились. А когда, оказавшись в небольшой закрытой лощине, где протекал ручей, они становились на привал и местные индейцы, побросав оружие, поймали несколько змей, а потом и ящериц, даже приободрились.

Увидев это подобие пищи, Федор разрешил продлить привал до тех пор, пока они не насобирали дров и не добыли огонь, чтобы зажарить свою добычу, разделив ее на всех.

³ Одной из самых захватывающих тайн древней цивилизации ольмеков, на территорию обитания которой угодили наши герои, до сих пор остаются находимые по всей Мексике огромные каменные головы. Первая такая голова была обнаружена еще в 1862 году, а на сегодняшний день их найдено уже восемнадцать. Высота варьируется от полутора до трех с половиной метров, а вес доходит до тридцати пяти тонн. Все они имеют сходные негроидные черты и вырезаны из цельных глыб базальта. С происхождением таких голов связано много легенд. Одна из них гласит, что историческим народам предшествовала раса «кинаме», древних гигантов. Более поздние, по отношению ко времени повествования, ацтеки считали, что именно гиганты заселяли Землю в эпоху Первого Солнца. Существуют даже документы, подтверждающие, что уже во времена завоевания испанских конкистадоров, местные индейцы поведали им предания о людях огромного роста и силы, поселившихся в этих местах много веков назад. Из-за диких обычаев великанов в скором времени истребили. В доказательство индейцы показывали испанцам кость великана, подтверждавшую, что их рост был как минимум в три раза больше обычных людей.

Получилось немного, но оголодавшие финикийцы хоть и морщились, но отказываться не стали. Видели они на своем веку многое, а в походах на Востоке ели и не такое.

— Не бананы, конечно, — приговаривал Ларин, сидя на теплом камне, и с отвращением обгладывая тощую лапку ящерицы, отдаленно похожую на куриную, — но уже кое-что. Жить можно.

— Молодцы! — от души похвалил индейцев Федор, доев свой кусок змеи, оказавшейся сладковатой на вкус, — без вас быстро бы ноги протянули. А теперь еще немного повоюем.

Сидевшие рядом индейцы, осторожно кивнули, догадавшись, что их хвалят. Широколобые, скуластые, со слегка вытянутыми глазами и резко очерченным узким ртом, они нисколько не походили на тот каменный портрет, который недавно наблюдали друзья. Немного отдохнувшего Федора потянуло на разговоры.

— Вы откуда хоть родом? — спросил он по-финикийски с безнадежностью в голосе. — Ведь не из этого города наверняка, раз за нами увязались.

Индейцы перестали обсасывать лапки ящерицы и, переглянувшись между собой, воззрились на него, словно на каменного идола. В глазах сквозило непонимание.

— Да знаю я, что вы меня не понимаете, — ответил на их немой вопрос Чайка, прищурившись на солнце и поправив ножны фалькаты, — это ничего. Было бы время, я бы ваш язык изучил, а вы мой. Да времени мало.

Он еще помолчал, скользнув взглядом по верхушкам деревьев, что окружали поляну. Солнце уже приближалось к зениту. На открытом месте становилось жарко, и лес казался им спасением в этот час. Хотя, как выяснилось, кроме людей в нем могли водиться змеи и прочие гады, укус которых мог сильно осложнить беглецам их и без того нелегкую жизнь. Кроме того, не стоило забывать, что в городе уже могли обнаружить брошенный корабль и снарядить погоню, если их вообще искали после землетрясения. Чайка надеялся, что гнев богов, обративший этот неизвестный город в руины, все же отвлек внимание от горстки беглецов, предназначенных быть жертвой. И все же, кто их знает, насколько злопамятны местные. Лучше уйти подальше. Но, даже если это удастся, появлялся другой вопрос — что делать потом? А Федор пока еще не решил, как на него ответить. Он прислушивался к своей интуиции, но она молчала. И Чайка продолжил сбор информации.

— Думаю, ты меня поймешь, если напряжешься, — продолжил он дипломатические переговоры и, ткнув себя в грудь, начал: — Я и все они — финикийцы. Так называется наш народ.

Ларин что-то хотел возразить, но издал лишь нечленораздельное бурчание.

— А ты, — Федор ткнул пальцем в голую грудь ближнего индейца, — ты кто?

Индеец вновь посмотрел на своего товарища, также одетого лишь в набедренную повязку, зато теперь вооруженного деревянным мечом, и, осторожно проговорил, растягивая слова, чтобы Федор лучше уловил смысл:

— Сапо-те-ка!

Чайка порылся в своих скудных знаниях о местных жителях, доставшихся ему еще из прошлой жизни, и память подтвердила ему, что было здесь что-то подобное. Кажется, обитало где-то в этих местах племя неких сапотеков. Во всяком случае, по звучанию было похоже на их название. Все равно ничего другого Чайка пока не мог предположить. Знаний о местной жизни явно не хватало. Были они воинственны или наоборот, стремились жить лишь оседлой жизнью и возделывать поля, он не знал. Однако, если судить по тому, как эти два почти голых индейца разделались со своими врагами в недавней схватке на берегу озера, эти сапотеки драться тоже умели. Не хуже хозяев неизвестного города.

— Значит, вы оба сапотеки?⁴ — уточнил Чайка, переводя взгляд с одного индейца на

⁴ *Сапотеки* — позднее название от исп. *zapotecas*, искаж. от *ацтекского* *tsapotekatl*, «облачный народ». Индейский народ Мексики. Цивилизация древних сапотеков в пору расцвета занимала территорию современного штата Оахака, южную часть соседнего штата Пуэбла и восточные земли штата Герреро. Сапотеки создали своеобразную культуру, период расцвета которой относится ко II–V вв. н. э. Есть свидетельства, что сапотеки обитали начиная со II в. до н. э. на территории поселения Монте-Альбан, одного из

другого.

Те закивали.

— Ну, это уже кое-что, — удовлетворенно кивнул он и задал следующий логичный вопрос.

— А те, — он махнул рукой в направлении невидимого города, смахнув каплю влаги со лба, — от которых мы сбежали. Эти как называются?

Индеец некоторое время молчал, пытаясь сообразить. Затем, кажется, понял. Его лицо приняло суровое выражение, а правая рука невольно легла на рукоять меча. Другой рукой он погладил кадык и, сделав над собой усилие, пробормотал:

— Ол-мека.

— Ага, значит, ольмеки,⁵ — кивнул Федор в знак понимания, — слышал, знаю.

Он откинулся чуть назад, вновь прищурившись на солнце, которое грело все сильнее с каждой минутой. Лесная тень укрывала их лишь частично.

— Ну, теперь хотя бы понятно, против кого дружите. Значит, у вас с ними, так скажем, напряженные отношения.

Индейцы, ничего не говоря, смотрели на Федора. На этот раз его слова остались без ответа. Да он особенно ничего уже и не спрашивал, а разговаривал сам с собой. Но тут неожиданно разговор получил продолжение.

— А живешь-то ты где, сапотека? — вмешался в разговор Ларин, пытаясь на пальцах объяснить свой вопрос. — Ну, земля твоя, деревня, там, или город, как называется?

Теперь непонимающие взгляды обратились на Леху, а затем вновь на Федора, с которым уже, можно сказать, разговор завязался.

— Чего непонятного? — обиделся Ларин, на такое пренебрежительное отношение со стороны спасенных им людей. — Вот мы, — он скользнул взглядом по финикийцам, и взмахнул рукой, — все как бы из Карфагена. Кар-фа-ген, понимаешь?

Индеец, тот, что говорил больше, осторожно пошевелил губами.

— Кар-фа...

— Вот именно, — обрадовался Ларин состоявшемуся наконец контакту и замахал руками еще сильнее, — Кар-фа-ген. А вот ты, откуда ты родом?

Ближний к нему сапотек, кажется, уразумел, о чем его спрашивают. Он махнул рукой

древнейших центров Мезоамерики. Как и другие народы этого региона, они строили храмы на пирамидальных основаниях, великолепные дворцы, сооружения для ритуальной игры в мяч, а также обсерватории для астрономических наблюдений. Кроме того, были обнаружены созданные сапотеками склепы — зарытые в землю здания с богато украшенными фасадами. Существует сапотекское иероглифическое письмо, сходное с письмом ольмеков и майя.

⁵ *Ольмеки* — самая древняя культура Мезоамерики — прародительница культур толтеков, теотиуаканской, майя, ацтеков, тотонакской и других. Тотонаки — одна из ранних ветвей ольмеков — могли быть строителями великих пирамид. Среди исследователей бытует мнение, что ольмеки были единой культурной основой для всех племен от Гондураса до области Уастека. Апогей развития цивилизации ольмеков приходился на 800–300 годы до н. э.

Название «ольмеки» дано этому племени условно, по имени одного из небольших племен, живших на этой территории и упоминавшихся в более поздних ацтекских хрониках. Истинное название ольмеков, как и происхождение, покрыто тайной. Установлено лишь, что они пришли, как и все, с севера и по этническим признакам относились к монголоидам. Согласно легенде первые ольмеки появились на территории современного мексиканского штата Табаско около 4000 лет назад, прибыли морем с севера, обосновавшись в мифическом селении Тамоанчан. Неизвестно, на каком языке они говорили. Жившие по соседству и развившиеся в цивилизацию в более поздние времена майя называли их «людьми рода Улитки». Считается, что у ольмеков были разрешены человеческие жертвоприношения, а обществом управляли жрецы.

Ольмеки обладали точными знаниями в астрономии, с помощью которой изобрели множество разнообразных календарей. Жившая после них цивилизация майя не скрывала, что свои календари получила в наследство от ольмеков. Они впервые создали пиктограммы — иероглифическую письменность и цифровую систему, основанную на точках и линиях. Два самых известных памятника цивилизации ольмеков Трес-Сапотес (Веракрус) и Ла-Вента (Табаско), расположены вблизи побережья Мексиканского залива.

куда-то в неизвестном направлении, что явно означало «где-то очень далеко», издав гортанный звук:

— Оа-хака!⁶

— Ну вот, — повел плечами Ларин и повернулся с видом победителя к Федору, словно уже научился в совершенстве понимать язык сапотеков и был готов служить переводчиком. — Все ясно. В какой-то Оахаке живут.

Чайка помолчал немного и закончил разговор:

— Для первого раза хватит, — он поднялся, поправляя потрепанную амуницию. — Будем считать, что знакомство состоялось. Идем дальше.

И, кивнув в сторону индейцев, добавил:

— Похоже, что мы идем как раз в нужном для них направлении.

Глава шестая КРАЙ БОЛОТ

Следующие полдня прошли без приключений. Отряд беглых финикийцев в сопровождении двух спасенных сапотеков продвигался сквозь лес сначала вдоль течения большой реки, а потом отдалился от нее. Чайка, которому за это время попало на пути несколько деревень, счел за благо держаться подальше от людей и, повстречав на своем пути небольшой приток, сменил направление. Двигаясь вдоль этой речушки, было меньше шансов повстречать людей и больше уйти от погони. Здесь обитали, похоже, только звери, а все «цивилизованные» индейцы предпочитали селиться на побережье крупной реки.

— Там, где легче пройти, — пояснил свое решение Леха Чайка, когда отряд, слегка передохнув у излучины, углубился в джунгли, — легче и нас отыскать.

— Оно понятно, — не стал спорить Леха, — да только понять бы, командир, куда мы теперь идем?

Федор помедлил с ответом, методично работая фалькатой. Впрочем, он понимал, что друг прав. Уже целый день они находились на свободе, пора было принимать какое-то осмысленное решение.

— Еще день, — объявил он наконец. — Чтобы наверняка. Кто знает, как далеко простираются земли этого города. Встанем на ночлег. Отоспимся, а наутро решим, что делать.

— День так день, — согласился Леха, принимаясь яростно прорубать дорогу, — на сегодня план ясен.

Излучина реки сильно забирала вправо, словно поворачивая назад к побережью. Постепенно ландшафт стал меняться. Холмы почти сошли на нет, повсюду стали появляться заболоченные участки. Лес стал еще более влажным. Финикийцы медленно двигались дальше, перебираясь с одного лесистого холма, окруженного болотами, на другой. Живности здесь было множество. То и дело из-под ног разбегались пушистые зверьки, а с деревьев срывались потревоженные птицы, каждый раз заставляя индейцев в страхе замирать. По их лицам явно читалось недовольство поведением своих спасителей, которые шли по джунглям, поднимая столько шума. Несколько раз с хрюканьем бросались наутек пестро раскрашенные свиньи. Ларин и Чайка с сожалением провожали голодным взглядом их упитанные тушки. Однако все попытки поохотиться на это бегающее под ногами мясо, пока ни к чему ни привели. Лучники едва успевали натянуть тетиву, как зверь уже пропадал в высокой траве.

— На высоте было лучше, — проворчал Леха, когда они перебиралась через очередное

⁶ *Оахака* — центром цивилизации сапотеков была долина Оахака, представляющая собой комплекс из нескольких долин. Это более позднее название, не являющееся исконным. Однако мы оставили его в тексте для более четкого понимания читателем, о каких географических районах идет речь. В дальнейшем центром долины становится город Монте-Альбан. Он расположен в 350 км на юго-восток от современного Мехико. Вся эта территория примыкает к побережью Тихого океана.

болото, — а тут, небось, можно малярию какую подцепить. Или анаконду встретить.

— Ничего, — увещевал его Федор, поглядывая на своих спутников, чьи ноги утопали во влажной почве, — это временные трудности. Река заворачивает. Вон, видишь там на горизонте, опять холмы появляются, а за ними горы. Наверняка оттуда она и течет. К вечеру должно опять стать посуше.

— Скорей бы, — пробормотал Леха, хватаясь за корягу и с трудом выдирая ногу из черной жижи, — не могу дождаться.

Вскоре река почти растворилась в десятке мелких озер, которые мелькали на болотной глади. За весь день они не встретили никого, а ближе к вечеру, когда солнце начало опускаться за показавшиеся на горизонте горы, неожиданно наткнулись на следы деятельности человеческих рук. Выходя из-под полога очередного островка леса, карфагеняне вдруг увидели перед собой не очередное болото, а старательно возделанную плантацию, на которой, стебель к стеблю, росло явно культурное растение, отдаленно напоминавшее им нечто знакомое. Федор остановился в нерешительности на краю этой плантации, простиравшейся вперед метров на двести, и осмотрелся. Никакого жилья вблизи не было, лишь в нескольких километрах, на одном из холмов, что вновь стали появляться среди равнины, виднелось несколько углых хижин.

Пока его друг занимался рекогносцировкой на местности, Ларин сделал несколько шагов вперед, наклонился и оторвал один из початков от толстого стебля. Развернул листья и просиял, увидев недозрелые желтые зерна.

— Старшой, — воскликнул он, — так это же кукуруза! Живем!

Федор, приглядевшись, действительно узнал кукурузу, знакомую только по прошлой жизни. Оторвав вслед за своим другом початок, он осторожно попробовал на вкус местный маис.

— Немного не созрел, но есть можно, — одобрил Федор неожиданную находку, — надо собрать, сколько унесем, на ужин.

— Ну да, — поддержал идею Леха, — все лучше, чем вообще на голодный желудок ночевать. А то мясо тут какое-то пугливое.

Сапотеки, увидев плантацию, тоже обрадовались знакомым продуктам, хотя и на их лицах Федору уловил настороженность, когда они вглядывались в далекую деревню. Пока финикийцы собирали кукурузу — засовывая початки себе кто куда, под сохранившиеся остатки одежды или даже под амуницию, — сапотеки быстро связали из стеблей нечто среднее между небольшими носилками или корзиной и сложили туда добытую кукурузу. У них двоих получилось забрать с плантации гораздо больше, чем у всех финикийцев, вместе взятых.

— Молодцы, — похвалил за находчивость новых бойцов своего отряда Чайка, — будет чем перекусить.

Пока шел этот сбор чужого урожая, он вместе с Лехой осматривал окрестности более пытливым взглядом. По всей видимости, отсюда дальше было два основных пути. Первый явно вел к деревне, но свидание с местными обитателями не входило в планы Чайки, который считал себя теперь начальником разведывательного отряда в тылу врага. Второй путь шел вдоль плантации и череды небольших озер к нарождавшимся на горизонте скалам.

— Идем туда, — решил Федор, — что-то мне надоело по болотам мотаться.

— И то дело, — кивнул Леха, соглашаясь, — если неприятностей не будет, к вечеру, может, доберемся до возвышенности.

— Может, и доберемся, — не стал загадывать Федор, поднося ладонь ко лбу, — в любом случае этой ночью уже можно будет спать. Погони не видно. Похоже, оторвались. Надо отдохнуть. Значит, надо искать хорошее место для ночлега. Одно мне только непонятно.

Ларин уставился на своего командира, ожидая объяснений.

— Если тут кругом такие болота, — продолжил развивать мысль Федор, — и камня нет вообще, то откуда древние ваятели притащили эту огромную голову? Она ведь явно из

цельного куска высеченная.

— Ну, там, где мы ее нашли, из камней еще что-то имелось, — подумал вслух Леха. — Может, каменоломни какие недалеко от того места были, о чем мы не знали. А может, по реке привезли издалека, в город же возили каменные блоки для строительства. Сам видел.

— Так она тонн двадцать весит, — даже присвистнул Федор, — это ж какую технику надо иметь, чтобы ее туда затащить. Да еще издалека.

— Честно тебе сказать, — подвел итог Леха, — мне по барабану. Пойдем быстрее отсюда, пока крестьяне шум не подняли.

— Это верно, — сдержал свои исследовательские порывы Федор, — загадки археологии оставим на потом. А сейчас идем. Вдоль плантации к горам.

К счастью, плантация была самой дальней от деревни из увиденных ими, — по дороге они наткнулись еще на несколько штук, — и никто из крестьян не успел их заметить. Во всяком случае, спустя полдня, прошедшие с тех пор, как они миновали эти слабозаселенные места, никто не увязался за ними следом. Хотя, как подозревал Федор, глядя на недовольные лица сапотеков, молча следовавших за ним, наследили они достаточно.

Когда солнце начало клониться к земле, они вышли из низины на край поросшего лесом плоскогорья. С тех пор их путь пошел вверх, в сторону настоящих гор, видневшихся впереди. Остановившись, Чайка объявил привал, а сам вышел на холм и посмотрел назад. С этой точки он мог оценить пройденный за день маршрут. К нему присоединился Леха и еще один из воинов, лучник по имени Цорбал, которого Чайка держал за своего главного помощника в отряде избежавших гибели финикийцев, не считая, конечно, самого Ларина.

Позади них теперь расстилалась почти бескрайняя долина сочно-зеленого цвета, в центре которой протянулась цепь небольших озер, намечавших изгиб течения местных вод. Все озера-блюдца были соединены рекой, питавшей здешние болота и явно берущей начало с гор, в сторону которых они сейчас и направлялись. Над равниной то и дело вздымались лесистые холмы разной величины, некоторые из них были даже заселены, там виднелись какие-то рукотворные строения, но финикийцы, к счастью, обошли их стороной. Глядя на проделанный путь, Чайка мог почти точно указать направление, откуда они пришли сюда. А осмотр всей панорамы дал ему четкое понимание, что они ничуть не приблизились к побережью, хотя ему на некоторое время так показалось, а скорее удалялись от него и своего последнего корабля.

— Неплохо мы прогулялись, — подытожил Леха, напомнив об утреннем разговоре, — куда дальше направимся?

— Пока вверх по склону, — решил Федор, немного отдышавшись, — поищем защищенное место для ночлега. Отдохнем, а там и решать будем. Главное, чтобы нас никто не побеспокоил.

— Ну, отдыхать — не работать, — смирился Леха и направился к месту общего сбора, где индейцы, пользуясь отпущенным временем, латали свою корзину с кукурузой.

— Цорбал, — подозвал своего помощника Федор, — возьми себе в помощь Пирга и пойдешь впереди отряда. Постарайтесь подстрелить что-нибудь на ужин. Места здесь вроде бы богатые живностью, а травы станет меньше. Есть шанс поохотиться.

Цорбал молча кивнул и последовал за Лариным к остальным.

А Федор еще некоторое время рассматривал долину и соизмерял проделанный путь, решив, наконец, что с рассвета они прошли не меньше пятнадцати километров по этим лесам и болотам. Для джунглей это был неплохой результат. Впрочем, удивляться было нечему. Они спасали свои жизни. До ночи оставалось еще несколько часов, которые Чайка отвел на охоту и поиск места ночевки, решив сегодня не двигаться дальше предгорий. Люди были измотаны и, если случится схватка или погоня, долго не протянут.

Цорбал, повинувшись приказу, взяв себе в помощь второго лучника, следовал впереди отряда метрах в ста. Вначале удача не слишком улыбалась ему. Но на исходе второго часа движения по лесистым холмам все вдруг услышали визг какого-то животного, пораженного стрелой Цорбала. А затем чуть в стороне раздался и второй крик.

— Удача! — воскликнул Федор и поспешил вперед, сквозь заросли.

На поляне он увидел дергавшееся в конвульсиях довольно большое животное, видом походившее на свинью. В отличие от увиденных утром, эта свинья была не пестрой, а скорее темно-серой окраски. Цорбал выдернул из ее шеи стрелу, позволив крови свободно вытекать из смертельной раны.

— Надеюсь, она съедобна, — проговорил появившийся из-за его плеча Ларин.

Бесшумно возникшие из листвы сапотеки одобрителем закивали головами, увидев добычу.

— Еще как, — подтвердил Федор, получив подтверждение от местных жителей, — настоящий кабан. Во всяком случае, на ужин хватит. Пойдем посмотрим, что там подстрелил Пирг.

Второму лучнику повезло меньше, но тоже улыбнулась удача. На берегу ручья он застрелил какую-то огромную морскую свинку. Мясистое тельце, покрытое жесткими волосами, бездыханно лежало, уткнувшись мордой в воду и оскалив передние резцы.

— Это еще что? — удивился Федор, останавливаясь у ручья. — Знатный грызун, капибара, что ли?

— Не знаю, — честно признался Леха, отвечая вместо охотника, — но килограмм на тридцать чистого веса потянет. Давай уже становиться на ночлег, пока совсем не стемнело.

Федор Чайка устало оглянулся по сторонам и счел эту поляну у ручья вполне подходящим местом. Открытого пространства здесь было метров пятнадцать, вполне достаточно, чтобы всем разместиться. Большой валун, подпиравший ближайшее дерево, мог служить рубежом обороны. Вода была. А что еще надо усталому беглецу?

— Привал, ночуем здесь, — скомандовал Федор и ткнул пальцем в двух копыеносцев, — ты и ты, будет первым дозором, гуляйте вокруг стоянки, пока остальные будут собирать дрова и готовить ужин. Заодно, может, еще кого подколете.

Бойцы, перехватив покрепче свои трофейные копья, отправились выполнять приказ. Цорбал, перетащив с помощью другого финикийца тушу свиньи неизвестной породы к месту нового ночлега, уже было принялся за ее разделку и всадил ей в брюхо свой кинжал, как к нему приблизился один из сапотоков. Индеец жестами пытался что-то показать, но Цорбал его не понимал.

— Что тебе нужно? — недоумевал охотник. — Отойди, не мешай. Когда будет готово, и тебе перепадет кусок.

— Кажется, ему не нравится, как ты обращаешься с добычей, — решил Федор, понаблюдав некоторое время за жестикуляцией сапотека, — дай-ка ему попробовать.

— Да я и сам справлюсь, — попытался возразить Цорбал, но Федор настоял, и тот нехотя подчинился, отодвинувшись от свиньи.

Сапотек просиял и, поклонившись Чайке, присел рядом. Он коротко произнес какое-то заклинание над телом свиньи, а затем вдруг извлек из своей набедренной повязки кусочек заточенного камня и приступил к свежеванию. Ловким движением полуголый индеец поддел и отсек щетину от туши, а затем быстро разделил ее на несколько частей.

— Ты смотри, — невольно усмехнулся Федор, вспомнив свое лезвие в подошве сандалий, спасшее жизнь всем присутствующим, — что творят эти камнерезы. И когда только успел наточить. Неплохо они тут наловчились туши свежевать.

Чайка вдруг вспомнил о жрецах, обладавших таким же мастерством в области препарирования человеческих тел, и невольно вздрогнул: слишком уж неприятными были сейчас эти свежие воспоминания. Отогнав их, он вновь сконцентрировался на работе сапотека, больше походившей на магические действия, чем на обычное приготовление мяса к ужину.

Вскоре удивленному взору карфагенян предстала идеально разрезанная тушка свиньи, где даже кости выглядели свободными от мяса. Один из лучших кусков индеец, прошептав что-то, бросил в воду, а оставшуюся часть несъедобных обрезков положил рядом с будущим костровищем, ничего не выбросив в лес.

— Это еще что? — удивился Ларин, увидев кусок в ручье. — Он что, собрался лучшее мясо выкинуть? Да я его сейчас сам разделаю, как эту свинью!

— погоди, — остановил его Чайка, — парень, похоже, местных духов умасливает. Не будем гневить здешние божества.

Услышав о жертве, которую приносили все воины и охотники, Ларин сразу остыл. Как ни жаль было расставаться с лучшей частью мяса, а жертва — дело серьезное. В их ситуации даже необходимая.

— Разжигайте огонь, — приказал Федор, — пора все это зажарить.

И кивком головы дал согласие индейцу, немного оторопевшему при виде грозного Ларина, на раздел второй тушки. Сам же, оставив лагерь на попечение Лехи, раздававшего приказания, отошел чуть в сторону, где, еще по дороге, заметил очередное белесое возвышение.

Выбравшись на вершину довольно крутого холма, где лежал плоский камень, он остановился и вновь осмотрелся. Пришло время подумать. Его отряд уже находился в предгорьях, почти достигнув самих гор, которые виднелись буквально в нескольких километрах. Что там, за горами, неизвестно. Взглянув в сторону пройденной болотистой равнины, он немного успокоился. Солнце освещало ее сейчас под таким углом, что любое движение было заметно. Если бы ее пересекал крупный военный отряд, то Федор его непременно бы увидел. Однако погони не было.

— Это хорошо, — невольно выдохнул Чайка, почесав бороду, и заговорив сам с собою. — От быстрой смерти ушли. Только вот что теперь делать? Если к побережью возвращаться, то какой дорогой? Эх, если бы эти сапотеки могли нам путь тайный к морю показать, вот это был бы вариант. Да только как им объяснить, куда нам надо. Пока уходим, как я погляжу, все дальше от него.

Неожиданно позади него раздался треск — кто-то наступил на ветку метрах в десяти. Федор мгновенно вытащил из ножен за спиной фалькату и развернулся в направлении звука. Передвигался он все время в панцире, хоть и потрепанном, но еще сохранившем былую прочность.

— А ну, выходи! — приказал он, спрыгивая вниз с камня, чтобы слиться с землей. — Кто там пожаловал?

На его голос из леса неслышно вышла невысокая фигура в набедренной повязке, и Чайка решил, что этот человек нарочно привлек его внимание, чтобы дать себя обнаружить.

— А, это ты, — узнал он второго индейца, немного опуская фалькату, — чего бродишь впотьмах?

И добавил, словно продолжая свои размышления:

— Ты путь отсюда к морю знаешь короткий?

Индеец остановился, словно задумавшись.

— Нам к морю надо, — пояснил ему Федор, как будто индеец его прекрасно понимал, и махнул рукой в сторону заката, — вот туда куда-то.

Сапотек помолчал еще немного и, затем вдруг сам поднял руку, указав в сторону гор, что находились у них за спиной.

— Оа-хака!

— Ах, вот оно что, — кивнул Федор, — там твоя земля. За горами. Понятно. И ты рад, ясное дело, что мы туда идем.

Индеец кивнул, словно все так и было.

— А если мы завтра утром повернем обратно, что делать будешь? — уточнил Федор, ничуть не беспокоясь насчет перевода. — С нами пойдешь или сбежишь? Ясное дело, сбежишь. Зачем тебе к морю.

И не дожидаясь ответ, добавил:

— Ладно, пошли в лагерь. Утро вечера мудренее.

Индеец еще что-то попытался сказать ему, показывая на ночной лес, обступивший место их стоянки, но Федор больше не был расположен к разговорам. Усталость брала свое.

— Идем, идем, — повторил он, — есть пора.

Когда они вернулись, на поляне уже горел приличный костер, — карфагеняне научились высекать огонь подручными средствами. Костер был спрятан в ложбине так, чтобы его не было видно. Мало ли кто тут по ночам бродит. Да и сигналить о своем местоположении возможным преследователям в низине Федор считал верхом глупости. Однако сейчас без огня было никак. И он разрешил соорудить костер, спрятав его как подобает.

Запах жареного мяса разносился по всей поляне. Ужин получился питательным — мясо с кукурузой. И хотя мяса было не так уж много почти на десяток пустых желудков, финикийцы поедали мясистые лапки неизвестного грызуна и ребра лесной свиньи с огромным удовольствием. Аж за ушами трещало.

— Это тебе не лапы ящериц и худосочная змейка, — нахваливал ужин Леха, вспоминая более чем скромный завтрак, — теперь есть чем желудок набить.

— Утром ты и ящериц нахваливал, — напомнил ему Федор, откусывая зубами от сочного куска мяса, казавшегося на вкус сладковатым.

— Так то когда было, — отмахнулся Леха, отправляя в рот очередную порцию.

— Вот еще бы вина, — добавил мечтательно Цорбал.

— На корабле его было много, — неожиданно вспомнил Пирг, обсасывая косточку.

Услышав это замечание, Леха вопросительно посмотрел на командира. Но тот лишь проговорил вполголоса:

— Утром решать будем, на свежую голову. А сейчас всем есть и спать. Отдохнуть надо. И без вина весело.

Когда плотный, хотя и не слишком обильный ужин, показавшийся беглецам настоящим пиршеством, закончился, Федор еще раз приказал всем спать. Огонь решил не поддерживать, крупных хищников по дороге сюда им не встречалось, да и тепло было в здешних широтах. Несмотря на то что оба сапотека пытались привлечь его внимание какими-то разговорами, Чайка ограничился простой охраной из двух дозорных, которые должны были сменять друг друга через равные промежутки.

— Утром поговорим, — объявил он недовольным сапотекам, устраиваясь прямо в панцире и в обнимку с фалькатой под развесистым деревом с толстыми ветками. Неподалеку от того места, где недавно горел костер и жарили мясо.

Краем глаза Федор заметил, как кто-то из воинов выкинул несъедобные объедки и кости в лес, но не придавал этому значения. Заснул он довольно быстро и спал до поры до времени хорошо, — дикая усталость сразу дала о себе знать. Однако ближе к рассвету его начали мучить кошмары. Какие-то огненные обезьяны с горящими глазами нападали на него, стремясь откусить пальцы, затем вдруг явился бурый медведь с головой, как у каменного истукана, и попытался порвать его на части. Открыв глаза, Федор некоторое время лежал в холодном поту, прислушиваясь к ночным шорохам и редким крикам птиц. Его не оставляло ощущение, что на него кто-то смотрит. Он уже хотел было встать и проверить охрану, как вдруг заметил прямо над собой на дереве две большие светящиеся точки. Призрачно синие, почти незаметные. Это были глаза. И явно не глаза человека.

Чайка очень медленно, не поворачиваясь, ощупал ножны фалькаты, — оружие было на месте. Федор совершенно не двигался, но при этом он ощутил, что в глубине дерева произошло какое-то шевеление. Крупный зверь, а теперь Чайка не сомневался, то там притаился какой-то хищник, почуял, что Федор проснулся, и приготовился к прыжку.

«Успеть бы», — только и подумал он, выхватывая фалькату и, рывком перевернувшись на спину, выбросил лезвие вверх прямо перед собой. Буквально в ту же секунду на него с дерева обрушилась какая-то тень, и Чайка ощутил на своем лице дыхание огромного зверя, вслед за которым послышался грозный рык, переходящий в истошный вой. Он успел-таки выставить перед собой мощный клинок и ощутил, как тот вспорол шкуру, глубоко проникая в плоть хищника. Несколько секунд Федор молча боролся со зверем, придавившим его плечи двумя когтистыми лапами и пытавшимся откусить ему голову. Но засевшая в груди хищника

фальката не давала ему опуститься ниже, и его пасть несколько раз захлопнулась буквально в паре сантиметров от головы военачальника карфагенян.

— Ах ты тварь, — прошипел Федор, пытаясь сбросить с себя дикое животное, но чувствуя, что слабеет с каждой секундой. Сил у этого зверя, несмотря на серьезную рану, было еще много. И он мог одной лапой разорвать Федору незащищенное лицо или шею, но упорно пытался достать его зубами, царапая лишь кожаный нагрудник. Это и спасло Чайку.

Спустя мгновение возле них уже было несколько человек, разбуженных дикими криками. В предрассветной мгле метнулись тени, и ягуар, а это был он, вздрогнул, получив копьё в бок, а затем второе. Но из последних сил эта дикая, хоть и ослабевшая кошка наконец-то попыталась вцепиться Федору в шею. Он защищался, но руки его ослабли от постоянного напряжения, сопротивление почти прекратилось. Чайка отчетливо разглядел распахнутую пасть ягуара, метнувшуюся к нему в последнем порыве ярости, но тут во тьме сбоку тускло сверкнул клинок. Ягуар безвольно повис на Федоре, придавив его своей тушей, а через несколько секунд Чайка ощутил, как по его доспехам разливается теплая кровь хищника.

— А ну, помоги! — слышался сквозь туман голос Ларина, и вскоре туша поверженного ягуара была отброшена в сторону.

— Жив, командир? — наклонилось над ним знакомое лицо.

— Вроде бы, — неуверенно пробормотал Федор, отбросив фалькату и ощупывая насквозь пропитанный кровью кожаный нагрудник. Наплечники были сорваны, сшитые вместе части грубой кожи разошлись по швам, повсюду виднелись глубокие борозды от когтей.

С помощью Ларина он встал и с удивлением, словно все это произошло не с ним, воззрелся на мертвого ягуара, плававшего в луже собственной крови. Рядом столпились все его воины с оружием в руках. Двое индейцев остановились на почтительном удалении от ягуара, уставившись на Федора. В их взглядах Чайка прочитал смесь восхищения и неопишуемого ужаса от непоправимости случившегося.

— Чего смотришь? — обратился Ларин как ни в чем не бывало к одному из них. — Разделявай давай. Будем шкуру снимать.

Глава седьмая СУДЬБА ЯГУАРА

Однако индейцы отказались даже приблизиться к тому месту, где лежал мертвый ягуар, несмотря на красноречивые жесты Ларина. Наоборот, поняв его намерения, они в ужасе попятились к дальнему краю долины и там опустились на землю, припав к ней, и начали что-то бормотать.

— Оставь их, — приказал Федор, понемногу приходящий в себя, — не видишь, мы убили их божество.

— Так они что теперь, наши грехи замаливают? — уточнил Ларин, переводя вновь взгляд на самого Федора. — Ты бы лучше, командир, наших богов поблагодарил, что уберегли тебя от верной смерти. Кошка-то тебе досталась не из слабых.

— Это верно, — выдохнул Чайка, как-то отстранение разглядывая тушу убитого ягуара, распластанную на земле, и проводя рукой по окровавленным и разорванным в хлам доспехам, — еще немного и силы бы у меня закончились. Так что, брат, я твой должник.

— Да ладно, с кем не бывает, — отмахнулся Леха так, словно речь шла о сущей безделице, — подумаешь, ягуар. Мы и покрупнее хищников видали. Хорошо, что не лев.

— А богов я обязательно отблагодарю, — добавил Федор, вновь брезгливо ощупывая свой дырявый нагрудник. — Попозже, когда помоюсь.

— Предлагаю принести его в жертву, — подбоченившись, заявил Ларин, — ну хотя бы часть мяса, лучшую. Остальное съесть. А шкуру себе возьмешь, на память.

— Невежливо так поступать с местными богами, — на мгновение озадачился Чайка, а

потом махнул рукой, — а впрочем, делай, как знаешь.

И отошел к ручью, пока его друг, подзвав нескольких помощников, в первых лучах рассвета разделявал мертвого ягуара прямо на глазах у обескураженных сапотеков. Индейцы не знали, куда им деться от ужаса, но не осмеливались помешать людям, победившим божество.

Федор между тем снял остатки панциря, лишний раз похвалив себя за предусмотрительность, бросил их тут же и с наслаждением облил лицо и грудь водой из ручья, смывая кровь. Струйки холодной воды проделали глубокие бороздки в почти запекшейся крови животного, покрывавшей все его тело, кроме разве что ног. Когда его лицо и торс вновь оказались чистыми, Федор оглядел себя с пристрастием. Однако не обнаружил никаких глубоких ран, которые мог не заметить в первые минуты после нападения местного божества. Лишь несколько длинных царапин на плечах и ребрах, но они были не опасны для жизни. Несмотря на всю свою силу и ловкость, ягуар смог лишь кончиками когтей достать Чайку. Даже лицо, всего в паре сантиметров над которым несколько раз с клацаньем смыкались челюсти хищника, оказалось в порядке. «Похоже, я в рубашке родился, — возблагодарил богов Федор и пошутил, расслабляясь: — Вернее, в панцире. И с фалькатой. А кстати, где она?»

Чайка вернулся к месту разделывания туши ягуара, процесс уже подходил к концу, и обнаружил свою окровавленную фалькату в паре метров от расчлененного ягуара.

— Вот ты, моя родная, — с любовью поднял свое оружие с земли Федор и, вновь вернувшись к ручью, омыл и его в холодной воде, — в который раз мне жизнь спасла.

Закончив разделку туши, Леха вывесил шкуру сушиться на открытом месте, и, еще раз посоветовавшись с командиром насчет мяса. А получив разрешение, велел раздуть угли и приступить к копчению. Федор, уже почти оклемавшийся от ночного нападения, не видел смысла бросать столько мяса. И не прошло и нескольких часов с момента вторжения ягуара на их стоянку, как финикийцы уже жарили его тело на медленном огне, принеся лучшую часть в жертву, как и полагалось. Опасность была позади, а впереди предстоял большой переход, и нужно было хорошенько подкрепиться.

Однако сапотеки этого не оценили. Индейцы, окончательно потерявшие дар речи, в ужасе взирали на карфагенян, поедавших божество, пестрая шкура которого сушилась на солнце в нескольких метрах. От копченого мяса они отказались.

А отдохнувшие финикийцы не придавали столько значения условностям, расценив поверженного хищника как добычу на охоте. Мясо ягуара, однако, оказалось довольно жестким на вкус. С трудом откусив сочную мякоть от большого куска, с почетом переданного ему лично Лариным, Федор подумал о превратностях судьбы. Ведь всего несколько часов назад этот ягуар забрел на их стоянку и напал на него, чтобы полакомиться его телом. А теперь коптился на вертеле сам. Видимо, эти мысли так отчетливо читались на лице Чайки, что Леха не удержался от замечания.

— Чего загрустил, командир, — толкнул его в бок Леха, сидевший рядом на поваленном дереве, — думаешь о судьбе ягуара? Не бери в голову. Мы же, считай, на войне.

Федор молча кивнул, а Леха продолжил:

— Если бы ты его не достал, он бы сейчас тобой лакомился. И даже жарить бы не стал, съел бы тебя сырым и не поперхнулся. А потом за меня и остальных принялся.

Прожевав кусок, Ларин кивнул в сторону помрачневших индейцев и добавил:

— Уверен, эта тварь даже своих почитателей бы не пощадила.

Немало повидавший на своем веку Федор, одетый теперь лишь в изорванную тунику, при этих словах все же поперхнулся, перестав есть.

— Ладно, хватит болтать об этом. Выжили и ладно. Давай думать лучше, что дальше делать.

— Пора, — согласился Леха, — да только что тут особенно думать. Надо к морю двигать, я так разумею.

— К морю-то к морю, — не стал спорить Федор, — да только как? Обратно через

долину не резон, там люди есть. Перед нами горы. Да и направление теперь не ясно, легко сбиться можем с пути и опять в лапы угодить к этим жрецам. Там нам и этого ягуара припомнят.

— Да брось ты каркать, командир, — возмутился Леха, которого воспоминания о жрецах, способных разделять человеческие тела не хуже животных, ничуть не обрадовали. — А может, вдоль гор пойдем и попробуем эту долину обойти по предгорьям.

— Длинный путь выйдет, — ответил Федор в задумчивости.

— Может и длинный, зато к морю, — продолжал гнуть свое Леха, — а в этих горах, думаешь, нам лучше будет?

— Не уверен, — признался Федор, — хотя там, похоже, живут эти сапотеки.

Он бросил короткий взгляд на мрачных индейцев, молча взиравших на эту кощунственную трапезу.

— Может, замолвят за нас словечко. Мы же их спасли, как ни крути. Вернее, ты спас.

Леха посмотрел на спасенных им индейцев и с сомнением покачал головой.

— Да шут с ними. Пусть идут своей дорогой. А нам нечего там делать.

Обернувшись к другу, добавил:

— Идем к морю, командир. Последний корабль искать.

— А если его там уже давно нет? — предположил Федор, который и сам не хотел слишком удаляться от спасительного побережья, но старался продумать все варианты. — Если все наши уже погибли? Шансов мало, что найдем. Лучше бы отсидеться где-нибудь, разведать. С местными подружиться, да проводников найти.

— Да чего зря время терять, — восстал Леха, — думаю, как раз наоборот все может выйти. Пока будем отсиживаться, если кто и был в живых, то отыщут и добьют. Тут торопиться надо.

— Ну хорошо, — сдался Федор и, окинув взглядом всех своих солдат, напряженно вслушивавшихся в беседу командиров, объявил: — Идем к морю. Но сначала поднимемся еще чуть повыше в предгорья, а затем возьмем правее. Так идти будет проще.

Все финикийцы поддержали это решение. Никто не знал, что ждет их впереди, но местной земли они тоже не знали. И никому не хотелось удаляться от моря, уходя в горы. Тем более что от погони, если она и была, они уже оторвались.

— Тогда в путь, — закончив трапезу, Чайка встал, поправляя ножны фалькаты на боку. Непригодный больше к ношению нагрудник он с сожалением выбросил. Оставшись в рваной тунике и штанах, командир финикийцев выглядел сейчас не слишком грозно.

— Шкуру заberi, — напомнил Федор Лехе, — трофей все-таки. Да и ночи в горах холодные.

— Ясное дело, тут не оставлю, — кивнул Ларин и не упустил случая позубоскалить, — только это твой трофей. Как подсохнет, наденешь на себя, сойдешь за божество. А пока дам кому-нибудь из бойцов понести.

Федор невольно ухмыльнулся, а потом вдруг встал и подошел к растянутой между деревьев шкуре. Осмотрел ее, ощупав пальцами несколько ровных отверстий, оставшихся от ударов копья и фалькаты. Посмотрел на голову животного, которую Ларин все же отрезал, отбросив в сторону, чем слегка попортил трофей. И неожиданно произнес:

— Ладно, сам понесу. На вид не слишком тяжелая, хоть и не высохла еще.

И сняв ее с креплений, набросил себе на спину, перевернув мехом вниз.

— По дороге подсохнет, а так незаметней будет.

Ларин приблизился и с наигранным интересом осмотрел друга, который пытался связать у себя на груди лапы животного в один узел, чтобы тяжелая шкура не свалилась во время движения.

— Ну чистый ягуар, — подвел он итог своим наблюдениям.

Покинув стоянку, отряд карфагенян в сопровождении хмурых индейцев вновь устремился вверх по склону и вскоре вышел на вершину небольшого хребта, тянувшегося вдоль всей долины. Именно по нему Федор и намеревался идти в обход. За первым хребтом

виднелось еще несколько. Там начинались настоящие горы, хоть и не слишком высокие, поросшие лесом. Путь дальше был возможен только по долинам и через перевалы.

Чтобы взойти на ближний хребет, финикийцам поневоле пришлось покинуть спасительный лес и начать небольшой подъем по узкому оврагу вверх. Другого пути не было. Посоветовавшись с Лариным, друзья еще раз порешили пробираться по довольно пологому на вид хребту, а не вдоль края болот, где с большей вероятностью можно было повстречать людей. Даже двигаясь по этому оврагу, его не покидало ощущение, что они не первые люди, избравшие его для передвижения. То и дело ему попадались следы. Этим путем, судя по всему, иногда пользовались. А в середине подъема Федор наткнулся даже на след от костра, окончательно убедивший его в том, что они случайно выбрались на местную дорогу.

— Надо прибавить темп, — сказал он Ларину, с трудом волоча на себе мокрую шкуру, казавшуюся тяжелее с каждым шагом, когда они поднялись еще метров на сто, — не ровен час, появятся местные. Не одни мы ту бродим тайком.

— Может, ты и прав, командир, — отмахнулся хорошо отдохнувший Леха, — да только зря беспокоишься. Сколько идем, полная тишина. Людей здесь отродясь не бывало. Ну разве что пара охотников за рябчиками.

Преодолев овраг до конца, они оказались на вершине, и там Чайка едва не присвистнул от удивления, а балагур Леха вообще потерял дар речи. Им навстречу по широкой тропе поднимался огромный отряд пестро разодетых воинов. Масок у большинства не было, лишь у некоторых, но каждый нес длинный щит, украшенный снизу бахромой из плетеных веревок, и мощное копье. У многих Федор разглядел на поясе уже знакомый каменный меч, способный творить чудеса в умелых руках. Индейцы были невысоки ростом, но их количество впечатляло. Отряд, вернее целая армия, растянулась по всей долине, и ее хвост терялся у следующего горного хребта. От авангарда неизвестной армии беглецов отделяло не больше пары сотен метров.

— Вот те раз, ушли от погони, — нервно рассмеялся Ларин, оглядываясь назад в сторону болот, из которых они только что поднялись.

— Не успеем, — спокойно заметил Федор, изучая амуницию и пристально всматриваясь в бодро перепрыгивавших с камня на камень передовых бойцов отряда, — нас уже наверняка заметили. Интересно, кто это? Что-то они не похожи на тех индейцев из золотого города, от которых мы сбежали.

— Да, кто их разберет, — выругался Леха, нервно сжимая рукоять фалькаты, — по мне эти местные индейцы все на одно лицо.

Он подтолкнул недвижимо стоявшего командира в плечо и прохрипел, отчего-то переходя на шепот:

— Может, все-таки деру, пока еще не поздно.

Но в этот момент поднявшиеся на хребет последними индейцы из племени сапотеков издали радостный клич и бросились вниз, размахивая руками. Быстро приближавшиеся к вершине солдаты передового отряда, которых от карфагенян отделяло уже не больше сотни метров, на мгновение остановились, приподняв копья и щиты. Но, увидев лишь двоих индейцев, продолжили подниматься.

— Вот тебе и ответ, — спокойно заметил Федор, когда их провожатые добежали до солдат с копьями и затараторили, размахивая руками и пытаясь что-то сбивчиво им объяснить, — это их родня, сапотеки.

— Думаешь, они нас не убьют? — с сомнением пробормотал Леха.

— Не знаю, — спокойно пожал плечами Федор, — все будет зависеть от того, что расскажут им наши спасенные друзья.

— По мне лучше бежать, пока не поздно, — напомнил Леха, пытаясь убедить командира, который, судя по всему, решил сдаться.

— Уже давно поздно, — ответил Федор, — посмотри направо, потом налево. Нас уже отрезали.

Леха в ярости метнул взгляд в указанном направлении и действительно увидел еще один отряд сапотеков, взобравшийся на хребет примерно в трехстах метрах, и второй, поднявшийся туда же левее метров на двести. Путь вдоль хребта был перекрыт в обоих направлениях.

— Назад еще успеем, — не сдавался Леха.

— Назад нам не надо, — ответил Федор, — обратим тыл, и нас все равно догонят. Я не хочу получить каменное копьё в спину. Уж лучше в грудь.

— Ты прав, — нехотя согласился Леха, выхватывая фалькату, — лучше умереть в бою. Это славная смерть для воина.

— погоди умирать, — схватил его с силой за руку Федор, — может, еще договоримся с этими ребятами. Шанс слабый, но есть. Они ведь враги наших врагов.

— Тогда что они здесь делают? — уточнил Леха, нахмурившись. — Эти наши друзья-мироотворцы. С оружием, да еще в таком количестве. Или мы уже на земле другого государства?

— А вот это правильный вопрос, — кивнул Федор и заметил, что продвижение головного отряда замедлилось, из-за того что спасенные индейцы что-то оживленно втолковывали их командиру. — Но ответа ждать недолго. Потерпи. Погибнуть всегда успеем.

— Уговорил, — нехотя вернул вытащенную наполовину фалькату обратно в ножны Ларин, — подожду чуток.

Федор взглядом приказал и остальным бойцам финикийцев не обнажать оружия, а лишь сгрудиться вокруг него. И молча стал ждать, рассматривая командира передового отряда, слушавшего сбивчивые речи освобожденных индейцев. Тот стоял буквально в сотне метров и спокойно взирал на горстку финикийцев, которую уже обложили со всех сторон его солдаты, но приказа атаковать пока не отдал. Бойцы двух фланговых отрядов приблизились к карфагенянам на расстояние броска копья, сомкнулись у них за спиной и остановились, выстроившись для атаки. Путь назад был теперь тоже отрезан, но Чайка и раньше не верил, что им удастся уйти. Гораздо больше сейчас он надеялся на помощь богов, а потому удержал своих людей от решительных действий.

Впрочем, ожидание действительно не затянулось. Командир передового отряда, на голове которого виднелся помпезный плоский шлем в виде головы орла, украшенный яркими перьями, а в ушах какие-то серьги, услышав очередную порцию откровений от бывших пленников, вдруг взмахнул рукой. Солдаты его отряда, за спиной которых виднелась поднимавшаяся из долины армия, вновь начали движение и, поджав снизу финикийцев, почти замкнули окружение.

— И что теперь? — пробормотал Леха, которого так и подмывало вытащить фалькату из ножен.

— Мирные переговоры, — ответил ему почти не открывая рта Федор, — надеюсь.

Военачальник сапотеков, пройдя сквозь строй расступившихся воинов в сопровождении двух знакомых Чайке индейцев, приблизился к нему и остановился на расстоянии десяти шагов. Встреча состоялась в небольшой безлесной ложбине, окруженной со всех сторон скальными выступами. Облеченный властью сапOTEK откровенно рассматривал одетых в странную одежду, на его взгляд, людей, имевших при себе оружие еще более странного вида. Впрочем, сам он, по мнению Федора, тоже выглядел весьма экзотично. Весь в каких-то разноцветных веревках и перьях, свисавших отовсюду, — с рукавов, со щита, с боевого топора, по краю пестрой одежды. Чего стоил один шлем в виде головы орла с огромным, нависавшим надо лбом изогнутым клювом и нащечниками со вставленными драгоценными камнями, не считая ряда длинных перьев, довершавших все это великолепие. Ну и конечно, боевая раскраска на теле и лице, делавшая его похожим на командос из американских боевиков, только гораздо более колоритным.

— Натуральный павлин, — вполголоса озвучил общие наблюдения Леха.

В ответ командир сапотеков удостоил Ларина коротким взглядом, полюбовавшись его

кожаным нагрудником, — единственным из сохранившихся в отряде беглецов доспехом, — и шагнул к скромнее одетому Федору, словно угадав, кто из них главный. «Наверное, пленники нашептали, — подумал Федор, — может, подарить ему Лехин нагрудник для начала разговора?» Однако, немного поколебавшись, передумал. Ларин вряд ли отдаст его добровольно, да и неловко было так поступать с другом. Но что-то надо было делать. Причем срочно. Это затянувшееся молчание под взглядами нескольких десятков вооруженных до зубов индейцев и присутствие чуть пониже в долине целой армии таких же аборигенов действовало на него удручающе. Решив сделать жест доброй воли, командир посланцев далекого Карфагена осторожно шагнул вперед и, вскинув руку, проговорил по-финикийски:

— Я, Федор Чайка, и мои воины приветствуют тебя, храбрый вождь!

Командир передового отряда сапотеков едва заметно напрягся, но в целом выслушал воззвание Федора весьма благосклонно. И тут случилось неожиданное. Завязанная на груди шкура ягуара, вывернутая наизнанку, вдруг развязалась и упала к его ногам, засверкав яркими пятнами. Едва взглянув на нее, сапOTEK пришел в ярость. Он отскочил назад, дико взвизгнув, выхватил деревянный меч и махнул рукой в сторону карфагян. Все его бойцы, выставив копья, тотчас бросились в атаку.

— Мирный план не прошел, — констатировал Леха, с каким-то мрачным наслаждением выхватывая фалькату из ножен, — придется помирать, командир, извини.

И отбил брошенное в него копье.

— Значит, судьба, — кивнул Федор, также молниеносно выхватив оружие, — не знал я, что они тоже любители ягуаров. Как-то не подумал, что для этих «друзей» мы будем выглядеть как безбожники.

— Да ладно, — сплюнул Леха, отбивая еще одно копье, на этот раз направленное сильной рукой ему в грудь одним из сапотеков, и затем нанося ответный удар, от которого щит нападавшего разлетелся вдребезги, — с кем не бывает. Не бери в голову. После договорим, если выйдет.

Федор, методично отбивая удар за ударом, лихорадочно искал выход из положения, в которое сам отчасти завел своих людей. «Прав был Леха, — мысленно бичевал себя командир карфагян, нанося ответные удары наседавшим сапOTEкам, — бежать надо было, может, и спаслись бы. Дипломат хренов».

Драка шла уже не на жизнь, а на смерть. Попавшие в окружение финикийцы, несмотря на то что не имели щитов, умудрялись отражать волну за волной и не умирать мгновенно. СапOTEки наседали со всех сторон. Финикийцы крутились как ужаленные, отбивая и нанося разящие удары, от которых полегло уже не меньше двух десятков индейцев. С их же стороны погибло пока всего двое: один боец умер от брошенного издалека копья, а второй от какой-то короткой стрелы, впившейся ему в шею. Чайке показалось, то это был не лук — луков он у нападавших не заметил, — а скорее духовая трубка. В общем, посланцы Карфагена желали умереть героями, подороже продав свои жизни, как и подобает солдатам.

Пока руки его были заняты битвой, мозг Чайки искал спасительное решение. Однако решение все не приходило и, оказавшись в пылу схватки рядом с помпезным вождем сапотеков, Чайка решил отомстить за провал дипломатической миссии. Обезоружив и заколов ближнего к нему индейца резким выпадом в грудь, Федор оказался один на один с человеком в шлеме орла.

— Ну, вот и я, — вновь представился Федор, ухмыляясь и поигрывая фалькатой, — продолжим переговоры?

Но едва успел поднять над головой лезвие клинка, чтобы не дать боевому топору индейского военачальника опуститься ему на голову, топор сапOTEка со звоном отскочил от фалькаты, а Чайка ушел в сторону и нанес мощный удар снизу в корпус своего противника. Тот прикрылся щитом, и щит едва не развалился от такого удара, но все же выдержал, хотя и потерял все украшения. В ярости Федор нанес удар противнику в голову, срубив несколько перьев, а затем еще и еще прямо по выставленному щиту. Командир сапотеков был

вынужден отступить, хотя по его лицу Чайка видел, каким позором для него это было.

— Куда же ты, — насмеялся Федор, бросив быстрый взгляд вокруг, — мы еще не договорили. Или у вас все такие трусы?

Военачальник сапотеков не знал, что говорит ему чужеземец, но нетрудно было понять, что над ним насмеются. Развивая успех, Федор прыгнул вперед и последним ударом раскрыл щит пополам. Сапотек отшатнулся, запнулся о камень и упал, выронив боевой топор. Чайка же, не теряя времени, бросился на него коршуном и точным ударом сбил с его головы шлем, а затем приставил свой клинок к его горлу — обезоруженный сапотек замер. На кончике фалькаты показалась капля крови, но Федор почему-то медлил. Он пристально посмотрел в лицо побежденного сапотека, поймав его затравленный взгляд, и почему-то решил оставить ему жизнь. Какое-то предчувствие шевельнулось у него в душе.

И Федор, уже готовый умертвить этого помпезного индейца, неожиданно шагнул назад, опустив клинок.

— Извини, брат, — пробормотал он, — с ягуаром мы погорячились.

Увидевший это Ларин едва не издал вопль отчаяния. Его взгляд откровенно говорил, что друг сошел с ума, оставив жизнь своему поединщику. Однако то, что последовало за этим поступком, самого Федора почему-то не удивило. Едва сглотнув слюну, вождь сапотеков бросил гневный взгляд на Чайку, а потом издал какой-то гортанный крик, и драка мгновенно прекратилась. Все индейские воины отступили назад, образовав кольцо вокруг оставшихся в живых карфагенян, среди которых были Федор, Леха, Цорбал и еще несколько бойцов.

— Ты что творишь, командир? — не удержался от вопроса Леха, шагнув к нему. — Думаешь, он тебя простил бы?

Но его вопрос остался без ответа. Ларин напряженно ждал, буравя взглядом военачальника сапотеков. Поверженный индеец между тем встал, подняв свой боевой топор, и, обернувшись, что-то коротко приказал своим людям. В глубине индейских порядков начались передвижения, не ускользнувшие от Ларина.

— Ну все, сейчас просто копьями закидают, — решил Леха, не спуская глаз с размалеванных воинов, — зря ты его отпустил, брат.

И, словно в подтверждение его слов из глубины тотчас вылетело что-то бесформенное. Не успел Федор и глазом моргнуть, как его друг уже валялся на земле, опутанный по рукам и ногам какими-то веревками. Затем такое же лассо стегануло его самого, мгновенно спеленав. Рухнув на камни и больно приложившись о них головой, Чайка ускользящим сознанием поймал себя на мысли, что теперь их не убьют. Во всяком случае, не сразу. А это уже шанс.

Глава восьмая СНОВА В ПЛЕНУ

Уже второй раз с того момента, как его нога ступила на этот неизведанный континент, Федор ощутил себя в роли дичи, попавшей в капкан по собственной глупости. Его, словно запутавшегося в сетях кабана, проволокли метров двадцать по каменистой земле и, лишь когда он уже мысленно распрощался с остатками кожи на плечах и спине, подняли безо всякого уважения и, прикрепив к наконечникам копий, понесли в неизвестном направлении. Ушиб головы давал о себе знать. Болтаясь в полуобморочном состоянии в полуметре от земли, Чайка, спеленутый, словно мумия Тутанхамона, от отчаяния даже попытался потерять сознание. Но то ли удар о камни был не слишком сильным, то ли он сам был так зол на себя, что не чувствовал боли, но пока его волокли до назначенного места, Федор сознания так и не потерял.

Даже наоборот, несмотря на свое положение, в котором ему было почти невозможно пошевелить ни рукой ни ногой, Чайка все-таки пытался одной рукой дотянуться до веревки, прижимавшей другую к телу, и расслабить ее. Жажда жизни еще была сильна в нем. Однако ничего не получилось. После трех бесплодных попыток он решил пока смириться с судьбой

и экономить силы. Ждать окончания этого вынужденного путешествия, чем бы оно ни закончилось. Слишком далеко их не могли унести, в этом Чайка отчего-то был уверен.

И он оказался прав. Вскоре конвой остановился, и его опустили на землю. Федор с наслаждением вдохнул, обрадовавшись тому, что его больше не трясет, и быстро осмотрелся. Он успел заметить, что лежит на дне долины, по краям которой поднимаются довольно высокие, поросшие лесом горы. Больше ничего рассмотреть не смог из-за частокола тел, сгрудившихся вокруг него суровых и молчаливых индейцев. Однако радость была преждевременной. Гортанный окрик одного из военачальников разорвал тишину, и несколько пар мускулистых рук вновь подхватили его, поволокли по земле куда-то в сторону. «Ну вот, опять, — раздосадованно подумал Федор, — скорей бы кончили таскать по камням, и прибили бы уже, что ли».

На этот раз его мечта исполнилась быстро. Протащив еще метров десять, конвоиры внезапно остановились и расступились, давая дорогу двум размалеванным крепкосбитым индейцам в красных набедренных повязках. В руках у них Чайка рассмотрел нечто похожее на молотки. «Так, еще не хватало, чтобы меня распяли, — промелькнула в мозгу беспомощного Федора дикая мысль, — от этих друзей всего можно ожидать. И зачем я только убил этого чертова ягуара. Может, и договорились бы».

Индейцы с молотками на удивление легко приподняли Федора, словно он был невесом, и, поставив вертикально, прислонили к какому-то столбу. Чайка спиной ощутил тепло, поняв, что это был деревянный столб, нагретый за день солнцем. Затем его палачи, не обращая внимания на жертву, вбили пару кольев где-то в верхней части столба и, наконец, принялись за Федора. «Ну вот и смерть моя пришла, — решил Чайка, — хотя, судя по приготовлениям, они решили напоследок поиздеваться. Наверное, у них в ходу ритуальные пытки».

Когда его с помощью ножей, очень похожих формой на те, которыми вырезают сердца, ненадолго освободили от пут, в сознании вновь слабо шевельнулась мысль о побеге. Но суставы и мышцы были настолько занемевшими, что Чайка смирился со своей судьбой. В таком состоянии он и удар-то толком нанести не сможет, не то что разбросать всю охрану. Будь что будет. Деловито работавшие индейцы тем временем вновь связали ему руки прочными веревками и, чуть приподняв, подвесили за запястья на каком-то крюке, а потом завели онемевшие ноги назад за столб и связали их там так же прочно. «Теперь хоть сердце вынимай, — как-то отрешенно подумал вконец обессиленный Федор, повиснув на руках, — хоть отрезай самое дорогое. Одна надежда, что в жрецов-кастратов здесь превращают не всех».

Но индейцы, быстро исполнив подготовительные действия, пока не спешили переводить его в благородное жреческое сословие с помощью болезненного, но необходимого обряда. Подвесив и прикрепив к столбу, они мгновенно позабыли про Федора и переключились на другого пленника, чуть отступив в сторону. Чайка, впервые предоставленный сам себе, смог чуть повернуть голову и узнал в соседнем пленнике своего друга Леху, который также безвольно валялся на земле, пока ему готовили столб. Правда, в отличие от Федора, когда руки у него казались свободными, Леха попытался-таки вырваться, но, получив удар деревянным молотком по голове, быстро обмяк. Индейцы-палачи, как прозвал их Федор, свое дело знали. Не прошло и минуты, как Ларин болтался на соседнем столбе в полуметре над землей, подвешенный за руки, а индейцы переключились на следующего пленного.

Со своего места Федор заметил несколько тел, разбросанных на каменистой земле, и ряд столбов, тянувшихся вдоль скал. По всему было видно, что их приволокли на какое-то специально оборудованное для пыток или казней место. Больно уж все отлажено было в этом процессе. Хотя Федор и не мог понять, как оказалось такое место на пути у армии сапотеков и чья это была ритуальная поляна: их или еще ольмеков. Он вообще с трудом понимал, на чьей территории находился последние дни. Впрочем, в их судьбе от этого сейчас мало что зависело.

«Ладно, — мрачно решил Федор, поглядывая исподлобья на своих мучителей, выстроившихся чуть поодаль с копьями и щитами, — подождем, чем дело закончится».

Однако долгое время ничего больше не происходило. Завершив приготовления с пленниками, которые вскоре все оказались подвешенными на столбах, сапотеки в красных набедренных повязках удалились. Казнить карфагенян немедленно почему-то не стали. И Чайка, уже испытывавший боль в плечах от своей неудобной позы, начал озираться по сторонам. Ритуальная поляна была окружена с двух сторон невысоким колючим кустарником, перекрывавшим вид вверх и вниз по долине. Зато прямо перед ними все просматривалось довольно хорошо, несмотря на складки местности. Здесь скопилось множество воинов. Почти по центру долины проходила широкая тропа, и рядом с ней сапотеки решили устроить привал для своей армии. Судя по движению людей и нервным крикам, долетавшим до Федора оттуда, где, по его мнению, собрались военачальники неизвестной армии, этот привал оказался совершенно неожиданным. Казалась бы, столкнувшись с горсткой карфагенян, столь большая армия могла просто уничтожить их и двинуться дальше, не теряя времени, ведь какая-то цель у них была. Не исключено, что именно там, откуда пришли Чайка и его бойцы. Однако, выиграв, хоть и не без потерь, небольшую стычку, сапотеки почему-то остановились. А теперь еще, похоже, собирались держать совет.

«Сколько чести, — мрачно усмехнулся Федор, опуская голову на грудь от усталости, — интересно, что же мы натворили. Неужели все из-за этого ягуара?»

Однако внутренний голос подсказывал ему, что какими бы храбрыми или глупыми воинами не были сейчас финикийцы, волею богов заброшенные в эти дикие земли, дело было не только в них. И, возможно, не только в том, что карфагенян угораздило убить местное божество и нарядиться в его шкуру, совершив святотатство, достойное по местным законам жуткой смерти. В чем конкретно было дело, он не знал, и даже не догадывался. Оставалось только ждать, пока про них вспомнят, наслаждаясь, возможно, последними мгновениями жизни.

Наслаждаться, впрочем, было довольно трудно, — боль в плечах и руках все усиливалась, и суставы вскоре заныли нестерпимо. Рот у Федора не был заткнут кляпом и, хотя в глотке пересохло от жажды, Чайка даже порывался что-то крикнуть Лехе, то и дело взбрыкивавшем на соседнем столбе. Но после того как Ларин громко выругался матом при виде «индейца-палача» в красной набедренной повязке, проходившего мимо в трех шагах, и тут же обмяк, снова получив на глазах Чайки деревянным молотком по голове, Федор передумал испытывать судьбу. Шлемов на них обоих давно не было, а голова у Чайки и без того была ушиблена.

Провисев так примерно час на солнцепеке, Федор все же сломался и потерял сознание от жары и боли. А когда очнулся, вынырнув из кошмарного марева, словно кит с глубины в двадцать километров, и жадно вдохнул теплый воздух, то заметил, что багровый солнечный диск уже почти опустился за горы. Еще немного и наступит короткий вечер, а потом мгновенная ночь. Длинные тени от окрестных вершин уже поползли вдоль тропы. В долине стало заметно прохладнее, но это пока не принесло долгожданного облегчения измученному телу Чайки.

Слегка приподняв голову, он масляным взором посмотрел сквозь неподвижных охранников со своими красными щитами вперед. Туда, где находились порядки армии сапотеков, воины которой заполонили всю видимую часть долины, с удовольствием предаваясь неожиданному отдыху. Со своего места Федор не мог определить, где проходил совет старейшин и закончился ли он. В любом случае их пока никто не казнил, значит, дело еще не решено. Такая неторопливость у скорых на расправу местных жителей, насколько он их успел узнать, озадачивала Федора.

«Похоже, про нас забыли, — попытался он шевельнуться, встряхнув вялое от жары сознание, и взять под контроль свои мысли, — интересно, что там надумали местные вожди насчет нашей судьбы. Сегодня прикончат или оставят до утра помучиться? Что-то мне уже

надоело ждать».

Изможденное тело отозвалось такой резкой болью, что Федор опять поплыл, потеряв сознание. Очнулся он от того, что кто-то острой палкой ткнул в его грудь, а потом в щеку. Чайка дернулся и открыл глаза, пытаясь понять, что происходит. Получилось с трудом.

Вокруг было уже темно. Костер, горевший метрах в десяти, давал яркое пятно света, отчего все вокруг выглядело еще более мрачным. Прямо напротив Федора стояла группа людей в странных одеждах из ткани, перьев и веревок, отбрасывая причудливые тени. Судя по всему это были не воины, так как оружия у них не было, если не считать короткого посоха в руках ближней к Чайке фигуры индейца. Хотя, приглядевшись, Федор заметил в заднем ряду три тускло блестевших шлема, очень похожих на головной убор военачальника, которому он подарил жизнь. О чем сейчас немного жалел.

Ближе всего к нему находилось несколько старейшин, как он решил, и два спасенных из плена сапотека. Они молча стояли, обратившись в соляные столбы, и, судя по выражениям лиц, полные благоговейного ужаса, пока ближний к Чайке старейшина внимательно рассматривал тело пленника, лицо, руки, ноги, волосы и остатки одежды, превратившейся в лохмотья, проводя по ним краем своего короткого посоха. Посох, обвешанный веревочными украшениями и какими-то амулетами, неприятно царапал кожу. Федор еле сдерживался, чтобы не выругаться, исподлобья поглядывая на местного вождя. Тот был невысок ростом, суховат, плечи его укрывала короткая накидка, а черные волосы частью были собраны на голове в виде пучка, перевязанного узкой темной лентой, остальные спадали на плечи. Лоб и щеки были покрыты какими-то рисунками, едва различимыми при таком освещении. «Интересно, — проползла вялая мысль где-то в глубине измученного сознания Чайки, — что там наговорили этим старейшинам наши спасенные сапотеки?»

Вождь заметил, что пленник очнулся, но невозмутимо продолжал свое дело. И хотя иссушенное солнцем и ветрами за долгие годы жизни лицо старого индейца было почти бесстрастным, Федор уловил в глубоко упрятанных за морщинистыми веками глазах искорку любопытства. Старейшина явно видел таких людей на этой земле впервые.

— Чего уставился? — дернулся сильнее обычного Федор, не выдержав такой беспардонной церемонии знакомства. — Хватит тыкать в меня своей палкой. Дайте лучше воды попить, уроды раскрашенные.

За мгновение до этого посох скользнул по щеке, оцарапав ухо, и Чайка потерял остатки терпения. Ему вдруг стало все равно, удастся ли договориться со старейшинами, и вообще наплевать на то, что с ним сделают. Сейчас с ним обращались как с вещью, не имевшей ни имени, ни души, ни достоинства. Рассматривали, как экспонат в музее или, скорее, как раба на невольничьем рынке. Рабство. Такая перспектива, даже в случае сохранения жизни, Чайку не очень радовала. Смириться с ней он не мог. Лучше смерть.

Старый индеец невольно опустил посох и отступил на полшага, нахмурившись, — волна ненависти, исходившая от пленника, словно оттолкнула его. Но, опустив посох, сапотек не переставал изучать Федора своими узкими пронизательными глазами. Остальные вожди молча взирали на происходящее, не вмешиваясь, видимо, это был главный из них. Все военачальники также не спешили выйти вперед, держась позади и чуть сбоку «верховного» старейшины. А тот, благодаря ругани Федора, закончив свои наблюдения раньше времени, прицепил посох к поясу и вдруг выхватил короткое лезвие, блеснувшее в отблесках пламени. А затем решительно шагнул к Федору с ножом в руках.

— Попил водички, — выдохнул Чайка, приготовившись ощутить холодную сталь в своем сердце. Но, собрав последние силы, зажмуриваться не стал, продолжая смотреть на индейца.

— Давай бей, гнида, — пробормотал Федор.

Но рука с ножом вдруг взметнулась вверх, проскочив мимо сердца, и ловким ударом рассекла веревки, спутавшие его руки. Потеряв опору, изможденное тело безвольным мешком рухнуло вниз, под ноги вождю, где Федор приложился о твердую каменистую землю, невольно испустив крик. Однако ноги его продолжали висеть в полуметре над

землей. Старый индеец медленно обошел столб и рассек пути на ногах.

Чайка, не понимая, что происходит, осторожно перекатился на бок. Рядом с ним тотчас возникли два военачальника в звериных шлемах, сжимая в руках каменные мечи, и он почел за благо не шевелиться.

Старейшина, словно потеряв к нему интерес, отдал какую-то короткую команду остальным, едва разжав зубы и махнув рукой в темноту. Как показалось Чайке, это указание касалось остальных пленников. «Что они там еще задумали?» — отстраненно думал Федор, ощущая боль и ломоту в затекшем теле, но даже не пытаясь больше пошевелиться. Верховные сапотеки с мечами в руках своим видом недвусмысленно показывали, что лучше сейчас лежать смирно. Да Федор пока иначе и не мог, тело не слушалось.

Тем временем главный старейшина исчез из поля зрения Чайки, растворившись во тьме, а на его месте возникла дюжина сапотеков с копьями и немедленно занялась пленниками. Тех двоих в красных набедренных повязках он больше не видел. Изможденные за день тела снимали со столбов и стаскивали в кучу, словно бревна. Но радоваться свободе было пока рано. Как заметил Федор, едва пленников освобождали от одних пут, как тут же пеленали по новой. Руки и ноги, так что человек не имел возможности ни встать, ни подвигать руками, связанными за спиной.

Когда сапотеки закончили со всеми пленными финикийцами, стащив их в одно место и свалив в кучу едва ли не друг на друга, пришел черед Федора вновь расстаться со своей временной свободой. Два крепких индейца спеленали ему ноги, а потом, заломив руки назад, крепко связали запястья. Закончив с этим, они подхватили начальника карфагенян и отволокли к остальным, бросив на лежавшего крайним пленника.

— Полегче, твою мать! — выругался тот по-русски, когда тело Чайки рухнуло ему на бок. — Не шпалы грузите.

— Здорово, Леха, — обрадовался Федор, произнося слова вполголоса, — вот и свиделись.

— Привет, командир, — уже тихо, чтобы не злить охрану, окружившую их плотным кольцом метрах в пяти от сваленных тел, произнес Ларин, — как сам?

— Порядок, — ответил Федор, чуть отползая от друга.

— Не знаешь, чего от нас хотят эти краснокожие в перьях? — спросил Леха.

— Пока не знаю, — осторожно проговорил Чайка, глядя в бездонное небо, на котором начали загораться звезды, — но, судя по тому, как меня изучал местный вождь, эту ночь мы еще, может, переживем. Считай, нам дали передышку. Надеюсь, до утра.

— Хорошо, что не убили пока и со столбов сняли, — согласился Леха, обрадовавшийся случаю поговорить, так как его за это еще никто не бил по голове, — нам бы немного отдохнуть, а там придумаем как вырваться отсюда. Веврки крепкие, но что-нибудь сообразить можно.

— Это верно, — не стал спорить Федор, — главное — отдохнуть. Чует мое сердце, что завтра на рассвете мы узнаем свою судьбу.

— На рассвете? — с надеждой уточнил Леха таким тоном, словно Федор был провидцем и гарантировал ему отсрочку смертного приговора, а также целую ночь спокойной жизни. — Это хорошо. Лежать лучше, чем на столбе висеть. Хоть выспимся.

Федор не стал его лишать надежды, тем более что пока все так и выглядело. Их связали и бросили в кучу, оставив в покое. Все старейшины и военачальники после ночного осмотра пленников удалились, оставив, конечно, охрану. Однако никто пока не казнил карфагенян, хотя давно могли. Даже говорить не запрещали.

«Прав Леха, — подумал Федор, устраиваясь поудобнее на острых камнях, насколько позволяло связанное тело, — надо постараться отдохнуть, пока опять куда-нибудь не подвесили. А лучше поспать».

Странная штука война. Когда у тебя нет выбора и лишнего времени, какой бы опасной ни казалась обстановка, человек может расслабиться даже посреди ада крошечного. Вот и Чайка, решив не терять драгоценного времени, едва принял удобное положение, заснул

мертвецким сном, несмотря на всю армию сапотеков, ничуть не переживая, что его могут зарезать во сне.

Ночью было холодно, а у карфагенян не было никаких накидок, а тем более палаток, чтобы укрыться. Отчего все пленники постепенно придвинулись друг к другу, прижавшись спинами и согревая товарищей телами. Так они как-то смогли дотянуть до утра и даже поспать, хотя на рассвете у всех зуб на зуб не попадал от промозглого холода.

С первыми лучами солнца, вновь поднявшегося из-за горного хребта, наступил новый день. А вскоре появилась хоть какая-то ясность в судьбе пленников. Хотя нельзя сказать, что она обрадовала карфагенян.

Когда солнце добралось своими лучами до лежавших плотной кучей пленных финикийцев и стало пригревать, возвращая их к жизни, рядом с ними возник человек в шлеме орла. Тот самый, которому Федор великодушно оставил жизнь. За ним виднелись спасенные Лариным сапотеки, на лицах которых сквозило странное выражение: смесь гордости и виноватости.

Военачальник, блестя на солнце золотым шлемом, остановился напротив Федора и что-то приказал следовавшим за ним солдатам.

— Чего им надо? — удивился Леха, слегка прищурившись на солнце.

— Сейчас узнаем, — расплывчато ответил Федор, который и сам не догадывался.

Оружие у них давно отобрали. Чайка много бы дал, чтобы узнать о том, где сейчас его любимая фальката. К счастью, хоть сандалии пока были на нем, а с ними и тонкое лезвие ножа, спрятанное в подошве. Приблизившись, индейцы прошли мимо Федора и становились напротив Лехи.

— А мне везет, — обреченно пробормотал Ларин, и добавил, посмотрев на склонившихся над ним индейцев: — И что вам надо?

Те молча перевернули его на живот, разрезали путы на руках и, несмотря на сопротивление Лехи, освободили от нагрудника, передав его военачальнику сапотеков. Индеец, бегло осмотрев трофей, отдал его кому-то из подоспевших охранников.

— Что, решили доспехи моей кровью не марать? — не выдержал Леха, оставшийся в исподнем, и прохрипел с ненавистью: — Уроды.

Но ему в горло тотчас уткнулось каменное копьё, и он вынужден был замолчать. На этом экзекуция не закончилась. Откуда-то еще несколько сапотекских воинов приволокли длинное и суковатое бревно. Лишив Ларина последнего защитного вооружения, сапотеки вытянули его руки вверх и привязали к бревну так, что оно лежало у Лехи на плече, а руки, связанные на запястьях, уже на нем.

— Вы что удумали? — не мог сообразить Леха.

Федор тоже не сразу понял. Но когда его вслед за другом, сначала развязав руки, а потом снова связав их над бревном, обратили носом в затылок другу на расстоянии пары метров от него, Чайка стал догадываться о замыслах своих поработителей. А когда всех остальных финикийцев, бежавших из «золотого города», привязали к тонкому бревну друг за другом, все стало очевидно.

Закончив свою работу, сапотеки жестами приказали пленникам подняться на ноги. А когда те не проявили должной сообразительности, подхватили бревно, рванув его вверх и одновременно щедро раздавая пинки пленникам. Едва финикийцы приняли вертикальное положение, как Ларин, не сдержавшись, пнул в ответ одного из индейцев, да так, что тот рухнул на камни, согнувшись пополам. За это его тут же наказали два других сапотека, врезав хорошенько по ребрам. От боли Леха согнулся и упал на колени, а за ним рухнули и все остальные изможденные путники. Ночь, проведенная на камнях, а не на столбе, конечно, дала им возможность немного прийти в себя, но они были еще далеки от своей прежней формы.

— Потерпи, брат, — попросил его Федор, когда они, понукаемые конвоирами с длинными копьями, вновь встали на ноги, — с таким ярмом мы далеко не убежим. Нас, похоже, решили по этапу отправить. А как приведут на место, бревно снимут, там и

посмотрим, как вывернуться.

— Ну да, — нехотя согласился Леха, — если по дороге не загнемся. Я лес таскать не нанимался.

Но драться больше не стал. Лишь сплюнул под ноги ближайшему сапотеку.

— А вы, гниды, что уставились? — вдруг опять рывкнул Леха, заставив конвоира дрогнуть и напрячь руку с копьем.

Федор проследил за взглядом друга и увидел двух спасенных сапотеков, стоявших чуть поодаль и наблюдавших за происходящим. Их, похоже, приняли за своих и оставили на свободе. Не исключено, что за какую-то ценную и своевременную информацию.

— Ну и дурак же я был, — процедил Ларин, тряхнув волосами, и добавил с обидой в голосе, отвернувшись: — Вот и спасай людям жизнь.

Федор между тем внимательно наблюдал за происходящим вокруг. А там было на что посмотреть. С рассветом на ноги поднялись не только они сами, но и вся сапотекская армия, выстраиваясь в походный порядок. Скоро, судя по всему, должен был начаться новый маршбросок. Местный военачальник в шлеме орла, убедившись, что с пленниками все в порядке, оставил их, растворившись среди своих солдат. Пока они стояли на месте, покачиваясь с непривычки, Чайка заметил небольшую процессию в центре долины, состоявшую из четырех или пяти походных носилок с навесом от солнца, покоившихся на плечах рослых индейцев. Военачальник в блестящем шлеме приблизился к головным носилкам, в которых сидел явно кто-то из вчерашних гостей Чайки. Обмолвившись парой фраз с хозяином этих носилок, он бросил короткий взгляд в сторону пленников, а затем отступил в полупоклоне.

Процессия пришла в движение. Сначала большой отряд сапотеков, вооруженных копьями, человек двести, зашагал вниз по тропе. Следом направились носильщики, бережно вышагивая, чтобы не потревожить покой старейшин. Потом проследовали основные силы. Сколько там было солдат, Федору было не понять, они двигались сразу несколькими колоннами. По самым скромным подсчетам в этой армии могло быть несколько тысяч сапотекских воинов. Однако Федору показалось, что сапотеки ошиблись направлением.

Когда финикийцы повстречали этот ударный отряд на гребне, отделявшим горную страну от болот, сапотеки явно направлялись в сторону «золотого города» или, во всяком случае, к побережью, от которого финикийцы вынуждены были бежать без оглядки. Этой армии было вполне по силам нанести большой урон своим врагам, кем бы те ни были — охранниками «золотого» или какого-то другого города. Чайка не знал, остались ли у них за спиной еще города. В общем, Федору показалось, что эта армия шла с целью напасть и ограбить поселения ольмеков. Однако, даже если его догадки были верны, после встречи с бледнолицыми пришельцами из далеких земель, армия сапотеков почему-то не пошла в сторону «золотого города» на побережье, а развернулась назад. Что там наплели старейшинам чудом избежавшие смерти благодаря благородству Лехи Ларина два беглых сапотека, оставалось неясным. Между тем эта новость, похоже, была настолько важной, что старейшины после недолгих размышлений решили прервать свою военную экспедицию.

Куда они теперь направлялись, Федор, конечно, не знал, но догадывался. Неверное, в страну со странным названием Оа-хака. Путь до нее, если верить спасенным сапотекам, был неблизкий. Их родина должна была находиться где-то за растянувшимися впереди, насколько хватало глаз, горными цепями. Пока что финикийцам оставили жизнь. И это лучшее, что с ними произошло. Пока они живы, всегда оставался шанс на спасение.

— Ладно, поглядим, — пробормотал себе под нос Федор, — что эта за Оа-хака такая. Главное — дотянуть.

Он попытался обернуться назад и хоть взглядом подбодрить немного павших духом солдат. Но успел лишь устало подмигнуть Цорбалу, который находился позади него. В этот момент раздался окрик надсмотрщиков, выстроившихся с обеих сторон от привязанных к бревну пленников с копьями и щитами. Это был сигнал начинать движение. И финикийцы, чувствуя себя самыми настоящими невольниками, нехотя поплелись по каменистой тропе, толкая вверх и вперед суковатое бревно.

Глава девятая НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНА

Сколько дней длился этот изнурительный переход через горы, Федор не запомнил. Примерно на пятый-третий день он уже начал терять счет этим монотонным и тяжелым дням, в течение которых ждал только одного — наступления ночи. Чтобы можно было рухнуть на камни, сбросив с плеч тяжесть этого ненавистного бревна и вытянуть хоть ненадолго сбитые в кровь ноги в блаженной истоме. Вот и все удовольствия. Хорошо хоть почти все финикийцы еще сохранили свою потрепанную обувь.

Конечно, Федор пытался держать себя в руках и даже запоминать дорогу. Только это было почти невыполнимой задачей. Армия сапотеков красной змеей перетекала из одной долины в другую, то поднимаясь на возвышенности, то снова опускаясь вниз. Когда они преодолели свой первый перевал, отделивший пологие места от гор, тропа неминуемо становилась все уже и уже. Порой конвоиры проводили финикийцев вдоль пропасти, где неверный шаг одного из них мог стоить жизни всем. Но они держались. Более того, на второй день пути, окончательно осознав свое положение, Чайке удалось вернуть если не бодрое расположение духа своим солдатам, то хотя бы опять вдохнуть в них волю к жизни.

— Нам нужно только дотянуть до конца, — увещевал он бойцов на каждом коротком привале, который устраивали им несколько раз в сутки сапотеки, — а там пусть только до обжитых мест доведут и развяжут. Мы обязательно найдем способ выбраться отсюда.

Хотя с каждым новым днем, когда перед ночлегом Федор смотрел вокруг и видел только изломанную линию гор, ощущение, что вернуться назад будет не самой простой задачей, только крепло.

Силы быстро покидали пленников. На привалах, чтобы не умерли от жары, им всего лишь раз в день давали воды, плеская в открытые рты из какого-то бурдюка. А вечером конвоиры в красных набедренных повязках, выполнявшие роль надсмотрщиков, засовывали палкой в рот каждому финикийцу небольшой кусок какого-то вяленого мяса, который приходилось пережевывать без помощи рук, поскольку их не развязывали. Если случайно выронил, то остался без еды до следующего вечера. Пару раз у солдат Чайки такое случилось.

Впрочем, несмотря на это, все пока держались. Их плохо кормили, но не убивали, продолжая тянуть вперед. И Чайка решил, что они неприкосновенны до тех пор, пока не предстанут перед лицом каких-то новых вождей. Однако он ошибся. Утром одного из бесконечных дней карфагенский воин, привязанный к дальнему концу бревна, во время переправы через бурную горную речку подвернул ногу и не смог продолжить путь. Охранники отвязали его от бревна и тотчас закололи копьем, бросив бездыханное тело на камни. Чайке стоило большого труда удержать своих соплеменников от бунта. Их бы все равно перебили. А он верил, что сбежать они смогут только оказавшись за горами. Где-то посреди местной цивилизации и подальше от столь мощной охраны, хотя и там не было уверенности, что их оставят в покое. Зачем-то ведь их потащили в такую даль. Значит, жрецы усмотрели в них что-то интересное, что не позволило им казнить всех пленников прямо на месте. Хотя не факт, что остальные жрецы будут того же мнения. И убийство больного, который не мог больше идти, заставило его засомневаться в планах старейшин сапотеков. Но все же Чайка призывал своих солдат терпеть. Судьба должна была дать им еще один шанс.

Больше всего на свете ему хотелось сбросить с себя это ненавистное бревно, сучки которого искололи ему все плечи и щеки. Он еле передвигал ноги, с каждым шагом рискуя остаться без глаза. Бревно было так обстругано специально, Чайка не сомневался, видя в этом отработанный годами способ доставки пленников. В глубине души он мечтал, чтобы их просто бросили на повозку, хоть и связанных, и отвезли куда нужно. Ему хотелось пересекать эти горы, раз уж пришлось, лежа, а не стаптывая свои ноги в кровь. Впрочем,

справедливости ради он мог заметить, что эта горная дорога, а вернее тропа, была трудно проходима для повозок и тягловых животных. Но все его мольбы были напрасны, поскольку ни быков, ни повозок он пока в этих землях не встречал. Верхом механизации в армии повстречавшихся им сапотеков пока были носилки, передвигавшиеся мускульной силой самых рослых индейцев. Знали они колесо или нет, пока только предстояло определить. Но если и знали, то почему-то на войне не использовали.

Глотая горную пыль, Федор невольно вспомнил оставленный позади «золотой город», который он теперь все чаще так называл в своих мыслях. Там цивилизация выглядела достаточно развитой по местным меркам. Чего стоили одни пирамиды, их верхняя обсерватория — а это была наверняка она — и странные внутренние помещения, не говоря уже о военных сооружениях и тоннелях в горах. А также порт, корабли и плотины. «Интересно, как у этих сапотеков с уровнем жизни, — подумал Федор, чтобы хоть чем-то себя отвлечь от монотонной ходьбы, — мы прошли уже два водопада и несколько речек, я видел пока только утлые мостки через водные преграды. Никаких впечатляющих тоннелей. Наверное, они попроще будут, чем те, кажется, ольмеки, от которых мы сбежали».

Сделав несколько шагов вслед за Лариным, Чайка закончил думать свою мысль.

«Впрочем, это еще не факт. Мы идем тропой от одного государства к другому, а тут не обязательно облегчать путникам дорогу, так как по ней в том же направлении может пройти и неприятельская армия. Так что подождем. Дорога, кажется, сегодня впервые пошла вниз. Значит, приближаемся».

К своему удивлению, он оказался прав. Не прошло и пары часов как они спустились к руслу шумной горной реки, и пленникам приказали остановиться. Переводя дух, изможденный Федор осмотрелся, насколько это было возможно. С той стороны берег реки был высоким и отвесным, возвышаясь метров на пять над уровнем пенной воды, несшейся вниз по дну узкого каньона. С него на этот берег было спущено сразу с десятков деревянных мостов, по виду напоминавших подъемные конструкции. По ним уже шла переправа армии сапотеков на высокий берег.

Пленники, в окружении многочисленной стражи, дождались, когда почти вся армия окажется на другом берегу, и с удивлением заметили, что в нависавших над рекой скалах вдруг открылись многочисленные прямоугольные проемы. Оттуда вниз полетели веревочные лестницы, и сапотеки продолжили свой подъем, исчезая один за другим в чреве скалы.

— Где-то я такие тайные проходы уже видел, — пробормотал вполголоса Чайка.

— Ну, вот и фортификация появилась, — решил поддержать разговор Ларин, услышав, что Федор беседует как бы сам с собою, — значит, конец нашей увеселительной прогулки близок. А, командир?

Федор, которого шатало от измождения, облизал растрескавшиеся губы и прохрипел, невольно улыбнувшись:

— Да уж, прогулка удалась.

— А что, — продолжал подбадривать себя и других Леха, — хорошо отдохнули.

Для наглядности он даже попытался подбросить лежавшее на плече бревно, но получилось слабовато. Бревно даже не шелохнулось. Зато он сам покачнулся и едва не упал в реку, увлекая за собой других.

— Ну, может, и не так хорошо... — вынужден был признать Ларин, покосившись на Федора и конвоиров, пристально следивших за каждым его движением. Чайка давно не удивлялся такому вниманию к своему другу. Ларин, где бы он ни появлялся, в Африке, Риме или здесь, в далекой и еще неизвестной Карфагену стране, всегда вызывал одинаковые чувства у всех, с кем ему приходилось драться. В силу своей чрезвычайной задиристости даже в плену Леха всегда умудрялся подраться с охраной и обеспечить себе «режим особого благоприствования». Хотя веда он себя потише, и режим был бы полегче. Но Леха себя сдерживать не умел. Для этого ему нужен был Федор.

— Да, руки-то уже не те, — как бы виновато добавил Леха, поводя плечом, — силенок маловато. Отнимаются почти.

— Сдается мне, брат Леха, — заметил Федор, увидев, как взмыли вверх один за другим почти все деревянные мосты, на самом деле оказавшиеся подъемными, стоило армии перекочевать на высокий берег, — что скоро мы разомнем свои затекшие конечности.

— Это ты о чем? — не понял Ларин, изучавший два оставшихся мостка на реке, которая вмиг опустела, снова приняв естественный вид, словно люди никогда и не появлялись на этих берегах.

— Сам посуди, — продолжил вполголоса развивать мысль Федор, с прищуром взглянув на проходившего мимо конвоира со щитом и копьем, — если они все лезут в тоннели вверх по веревочным лестницам, значит, ворот никаких нет. А нас-то как поднимать будут? Не краном же всех сразу?

— Думаешь, развяжут? — уточнил без особого энтузиазма Ларин. — А я бы предпочел краном. У меня сейчас руки просто деревянные, я не то что по лестнице взобраться на десяток метров, я пальцы просто сжать не смогу.

— Заставят, сможешь, — рассудил Леха, — да и, боюсь, с кранами тут напряженка.

— Кто их знает, — подпустил тумана Ларин, — в том городе, с пирамидами, в порту было много всяких приспособ. Может, и эти додумались что-то подобное соорудить?

— Сейчас узнаем, — не стал больше спорить Федор.

Друзьям пришлось прекратить разговор, когда один из сапотеков мягко ткнул Ларина копьем в плечо и указал на ближайший мост. При этом он издал какой-то утробный звук, отдаленно напominивший слово «ну».

— Не нукай, не запряг, — огрызнулся Ларин, но все же сдвинулся с места и побрел, медленно переставляя распухшие ноги и увлекая за собой всех пленников, привязанных к бревну.

На переправе порядок следования немного изменился. Мост был в ширину не больше двух метров и никаких перил не имел. Часть воинов-конвоиров ушла вперед, остальные замыкали колонну с пленными. Так что в момент перехода реки семерых финикийцев, привязанных к длинному бревну, никто не контролировал с боков. И это немного озадачивало. Едва поднявшись на мост ослабевшими ногами, Чайка понял, что оступиться и рухнуть вниз, увлекая остальных на острые камни и перекаты бурной реки проще простого. Особенно с бревном на плече.

— Леха, ты... там ровнее курс держи, — осторожно попросил он своего друга, глядя вниз на бурлящую реку, — неохота сгинуть, даже не отвязавшись напоследок от этого ярма.

— Не бойсь, командир, — успокоил его Ларин, останавливаясь на мгновение, чтобы поудобнее поставить ногу на отполированные тысячами стоп доски перекидного моста, — самому неохота спланировать на камни. Если что, всем гуртом не выплывем.

— Вот и я о том, — подтвердил Федор, смотря себе под ноги, и, чуть обернувшись, крикнул Цорбалу: — Передай остальным, чтобы шли повнимательнее.

К счастью, остальные карфагеняне понимали, что их жизнь сейчас зависит даже не от сапотеков, а от них самих. Несмотря на усталость, все двигались осторожно, и пленники прошли уже почти половину моста без особых проблем. И все же, ближе к середине реки, мост начал прогибаться под ними и раскачиваться, явно рассчитанный на быстрое прохождение одиночных воинов. Кто-то из замыкавших «колонну» финикийцев вдруг охнул, оступился и качнулся вправо, вслед за ним туда же качнулись еще двое. «Хвост» начало заносить. Передвигавшиеся в голове «колонны» Цорбал, Федор и Леха Ларин, как по команде уперлись правой ногой в самый край моста и постарались надавить плечом на бревно в обратную сторону.

— Держись, братцы! — крикнул Федор.

Плечи заломило от усилия, несколько острых сучков впились в плоть, расцарапав ее до крови.

— А-а-а... — заныл от боли вполголоса Леха, у которого трещали колени.

«Хвост» еще несколько секунд продолжал попытки сбросить всех в реку, но потом качнулся назад, усилие ослабло, и равновесие на мосту было восстановлено.

— Ну, вот и молодцы! — подбодрил всех Федор. — А теперь бегом, вперед!

Повторять не пришлось. Избежавшие гибели на дне бурной реки финикийцы за несколько мощных и слаженных шагов — и откуда только силы взялись — преодолели оставшееся расстояние и ступили на твердую скалу.

Здесь их уже ждал конвой, подхвативший Леху и Федора под руки и втащивший пленников на берег. Но никакой похвалы за свою смекалку финикийцы не услышали. Вместо этого Чайка с изумлением увидел исполнение мечты своего друга. Они стояли теперь на широкой тропе, почти дороге, проходившей у подножия отвесной скалы. Эта дорога уходила вдоль реки вправо и влево, но вперед пути не было. Впереди был только сплошной камень. Однако вся армия сапотеков ушла именно вперед, точнее вверх и вперед. Их мост, как и последний из двух оставшихся, сделав свое дело, тоже был втянут на этот берег, а затем вдруг взмыл в воздух на глазах изумленных финикийцев.

Здрав голову и едва не выколол себе глаз торчавшим сучком, Федор с удивлением заметил более широкий проем, открывшийся в скале, из которого торчало две массивные балки. С них через блоки свешивались вниз прочные канаты, на которых и взмывали вверх, исчезая бесследно в чреве скалы, мосты для переправы пехотинцев.

«Да тут свои Архимеды есть, как я погляжу, — вынужден был признать Федор, глядя на опустевший и безжизненный берег, вдоль которого проходила тропа, — закрыл все каменные люки и не скажешь, что здесь вообще переправа есть. Хорошо замаскировались, камнерезы хреновы».

Когда последние остатки мостовых сооружений были убраны, настала очередь пленников. Развязывать, вопреки предсказаниям Федора, их не стали. Вместо этого просто привязали концы бревна к спущенным канатам и втянули наверх всех сразу.

— Видал, командир, — усмехнулся Ларин, поглядывая по сторонам, когда бревно рывками пошло вверх, — мечты сбываются.

— Вот это аттракцион, — невольно выдохнул Федор, зависнув метрах в десяти над рекой, откуда открывался вид на живописную долину с заснеженными пиками гор, — никогда бы не подумал, что у этих сапотеков так отлажена система прохода через неприступные скалы.

— Ну да, — согласился Ларин, посмотрев на носки свои сандалий, под которыми внизу были хорошо различимы сапотеки в своих пестрых одеждах, — похоже, в этих местах все умеют долбить проходы в камне, что твои гномы. Так что удивляться нечему.

Федор тем не менее был удивлен. Он уже решил, что захвативший их в плен отряд принадлежит к народу, стоявшему на ступень ниже ольмеков в развитии. Теперь его уверенность в отсталости сапотеков немного пошатнулась. А когда их ловко втянули внутрь и пленники вновь ощутили под ногами твердую поверхность, Федор получил новую пищу для сомнений в своих ранних выводах. Они стояли посреди огромной галереи со сводчатым потолком, высеченной в скале. Метрах в десяти она переходила в обширный зал, освещенный факелами, в котором не было никаких колонн. Здесь выстроилась, похоже, вся армия сапотеков в ожидании команды выступить. Чайка заметил даже носилки со старейшинами в дальнем конце зала, где угадывался еще один широкий проход в скале.

— Спасибо, что нас дождались, — не выдержал Ларин, обращаясь к смотревшим на них ближним сапотекам во главе с тем самым военачальником, которому Федор оставил жизнь, — можем продолжать экскурсию.

Сапотек пропустил его слова мимо ушей, но пристальнее всмотревшись в лица пленников, что-то коротко приказал охране, сделав жест рукой, и ушел вместе с несколькими воинами-копьемосцами в сторону скопления основных сил. Здесь же остался отряд постоянных охранников, который шел вместе с пленниками от самых болот.

Не считая утомительного дня пути, финикийцы пережили подряд несколько потрясений, и бойцам требовалась разрядка. Федор думал, что их, несмотря ни на что, тотчас погонят дальше сквозь скалу по этапу. Но неожиданно карфагенянам дали возможность отдохнуть, позволив рухнуть прямо здесь на камни. Видимо, все их желания легко читались

на лицах и не стали тайной для наблюдательного военачальника сапотеков.

Пока пленники отдыхали от переправы, появились надсмотрщики, выдавшие каждому его пайку — кусок вяленого мяса и глоток воды. Насыщаясь, финикийцы заметили, что армия начала уходить, отряд за отрядом, исчезая в чреве скалы. Носилки со старейшинами исчезли первыми. Отблески факелов играли на остро отточенных каменных наконечниках копий сапотекских воинов, неслышно ступавших по каменному полу.

— Что-то рано нас сегодня кормят, — подозрительно заметил Ларин, глядя, как в сотне метров от него маршируют бойцы с красными щитами.

— Верно, — согласился Федор, прикинув что-то в уме, — вроде бы еще не вечер.

— Может, — озадачился Леха, — пришли уже?

— Это вряд ли, — подумав, решил Федор, — наверняка идти еще долго. Эти катакомбы похожи скорее на пограничные рубежи. Что-то типа крепости на краю владений. До темноты еще есть время. Думаю, просто нас погонят быстрее.

— Лучше бы подвезли, — пробормотал Ларин, признавшись: — Устал я что-то бродить по этим чертовым горам.

— Хорошо бы, — усмехнулся Федор, скосив взгляд на друга. — Ты сегодня везучий. Одна твоя мечта сбылась. Может, и вторая сбудется.

Закончив жевать свою пайку, финикийцы полежали еще немного на отшлифованных почти до блеска камнях, но никаких повозок или других знакомых им средств передвижения так и не появилось. Зато из полумрака возник рослый охранник и жестом приказал всем встать. Пора было двигаться дальше.

— А жаль, — усмехнулся на это Федор, — счастье было так близко.

За время привала они все же отдохнули и слегка набрались сил. Кроме того, сейчас их путь проходил по ровной поверхности, без резких перепадов высоты, что делало их передвижение не таким уж сложным.

— Эх, вот так бы всю дорогу, — воскликнул Леха, проковыляв метров двести за рослым сапотеком, замыкавшим передовой отряд охраны пленников.

— Да уж, — не стал спорить Федор, жадно всматриваясь во все, что его окружало.

Остальные пленники тоже воспрянули духом и даже зашагали быстрее, словно впереди их ждала свобода, вино и продолжительный отдых. Они двигались так еще сотню метров, затем зал закончился несколькими проходами в скале. Каждый из них означал отдельный тоннель, ведущий в неизвестном направлении. Но, к счастью, финикийцам не пришлось ломать голову, их просто подтолкнули в правый крайний проход, освещенный сейчас лучше других.

— Ничего себе ход, — воскликнул Ларин по-русски, осторожно крутя головой по сторонам, — да здесь метро можно строить. Поезд с вагонами запросто пройдет. Чем же они пробили такой тоннель? Да еще и пол почти отполировали. Динамита у них же не было, а командир?

— Не было, — озадаченно кивнул Федор, изучая взглядом ровную поверхность округлого тоннеля, действительно похожего на тоннель метро, идущий с уклоном вниз, и добавил с сомнением: — Надеюсь, что не было.

Вместо электрических ламп на расстоянии примерно в пятьдесят метров друг от друга здесь попадались факелы, закрепленные на специальных подставках. Поэтому, несмотря на то что пленники уже давно находились в подземелье, лишённые солнечного света, вокруг было довольно светло. Впереди маячили сапотекские воины, и по их уверенной походке Чайка догадался, что те пользовались этой дорогой не впервые. Так они брели минут двадцать, затем оказались у развилки. Дорога здесь расходилась на целых три новых тоннеля.

— Ого, — невольно присвистнул Федор, — вот это система подземных коммуникаций. Действительно, только метро не хватает.

Взяв новое направление, пленники брели по тоннелю еще почти час. Этот тоннель был даже шире предыдущего, и от него то и дело отделялись новые проходы, ведущие, как успел

заметить любознательный Федор, не только вниз, но и вбок и даже вверх. Несколько раз Чайка видел винтовые лестницы со ступеньками из отполированного камня. «Ну просто линия Маннергейма какая-то, — невольно усмехнулся Федор, — или бункер для Гитлера. Разветвленная система тоннелей, наверняка имеются скрытые выходы на поверхность. Не хватает только складов с боеприпасами, железной дороги и огневых батарей для полного комплекта».

Спустя еще десять минут финикийцы услышали шум и преодолели подземную реку по каменному мосту. В отличие от недавней экстремальной переправы, эта прошла почти незаметно. Мост был постоянным, да еще высеченным из единого куска камня, метров десять в длину. Его перила надежно защищали всех путников от падения в реку, которая ничуть не уступала по ширине и глубине той, что текла снаружи. А возможно, это была та же самая река, только свернувшая под землю. Федор вновь поймал себя на мысли, что все встреченные инженерные сооружения поражали своей аккуратностью, за которой явно стоял точный расчет.

«Похоже, они не такие уж отсталые, эти сапотеки, — стал постепенно примиряться с новой реальностью Федор, — больно уж хорошо работают местные камнерезы и проходчики тоннелей. Но и для них это все слишком точно рассчитано. Как они умудрились все это построить, ума не приложу. Одной мотыгой так не сработаешь».

— Может, это и не они все тут построили, — вдруг проговорил Леха, словно услышавший мысли друга, — слышишь, командир? Больно ладно у них тут все подогнано.

— А кто тогда? — пробормотал застигнутый врасплох Федор. — Инопланетяне?

— Не знаю, — угрюмо замолчал Леха.

— Ладно. Поживем, увидим — сказал Федор, с трудом переставляя уставшие ноги, — может, разберемся со временем, кто тут главный строитель.

— Да хрен с ними, со строителями, — отмахнулся Леха, — сбежать бы отсюда.

Ларин не успел ему ответить, сделав очередной поворот, тоннель закончился. Массивные каменные блоки круглых, походивших на огромный люк ворот, были раскрыты. По краям стояли стражники, блестя копьями в отвесах факелов. А за воротами, где только что пропал последний охранник из передовой части конвоя, зияла чернота. Снаружи повеяло холодом, и Федору вдруг захотелось остаться здесь, где было светло и тепло, а не выходить вновь в подлунный мир, в котором их ожидало скорое решение своей судьбы. И никто им не гарантировал, что это решение будет наилучшим.

Леха тоже сбавил ход, почти остановившись. Видимо, подумал о том же. Но ему не дали долго теряться в сомнениях. Тычок острым копьём вернул его к жизни. Ларин дернулся, но не стал бросаться на своих конвоиров, а медленно побрел вперед к выходу из подземелья. Вновь оказавшись в кромешной тьме, они некоторое время брели на ощупь. Однако ноги все так же ступали по ровным каменным плитам, выложенным с уклоном вниз. А спустя некоторое время, и глаза привыкли к вечернему освещению. В небе уже висела луна, закрытая облаками, отчего все вокруг казалось еще темнее. Ломаная линия гор еще была слабо различима на небосводе. Обычно в это время пленникам уже разрешали упасть на камни и забыться сном. Но сейчас никто и не подумал объявлять привал. Колонна продолжала двигаться по мощеной дороге среди нависавших скал.

— Что-то новенькое, — пробормотал Леха, — похоже, нас решили гнать всю ночь, пока не сдохнем.

— Может, уже недалеко? — высказал предположение Федор, всматриваясь вперед.

— Хорошо бы, — отозвался Леха, — а то я уже готов упасть.

Он помолчал немного и добавил вдруг:

— А это что за факельное шествие? Праздник, что ли, по случаю нашего прибытия?

Чайка посмотрел в указанном направлении и разглядел огненную змейку из нескольких десятков факелов, двигавшуюся к ним навстречу. Вся ушедшая вперед армия передвигалась вниз безо всякого освещения. Видимо, местная дорога была им хорошо знакома. А этот отряд шел вверх. Прямо к ним. Проходя поворот, неизвестный отряд вдруг осветил факелами

группу каменных домиков, прилепившихся к скалам. Впереди были какие-то строения, похожие на деревню. Однако в самой деревне не было видно ни одного огонька. И вдруг, словно по команде, одновременно там, в деревне, и далеко внизу появились мерцающие пятна. Даже с такого расстояния Федор разглядел балахоны и щиты сапотеков, проходивших по большому каменному мосту. Потом появилась еще одна группа огней, и еще, в самой глубине долины. У Чайки возникло ощущение, что с наступлением темноты в деревнях включилось вечернее освещение. Зажглись фонари. Он постарался прогнать наваждение. Электричества здесь просто не могло еще быть. Впрочем, даже не наметанному глазу было видно, что везде, где был замечен свет, горели факелы или жаровни.

— Похоже, это и есть долина Оа-хака, — проговорил Федор, разглядывая облепившие ближнюю скалу домики в зыбком свете факелов, — во всяком случае, ее начало. А эти ребята, ты опять прав, пришли по нашу душу.

Глава десятая ОБЛАЧНЫЙ НАРОД

Всю ночь Федору снилось море. Бесконечная изумрудная гладь до самого горизонта и паруса кораблей. Десятки или даже сотни квинкерем плыли по безбрежным волнам. Это величественное зрелище наполняло душу Федора настоящим счастьем и свободой. Он стоял на палубе флагманской квинкеремы, с восторгом взирая вдаль. Еще немного и его корабли достигнут заветной цели.

В этот момент корабль неожиданно тряхнуло, и Федор очнулся от глубокого забытья. С большим нежеланием он приоткрыл веки и вернулся в реальность, осознав, что его просто пнули в бок. Рядом с собой он увидел ноги сапотекского охранника и нижний край копья. Убедившись, что Федор стал подавать признаки жизни, сапотек направился дальше вдоль линии скученных тел финикийцев, спавших вповалку на каменном полу, придавая им ускорение для подъема.

Чуть наклонив голову, Федор осмотрелся. Ночь они провели в каком-то хлеву и постелью им служила грязная солома, на которой до того вольготно ночевали козы, теперь сгрудившиеся в дальнем углу. Несмотря на жесткую подстилку и неудобную позу, Федор отлично выспался и почувствовал себя отдохнувшим. Изможденный организм требовал отдыха любыми средствами. А спать под крышей в хлеву все же было удобнее, чем на холодном воздухе в горах. Ему даже приснился не кошмар, а настолько яркий и радостный сон, что командир пленных карфагенян счел это хорошим знаком. И все же воспоминание о свободе, море и кораблях напомнило ему о суровой реальности, в которой он оказался вместе со своими людьми. Чайка пошевелил связанными руками и вновь ощутил колючее бревно, с которым уже сросся за время вынужденного путешествия.

— Что день грядущий нам готовит, — пробормотал Федор себе под нос, нехотя поднимаясь вместе с остальными пленниками, разбуженными столь же беспардонным способом.

— Что-что, — неожиданно поддержал разговор Леха, вставший, покачиваясь, рядом, — сейчас мы выйдем на улицу и опять потопаем по дороге в гости к какому-нибудь царьку, который, недолго думая, прикажет нас повесить. Или вырезать сердце. Они здесь любят над людьми измываться. А заодно по пути увидим, как живут местные аборигены.

— Пожалуй, ты опять прав, — усмехнулся Федор, прищурившись от солнечного света, который врвался в полутемное помещение загона для животных сквозь единственное узкое оконце под потолком, служившим одновременно плоской крышей, — с этим не поспоришь. Перспектива вполне реальная.

Не дав пленникам времени на дальнейшие разговоры, их опять вытолкали на улицу. Там их поджидал уже знакомый отряд охраны со щитами и копьями, выстроившийся по обеим сторонам дороги. Солнце, уже висевшее довольно высоко на небосводе, еще сильнее заставило Чайку зажмуриться. А когда глаза привыкли, и он смог нормально смотреть, то

наконец разглядел деревеньку, в которой им довелось провести ночь. Это было небольшое поселение — пуэбло, как его называли далекие потомки тех, с кем довелось теперь встретиться Чайке, — домов двадцать-тридцать. Впрочем, совсем мелким его назвать было нельзя. Все строения, прилепившиеся к окрестным скалам и поднимавшиеся вверх по склону с обеих сторон от дороги, были сложены из плоского камня, имели узкие окна и выглядели довольно прочными. Чайке даже показалось, что при желании здесь можно было легко перегородить дорогу баррикадами из того же камня и выдержать небольшую осаду. Дома были вполне пригодными к обороне, а плоские крыши позволяли засесть на них сразу несколькими бойцами. На узких улочках цепкий взгляд Федора отметил только передвижение небольшого отряда сапотеков с копьями и щитами. Мирных жителей Чайка не увидел. Чуть в глубине справа торчала какая-то башня, метров пятнадцать высотой, возвышавшаяся надо всем поселением. На ее вершине, окруженной каменными зубцами в половину роста человека, он заметил еще несколько сапотекских воинов с копьями. А ниже в стенах виднелись узкие окна-бойницы. Башня была идеальным наблюдательным пунктом, откуда просматривалась вся долина и вход-выход из системы подземных коммуникаций. Кроме обороны она могла выполнять и другую задачу.

«Не зря же у них по всей долине разгорается огненный семафор с наступлением ночи, — поймал себя на мысли Чайка, пристальнее рассматривая башню, — если там развести огонь, то его будет ох как далеко в долине видеть. В случае нападения извне или даже атаки с тыла на ворота можно легко подать сигнал своим в долине и вызвать помощь».

Чайка отвернулся. Посмотрел на горы, возвышавшиеся вокруг. Потом снова на сторожевую башню и вздохнул, слегка расстроившись: «Да, мимо них даже мышь не прошмыгнет незамеченной. Видимо, придется искать другие пути отхода».

Затем он снова скользнул взглядом по домам. Чем больше смотрел Чайка на деревню, тем больше уверялся в мысли, что видит перед собой военное поселение на крайнем рубеже обороны, предназначенное скорее для отдыха пограничных отрядов вооруженной стражи, чем для постоянного проживания крестьян. Во всяком случае, вокруг были совсем не хижины бедняков из тростника, которые он скорее ожидал увидеть в местной деревне.

В этот момент, разрезав тишину, прозвучала гортанная команда сапотекского военачальника, и пленники, привычно вздрогнув, устремились по каменной дороге, ведущей вниз в неизвестную долину. Минут двадцать они молча шаркали стертыми ногами по каменной мостовой, просыпаясь на ходу. Первый аванпост у скалы вскоре остался далеко позади и по краям дороги потянулись только голые скалы. Однако сама дорога была выше всяких похвал. Ровные плиты какого-то пористого известняка, который, видимо, было легче всего обрабатывать, устилали путь карфагенян. Передвигаться по такой дороге было гораздо легче и быстрее, чем по узкой горной тропе, и Чайка невольно отметил прелести цивилизации по сравнению с бытом диких охотников, скотоводов и всяких там собирателей. Сапотеки, оказывается, не были такими отсталыми, как он подумал о них, составив первое впечатление. И Федор невольно стал ожидать новых открытий. Вспоминая то, что уже увидел, и, представляя то, что ему скоро откроется, Чайка испытывал сейчас смешанные чувства: страх и любопытство одновременно. Несмотря на свое положение пленника, находившегося на волосок от гибели, ему было интересно узнать, как живет этот странный народ, поселившийся в высокогорной долине под самыми облаками. Но и о своей жизни, которой угрожала опасность, он не мог забыть ни на минуту.

Размышляя обо всем этом, Чайка вспомнил вчерашних гонцов с факелами, прибывших в ночи к их командиру. Самого гонца, передавшего главному сапотеку не то сверток, не то табличку, он в зыбком мерцании факелов рассмотреть не смог, но Федору не стоило большого труда понять, что далекий «штаб» прислал им какое-то распоряжение. И, скорее всего, оно касалось дальнейшей судьбы пленников. Так ли это на самом деле, Чайка мог только догадываться, но, во всяком случае, замученных длинным дневным переходом финикийцев тут же разместили на ночлег. В хлеву с козами, но это было лучше, чем под открытым небом.

— Интересно, какое послание принес нашему командиру гонец, — подумал вслух Федор, вспоминая вчерашние события.

— Наверное, отправить нас на совет своих старейшин, — подал голос Леха, вновь включаясь в разговор. Он так же, как и Федор, неплохо выспался, и ему явно наскучило молча шагать по камням.

Чайка ничего не ответил. А Леха, словно и не ждал ответа, сам продолжил разговор, весело поглядывая на конвоиров с длинными красными щитами, шагавшими по бокам от колонны.

— Приведут нас пред светлы очи этих древних кровососов в перьях. Покажут наши бледнолицые рожи и сообщат, что, мол, эти ребята прибили пятнистое божество на болотах, а потом сняли с него шкуру и съели.

Леха передохнул и продолжил разглагольствования таким громким голосом, что его слова долетали едва ли не до последних финикийцев, привязанных к бревну.

— Как ты думаешь, командир, за неуважение к местным богам они нас повесят, на ремни порежут или скормят свиньям?

— Что-то я пока тут свиней не видел, — ответил на это Федор, посматривая в сторону горизонта, который открывался за поворотом скалы.

— Ну как же, — удивился Ларин, даже слегка обернувшись, — дикие же кабаны на болотах бегали? Бегали. Значит, и ручные где-нибудь имеются. Ну а не свиньям, так каким-нибудь крокодилам, какая разница.

— А ты-то сам как желаешь к богам отправиться? — против воли поддержал этот странный разговор Федор, продолжая рассматривать широкую долину, с каждым шагом открывавшуюся перед глазами.

— По мне лучше пускай нам дадут в руки оружие и выставят на гладиаторский бой против сотни местных вояк. Главное, чтобы сердце не вырезали на моих глазах, — проговорил Ларин и брезгливо добавил: — Не люблю я этого.

— Неплохая мысль насчет гладиаторских боев, — поддержал его Федор, — только и второй вариант я тебе не могу заранее отменить. Сам видел, что здесь творится.

— Да, что-то странное здесь творится, ты прав, — пробормотал Ларин, немного погрузнев, — эти катакомбы не выходят у меня из головы. Того и гляди, что старейшины окажутся какими-нибудь пришельцами.

— Это вряд ли, — успокоил его Федор, — тогда бы нас доставили на место по воздуху. А вообще...

Он махнул головой назад, пытаясь намекнуть разговорившемуся Лехе, который выражал свои мысли по-финикийски, что остальные бойцы отряда могут их не понять.

— ...а вообще ты народ не путай, — произнес он с нажимом в голосе и добавил свистящим шепотом, переходя на русский: — Они же не в курсе, откуда мы с тобой здесь появились.

— Ну да, — опомнился Леха, — извини, командир. Я и сам стал забывать, откуда мы с тобой сюда попали. Давно это было и... неправда.

Ларин продолжил свой путь молча, вспомнив о своем времени и оставшихся там родителях, для которых он наверняка погиб или пропал без вести. Хотя довольно скоро Леха утешился и стал думать уже о скифах, которых тоже давно не видел. О бескрайних степях, табунах лошадей и своей новой семье, любимой наложнице и сыне, подраставшем сейчас без него. Все это роднило его с тем временем, в котором он очутился. И вскоре Ларин вновь воспрянул духом. Не умел он долго грустить. Да и не так уж плохо у него все складывалось в этой новой жизни, если ненадолго забыть о происходящем прямо сейчас.

Солнце поднялось в зенит и палило нещадно. Пот заструился по лицам и телам пленников. Они двигались так часа три, изредка встречая на своем пути лишь военные отряды сапотеков. И Чайка уже стал подумывать, что страна этого племени напоминает по своей организации Спарту, превращенную в военный лагерь, где все жители обязаны служить в армии. Но даже в Спарте служили только свободные граждане, а кроме них были

еще другие сословия, позволявшие вращаться военной машине: купцы, ремесленники и, наконец, крестьяне-рабы. Что-то подобное должно было существовать и здесь. Глядя на воинов-сапотеков, Федор не мог поверить, что в здешней армии служат только свободные. До греков им было далеко в этом смысле, да и даже сами греки не смогли уйти от рабства. А уж здесь оно просто процветало, и жизнь человеческая не стоила почти ничего, в этом Чайка убедился на своем собственном примере. Он увидел достаточно и в «солнечном городе» ольмеков, и столкнувшись с их «братьями» сапотеками.

«Впрочем, местных индейцев тоже можно понять, — философски подумал Чайка, переставляя с трудом ноги и подталкивая плечом вверх бревно, давившее все сильнее с каждым шагом, — мы сюда тоже пришли не проповеди читать. Карфаген послал к неизведанным землям солдат и корабли не забавы ради, а чтобы узнать, можно ли с ними прибыльно торговать. А если нельзя, то Ганнибал хочет знать, как быстро можно их захватить. И, будь у меня здесь столько сил, сколько было в Африке, Испании или Риме, этот „золотой город“ долго бы не простоял».

Наконец раздался окрик командира конвоя, означавший привал. Пленники грузно осели на землю в тени огромного валуна, торчавшего у дороги, как смотровая башня. Попытавшись облокотиться о камень, Чайка едва не отдернул спину. Поначалу ему показалось, что камень сильно раскален жарившим всю солнцем, но потом он ощутил приятную и неожиданную прохладу. Этот валун был столь огромен, что если и раскалился, то лишь сверху, а здесь, у его подножия вполне можно было ненадолго ощутить если не свежесть, то спрятаться от палящего зноя. Финикийцам дали глотнуть теплой воды, которая прошелестела по иссушенным глоткам и впиталась раньше, чем успела достигнуть желудков.

Индейцы из конвоя далеко не все последовали примеру пленников. Многие остались стоять на солнцепеке как ни в чем не бывало, облокотившись на свои копья. Армия, с которой они прибыли сюда, давно уже ушла вперед, оставив только внушительный отряд для препровождения пленников к неизвестной им цели. Задержавшись взглядом на этих «железных» парнях, которым и зной был нипочем, Федор облизал растрескавшиеся губы и посмотрел вдаль.

Долина изгибалась между скал и была не широкой. Чуть ниже, километрах в десяти, она переходила в другую долину, казавшуюся более обширной. Горы раздвигались. Появлялась холмистая равнина. Там, присмотревшись, он увидел тонкую змейку реки, показавшейся измученному жаждой пленнику миражом. А справа и слева от нее Чайка узрел поля с какими-то высокими зеленовато-сочными всходами, высотой в человеческий рост. «Неужели кукуруза, — подумал Федор, вспоминая уже виденные однажды на болоте посевы, — да, вполне возможно, что это местный маис или как он тут называется... А это что там, вдалеке, за кукурузой?»

Чайка напряг зрение и смог разглядеть в поднимавшемся от земли мареве еще одну цепочку полей, засеянных чем-то золотистым, похожим на рожь или что-то подобное. На дальних полях, кроме самих посевов, Чайка увидел сборщиков — многочисленные фигурки в белых повязках, работавшие внаклон. Они то и дело отрывались от земли и взмахивали чем-то похожим на серпы, блестящие на солнце при каждом взмахе этим нехитрым орудием.

— Ну, вот и крестьянство, — пробормотал Федор, криво усмехнувшись, — как-то легче стало на душе.

Ларин, дремавший с закрытыми глазами, при этом открыл их и посмотрел в том же направлении.

— А я что тебе утром говорил, — сказал он таким тоном, будто действительно знал все наперед, и повторил свое предсказание: — По пути увидим, как живут местные аборигены. Вот и смотри, как они живут.

— Пока вижу только, как они вкалывают не разгибая спины, — кивнул Федор, согласившись с другом.

— Не туда смотришь, — прервал его Леха и слегка повернул голову, — вон там, на холме. Видишь, хибары какие-то. Наверняка их деревенька.

Холм Леха закрывал своим плечом, и его Федор не видел. В этот момент раздалась команда, которую финикийцы уже однозначно понимали как «подъем». Чайка, любознательный от природы, давно прислушивался к языку сапотеков, чтобы научиться их хоть немного понимать. Но сапотеки были молчаливы, а по тем редким словам, что вылетали из их ртов, довольно трудно было научиться говорить. И все же пару слов на наречии сапотеков Федор со товарищи уже усвоили. Это были команды «подъем» и «отбой».

— Сейчас через деревню поведут, — словно прочитав мысли друга, сказал Ларин, нехотя начиная подниматься, — успеешь налюбоваться местным бытом.

До холмов у реки они шли, а точнее плелись, еще примерно час. Преодолев речку по прочному каменному мосту, выглядевшему не таким ажурным, как мост в катакомбах, пленники ступили в ту часть долины, где начинались обширные посевы. Они расползались по полям и даже поднимались террасами по холмам.

Сразу за мостом их ждал перекресток. От главной дороги в сторону, теряясь в зарослях маиса, отходило несколько мелких, проселочных дорог, не выложенных обработанными плитами из камня. Впрочем, финикийцы и отряд охранения по-прежнему передвигались по каменной дороге.

— Похоже, нас по основной магистрали ведут, — заметил на это Ларин, нервно хохотнув, — значит, в главный город. Видать, важные мы с тобой пленники, командир. Особенно ты, гроза ягуаров.

Услышав эту шутку, Чайка невольно вздрогнул. Быть грозой ягуаров в местах, где этих ягуаров почитают за неприкасаемое божество, ему совсем не хотелось. Он вспомнил, как разозлился военачальник сапотеков, увидев на нем пятнистую шкуру, и представил, что с ним сделают старейшины, когда узнают об этом. Наверняка их казнь будет более изощренной, чем простой удар каменного меча, отрубаящий голову. В этом Федор был почему-то уверен.

Пройдя еще с километр, они приблизились к посевам маиса и той самой деревушке, на которую указывал Леха еще на привале. Она расползлась по плоскому, лишенному растительности холму, который огибала дорога, и была довольно большой. Состояла эта деревня не столько из отдельных хижин, сколько из вытянутых строений, похожих на ветхие бараки. Никакой военной ценности она явно не представляла. Убогое жилище бесправной бедноты.

— Вот это уже похоже на крестьянский быт, — сплюнул на камни Чайка, скрипнув дорожной пылью на зубах, — а то я действительно стал верить, что даже маис здесь выращивают воины.

— Нет, командир, — поддержал разговор Леха, осторожно, чтобы не проткнуть себе барабанную перепонку сучком, кивнув в сторону деревни, — пахут здесь крестьяне, как и у нас. А здешним воинам пахать некогда, они нас стерегут.

Федор спорить не стал, а посмотрел внимательнее в сторону деревни, пока они проходили мимо. Там он увидел лишь несколько длинноволосых женщин, у которых голова была повязана платком наподобие тюрбана, а шею и тело закрывал кусок светлой материи. Трое из них несли кувшины с водой от ближайшего колодца в глубь деревни, ничуть не интересуясь процессией пленников под большой охраной, проходивших сквозь их деревню. Лишь одна столетняя сморщенная старуха сидела у своей хижины на убогом топчане и смотрела вслед финикийцам немигающим взглядом. Солнце светило ей прямо в лицо, но она даже не делала попытки прикрыть глаза. Федор решил, что она, вероятно, слепая и просто их не видит.

Все остальные жители деревни наверняка с самого рассвета разошлись по соседним полям, коих вокруг было великое множество. Справа и слева Чайка заметил множество фигур в набедренных повязках и платках на голове, которые мелькали в зарослях посевов, сверкая своими серпами. За ними следом тянулись просеки срезанных стеблей. Повсюду

виднелись большие корзины, полные желтых початков. Однако никаких механизмов или лошадей, помогавших им в нелегком труде сбора урожая, Чайка не заметил. Время от времени кто-то из крестьян останавливался и разворачивался в сторону пленников, отчетливо видневшихся на дороге, провожая их взглядом.

— Смотрите, смотрите, — процедил сквозь зубы Федор, внезапно озлобившись, — для вас это наверняка привычное зрелище.

— Что ты там бормочешь, командир? — чуть обернулся Леха.

— Говорю, что по этой дороге регулярно гоняют караваны пленных или рабов, — нехотя пояснил Федор, — и местные уже привыкли к такой картине.

— Это верно, — согласился Леха, продолжая свой путь, — для них мы часть пейзажа. Впрочем, как и они для нас.

Дорога начала петлять между посевами, крестьяне-уборщики пропали из вида, и следующие пару часов пленники провели в зарослях маиса. Стебли местной кукурузы были такими длинными, почти вдвое превышавшими рост Федор и Лехи, а также любого из финикийцев, несмотря на то, что по сравнению с большинством местных индейцев они казались довольно высокими людьми. Заросли маиса занимали обширные территории, от холмов до реки, и там было легко затеряться даже десяткам таких людей, как посланцы далекого Карфагена, плененные местными жителями.

— Эх, — мечтательно произнес Ларин, разглядывая этот кукурузный лес, — нам бы сейчас отвязаться от этого бревна да получить по острой фалькате в руки. Мы бы в два счета разделались с конвоирами, а потом ищи нас в этих зарослях хоть неделю. Не сыщешь. Да, командир?

— Есть где спрятаться, — согласился Федор, оглядывая высокие сочно-зеленые заросли, — да только ты забыл про местных крестьян. Они наверняка видят не хуже нас, а уж ориентируются даже в этих зарослях всяко лучше. Думаешь, они станут нам помогать? Сдадут при первой же возможности.

— Да уж, — не стал спорить Ларин, — сдадут, сволочи. Особенно, если этим беднякам награду за наши головы пообещать.

— И награды не надо, — урезонил его Федор, — станут местные старейшины золото разбазаривать. Достаточно здесь появиться воинам и просто пригрозить им выпустить кишки. Быстро покажут, где прячутся бледнолицые беглецы. Хотя...

Федор вновь окинул исподлобья взглядом заросли, казавшиеся бесконечными.

— Побегать здесь, конечно, есть где. Особенно если знать, в какую сторону двигаться.

Спустя еще час заросли маиса закончились и начались поля, засеянные какими-то злаками. Золотые колосья шевелились на холмах под дуновением слабого ветерка, почти не спасавшим от зноя измученных путников. Скоро должен был случиться новый привал. Это произошло у подножия очередного холма, поросшего лишь чахлым кустарником, в тени которого невозможно было найти прохладу. В поисках спасительной тени Чайка поднял голову и неожиданно увидел стоящий на вершине храм из коричневого камня. Храм стоял на пирамидальном основании. Он так органично вписался в холм и окрестный пейзаж, что уставший Федор поначалу принял его за вершину этого самого холма. И лишь потом разглядел колонны и портик над входом, украшенные какими-то барельефами.

— А это что такое, — пробормотал он, тяжело усаживаясь на теплую траву рядом со своими спутниками, — храм местного бога плодородия?

Но никто ему не ответил. Даже Леха, которому в этот момент заливали в рот воду из бурдюка. Впитав свою часть влаги, Чайка продолжил осмотр храма. Ему показалось странным, что мощеная дорога не вела к этому довольно крупному культовому сооружению, а проходила мимо, огибая холм. Сам же храм, возвышаясь над посевами, казался абсолютно безжизненным. Во всяком случае, у его входа, ведущего в никуда, не маячила охрана с копьями и красными щитами. Ее наметанный глаз Федора срисовал бы издалека.

«Наверное, действующий вход в него находится с другой стороны, — размышлял заинтригованный Федор, разглядывая пирамидальный храм, словно вросший своим

основанием в землю и отдаленно напоминавший формами знакомые ему пирамиды Египта, — и скрыт от глаз людей, проходящих по этой дороге. А может быть, это вообще какой-нибудь местный монастырь, где живут лишь отшельники, и вход туда вообще закрыт. Чего только на Земле не бывает».

Однако, когда их подняли и погнали по дороге дальше, Федор так и не получил ответа на свой немой вопрос. Скорее у него возникли новые, когда мощеная дорога поднялась наверх и прошла чуть в стороне от сооружения, ставшего видным гораздо лучше. Проходя мимо, Чайка смог разглядеть, что храм действительно стоит в стороне от дорог и к нему ведут лишь едва различимые тропы. Растительность около храма была буйной, скрывая подступы с тыльной стороны, и Чайка не смог проверить свое предположение относительно другого входа. Однако кое-что было для глаз открыто: ряд каменных столбов колоссальной высоты, выполненных в форме людских тел. Когда неизвестный храм стал скрываться из вида, Федор успел насчитать не меньше десятка таких изваяний. Людей, монахов или других прислужников вокруг не было видно. В общем, место выглядело действительно странновато. Так, словно там обитали последователи какого-то тайного культа для посвященных, похоронивших себя в этих стенах заживо и не выходивших наружу.

Впрочем, вскоре Федор позабыл об этом храме. Во-первых, потому что появились новые объекты, стоящие внимания, а во-вторых, беспощадное солнце уже начало свой спуск с небосвода и день стал клониться к вечеру, а Чайка, Леха, Цорбал, Пирг и остальные едва не падали от усталости.

На следующем холме Чайка увидел еще одну башню, очень пожую на ту, что повстречалась им в самом начале долины. Только полноценной деревни вокруг нее не было, лишь несколько домов, явно предназначенных для размещения небольшого караульного отряда. Он там и был. Человек десять сапотеков с копьями, мечами и щитами, расположившись у башни, молча встретили процессию с пленниками. Невысокий сапOTEK с бронзовой кожей, украшением из перьев на голове и боевым топором на поясе, обернутом куском материи, стоял впереди всех. Чайка решил, что это наверняка командир караула, слишком уж независимо тот держался по сравнению с остальными. Еще трое наблюдали за ними с самого верха, откуда хорошо просматривалась дорога в обе стороны.

Командир конвоя, остановившись ненадолго, перекинулся парой слов с командиром караульного отряда. Видимо, тот сообщил ему что-то важное, поскольку сапOTEK из конвоя быстро вернулся к пленникам и прокричал солдатам звучную команду. Несколько тычков копий дали понять финикийцам, что теперь они должны двигаться еще быстрее.

— Не понукай, не запряг! — огрызнулся Ларин на сапOTEка, осмелившегося кольнуть его копьем в бедро.

Это было сказано так грозно, что Федор с напряжением ожидал дальнейших действий от Лехи, но сапOTEK благоразумно отпрянул. А Ларин нехотя побрел дальше, чуть-чуть ускорив движения своего усталого тела, как и остальные финикийцы.

«Что за спешка возникла, — размышлял Чайка сам с собою, переставляя отекавшие ноги, — неужели нас потеряли и ждут с таким нетерпением, что предупредили все сторожевые отряды». Однако ответа на этот вопрос не было, и Федор перестал ломать голову.

Примерно через полчаса им навстречу попался отряд вооруженных сапотеков, не меньше двух сотен воинов с копьями и мечами, без остановки прошагавший в сторону окраины владений. Для набега на соседей сил было маловато, и Чайка решил, что это просто смена караула, несшего службу в каменных подземельях. А может, и тех сторожевых башен, что они видели на своем пути.

Вскоре пленные финикийцы прошли новую деревню, разбросанную по берегам реки, неожиданно заблестевшей веселой змейкой, когда они стали спускаться с холма. Сразу бросалось в глаза небольшое оживление, царившее в этом населенном пункте сапотеков. Бараков и отдельных хижин здесь было почти вдвое больше, чем в первой деревне, увиденной сегодня финикийцами. Кроме того, здесь располагалась небольшая пристань, у

которой были привязаны три длинные и довольно широких лодки. От них к берегу и обратно сновали крестьяне в белых набедренных повязках, таскавшие какие-то тяжелые мешки и тюки под присмотром пары воинов с красными щитами. На окрестных холмах полным ходом шел сбор урожая. Белые набедренные повязки и красные от солнца спины батраков виднелись повсюду. Жара спала, а работать можно было хоть до самой темноты.

Конвой миновал деревню по мосту, который и на этот раз оказался каменным. Похоже, местные зодчие камня на главную дорогу не жалели. С тех пор как они попали в эту долину, деревянных мостов Федор еще не видел.

Когда деревня осталась позади, финикийцы миновали перекресток, где дорога, оставаясь мощенной, разделилась на две. Та, что вела влево, уходила в сторону гор. Конвоиры повели их вправо, по дороге, взбравшейся на очередную возвышенность, где виднелась еще одна сторожевая башня и какое-то обширное поселение с каменными домами. За ним рос довольно густой лес.

— Может, это он? — с надеждой уточнил у всех сразу Леха.

— Кто? — не сразу понял его Федор, споткнувшийся о выщербленный камень и едва не упавший.

— Тот город, в который нас ведут, — предположил Леха, стараясь удержать покачнувшееся бревно, — ну тот, где нас ждут старейшины?

— Может быть, — подумав, протянул Федор, стараясь разглядеть из-за плеча друга очередное поселение, когда они чуть приблизились, — только, думается мне, маловат он для главного города.

На этот раз Чайка оказался прав. Они вошли в городок, полный военных и «гражданских», лишь ненадолго, остановившись на небольшой привал у длинного барака, а затем двинулись дальше в глубину долины.

— Вечереет, — пробормотал Леха, поглядывая на приземистые каменные дома и крестьян-сапотеков, бродивших по улице с разным скарбом на плечах, — могли бы нас и здесь оставить на ночлег. Наверняка найдется какой-нибудь свободный хлев для таких важных пленников, как мы. А, командир?

— Может, и могли бы, — согласился Федор, пытаясь вытрясти камешек, застрявший в левой сандали и царапавший стопу, — да только у них, видно, приказ, поспешить с нашей доставкой в центр. Видишь, как всполошились после той башни.

— Если они будут так нас гнать, то загонят, сволочи, — сплюнул Ларин, нервно дернув плечом.

За неизвестным городом, центр которого был окружен невысокой, но каменной стеной с четырьмя башнями по краям, начинался большой лес, похожий на джунгли. Дорога углубилась в него и долго петляла среди деревьев, под пологом которых рос буйный подлесок из кустарников и высокой травы. Федор решил, что они уже вошли в другую долину, где больше рек и, значит, воды, которая дает возможность существовать местным джунглям. За последние полдня они не видели голых скал или полей. Долина в этой широкой части выглядела вполне плодородной.

На первый взгляд здешний лес казался неприветливым и труднопроходимым. Быстро продвигаться сквозь него было возможно только по этой, специально проложенной дороге. Здесь было много назойливой мошкары, которая начала надоедать пленникам, едва они оказались под пологом леса.

— Чует мое сердце, что сегодня придется ночевать в этом проклятом лесу, — поделился сомнениями Леха. — Мокро как-то здесь, комаров много. Да и змей наверняка полно.

— Гнилое местечко, — кивнул Федор, соглашаясь, — но ты погоди бояться. Может, соорудят нам какой-никакой ночлег. Посмотрим.

Мощная дорога, казавшаяся в этом буйном лесу чем-то нереальным, перед самым заходом солнца внезапно вынырнула из леса на большой холм, и Федор едва ли не с удовольствием увидел торчавшую на нем сторожевую башню. Вокруг башни, в которой

призывно горел огонь, было разбросано штук пять каменных домов и барakov. В один из них конвоиры и определили на ночлег изможденных пленников. Проглотив пайку вяленого мяса и глоток теплой воды из бурдюка, карфагеняне забылись тяжелым сном на мягкой соломе, которой здесь было много. Ни козы, ни какие-то фыркающие животные, спавшие по соседству за загородкой, не могли им помешать. В этот день они прошли гораздо больше, чем обычно, и сил у них почти не осталось.

Глава одиннадцатая МОНТЕ-АЛЬБАН

К своему удивлению, на следующее утро Федор открыл глаза сам, а не очнулся от пинка в бок, и по наклону лучей света, прорывавшихся в этот хлев сквозь узкое щелевидное оконце под крышей, сообразил, что им дали выспаться дольше обычного. То ли конвоиры почувствовали, что пленники идут из последних сил, ощутив вчерашние проклятия Лехи Ларина, то ли приказ у них такой был. Но спали финикийцы долго и проснулись сами. Конвоиры не спешили входить в хлев и объявлять подъем. Это показалось Федору хорошим знаком.

— Ну, брат, — воспользовавшись свободной минуткой, заявил Федор недавно проснувшемуся Лехе, пытаясь потянуться, насколько это было возможно в его положении, — теперь я тебе скажу, что у меня появилось предчувствие.

— И что тебе вещает твоя интуиция? — поинтересовался Леха, усмехнувшись.

— Что сегодня мы увидим тот самый город, где решится наша судьба. Примерно через тысячу лет или около того, его будут называть Монте-Альбан.

— А сейчас его как называют? — с неожиданным интересом попытался повернуть голову Леха, но уколол голову сучком, вскрикнул и выругался по-русски.

— Не знаю, — честно признался Федор, поглядев в сторону скрипнувшей двери, за которой появились наконец охранники, — но наверняка по-другому.

— Как бы его там ни называли, — пробормотал Леха, когда сапотеки ему недвусмысленно намекнули, что пора подниматься с соломы, — лишь бы мы побыстрее туда добрались. Так что, надеюсь, ты прав.

Ближе к полудню лес начал редеть. Дорога, петляя, шла все время вверх. Густо поросшая лесом низина скоро осталась позади, впереди снова замаячили холмы. А вскоре и горы, на склонах которых кое-где лежал белый снег.

— Да когда же закончится эта чертова дорога, — сплюнул в сердцах Ларин, толкая бревно вперед, — еще немного и, прости меня, командир, я взбунтуюсь. А там будь, что будет.

— Ладно, — согласился Федор, — если к вечеру не придем, я готов возглавить восстание.

— Вот это дело, — воодушевился Леха, мгновенно позабыв, что у него за спиной уже пара долин, с полями, лесами, реками и множеством населенных пунктов, стоявших на пути к единственному известному им пока выходу с территории страны сапотеков, окруженной горами. Но такие мелочи не волновали бравого скифского адмирала и предводителя конницы, когда речь заходила о хорошей драке. Слишком уж долго он терпел измывательства своих поработителей, повинаясь приказу Федора, которого держал за более умного человека, чем он сам. Федор же был уверен, что сегодняшний день последний в их долгом изнурительном путешествии к Монте-Альбану, как он по привычке называл столицу сапотеков. И потому дал Лехе надежду, чтобы прожить еще один день.

Когда солнце миновало зенит, пленники, окруженные сапотекскими воинами, взойшли на перевал, отделявший обширную и плодородную долину, что осталась у них за плечами от новой. В ней, по расчетам Федора, должны были находиться более крупные населенные пункты, чем те, которые финикийцы уже видели.

На подходе к перевалу вскоре обнаружилось еще одно военное поселение, состоявшее

примерно из двух десятков приземистых каменных домов, окруженных невысокой крепостной стеной, и сторожевой башни, находившейся посередине. Массивные деревянные ворота из крепких бревен, скрепленных металлическими скобами, были открыты. Возле них и сразу за ними находилось большое количество вооруженных сапотеков, среди которых Чайка заметил несколько военачальников в плоских золотых шлемах, блестящих на солнце. Обменявшись приветственными жестами с начальником конвоя, они проводили напряженными взглядами группу пленников, жестом приказав своим солдатам расступиться.

— Да их тут сотни три, не меньше, — с удивлением отметил Ларин, когда они брели сквозь эту каменную деревню, — не слабый блокпост. Стена есть, а за ней с таким гарнизоном и повоевать можно. Только метательных орудий я что-то не наблюдаю...

— Вот именно, — поддержал его Федор, поглядывая по сторонам и подмечая мелочи, — мне тоже эта деревенька показалась слишком хорошо укрепленной. Вчера в городке, что в долине остался, солдат было почти столько же. А зачем ее так укреплять, если она не стоит перед входом в главную долину?

Миновав укрепления, они вышли на предперевальный взлет и обнаружили здесь настоящее столпотворение. Сотни полуголых крестьян, выстроившись в одну колонну, с тюками, мешками и корзинами, проходили через узкую щель в строю вооруженных копьями сапотеков. Проводившие досмотр воины, не слишком церемонясь, протыкали мешки своим оружием, отчего крестьянский скарб часто высыпался прямо на дорогу сквозь дыры. Люди падали на камни и ползали там, собирая все, что рассыпалось. А стражники щедро раздавали им пинки, пытаясь ускорить процесс.

Ещё один военачальник в блестящем шлеме на голове и каменным мечом на поясе взирал на все это столпотворение с грозным видом. В его взгляде сквозило презрение к этим жалким людям, вынужденным пресмыкаться перед силой оружия.

— Да тут в самом деле КПП, — недобро усмехнулся Леха, — настоящий досмотр с пристрастием. Интересно, у нас документы не попросят? А то, боюсь, они у меня не в полном порядке.

— Не попросят, — успокоил его Федор, натужно улыбнувшись, — мы по дипломатическим каналам идем. Как особо ценный груз.

— Ну, если им что не понравится, — ледяным тоном произнес Леха, поглядывая на начальника сапотекских «таможенников», хищное остроносое лицо которого в этот момент повернулось в их сторону, — я тебя предупредил.

Настроение Ларина не сулило ничего хорошего. Но, к счастью, на перевале все обошлось без особых проблем. Пленники приблизились к заградительной линии из сапотеков. Военачальники конвоя и «таможни» обменялись информацией, раздался гортанный крик, и справа от колонны крестьян образовалась еще одна небольшая брешь в рядах солдат. Туда и направилась колонна с пленными финикийцами.

— Я же говорил, — опять криво усмехнулся Федор, — зеленый коридор.

Поднявшись еще немного, пленники, вслед за первым отрядом конвоя, оказались на седловине перевала. Отсюда дорога почти ныряла вниз, но карфагеняне замедлили и без того не самый быстрый шаг. С этой точки открывался вид на обширную долину, окруженную, как и все предыдущие, горами и поросшую лесом. Но не это поразило пленников. В самом центре долины стоял колоссальный город. Он был чем-то похож на «золотой город» ольмеков, с которым финикийцам поневоле пришлось познакомиться. Прежде всего, своей четкой планировкой, словно местный архитектор больше всего любил прямые линии и расчертил его на квадраты, застроив монументальными зданиями. Но бросались в глаза и отличия. Этот город стоял на холме, очень похожем на рукотворный. Словно он не просто возник на заранее выбранном месте, а был воздвигнут на обширном слое земли и камней, насыпанным в основание перед строительством. Город имел четкие формы и словно вырастал из земли, возвышаясь над окружающим его лесом. Этаким гигантский прямоугольник, обнесенный крепостной стеной по всему периметру.

Насколько успел заметить Федор, пока охранники тычками копий не заставили их

ускорить шаг, в него был всего один вход и, соответственно, один выход, обозначенный двумя мощными квадратными башнями. Именно там находились главные городские ворота, от которых был перекинут массивный подъемный мост на «большую землю». Он показался Чайке таким широким, что по нему одновременно могла пройти шеренга из пятидесяти воинов. Это чудо инженерной мысли висело на двух канатах, тянувшихся к вершинам башен, и соединяло город с началом «каменной дороги». Дорога брала свое начало на холме, тоже явно насыпном, который был так скошен с одной стороны, что напомнил Федору наклонную мачту для старта космических ракет, застывшую на середине пути вверх.

К своему удивлению, Чайка увидел, что в этой долине мощеная дорога была далеко не одна. Не то четыре, не то пять ровных «трасс» вели с разных концов долины, рассекая лес на части, прямиком к «запретному городу», как окрестил его Федор, впечатленный местной архитектурой. Однако, приблизившись к рукотворному плато, все дороги сходились в одном месте, у подножия холма главных ворот и сливались в одну-единственную, ведущую в город.

— Все дороги ведут в Монте-Альбан, — проговорил вслух Федор, шагая за своим другом. — Их много, и это даже хорошо. Значит, из долины существуют и другие выходы.

— О чем ты, командир? — тяжело дыша, переспросил Леха.

— Да так, — отмахнулся тот. — Трудновато будет выбраться, говорю. Дверей мало. Всего одна, хотя и большая.

— Да нам двери ни к чему, — неожиданно успокоил его Леха, — нам бы руки развязать да ножичек раздобыть. А там... как-нибудь справимся.

— Ну да, — согласился с другом Федор, поглядывая на столпотворение у подножия холма, где словно муравьи, сновали сотни людей, направлявшихся в город и выходивших оттуда, — нам бы руки развязать...

Здесь не было озера, примыкавшего к «золотому городу» ольмеков, зато была река, огибавшая почти всю территорию главного города сапотеков. И по ней плыли лодки. Снаружи Федор не смог разглядеть никакой пристани и подумал, что наверняка есть еще «морские ворота», через которые эти лодки попадают за стену. Во всяком случае, они могли быть, а если так, то и выходов из города сразу становилось больше, чем один-единственный. Их насчитывалось уже как минимум два.

Пока дорога спускалась вниз с перевала, на который из города почти нескончаемым потоком поднимались крестьяне и военные, Федор успел немного рассмотреть и внутренние постройки. Пять или шесть огромных пирамид, сверкая золочеными гранями, формировали центр города, который была разрезан на четыре равные части огромными улицами. По этим «трактам» одновременно могли перемещаться тысячи людей. Кроме ритуального центра, в столице сапотеков было выстроено множество зданий непонятного для Федора назначения и формы. От полукруглых и открытых с одной стороны, напоминавших греческие амфитеатры, до прямоугольных коробок без окон и дверей. Повсюду также виднелись высокие колонны с какими-то барельефами. Лучше отсюда было не рассмотреть.

— И сколько же здесь живет народу? — при виде колоссальных размеров Монте-Альбана любопытство разобрало даже Ларина. — Может, и миллион наберется?

— Да уж немало, — согласился Федор, — скученность должна быть жуткая. Если нет водопровода и бань, то тут просто рассадник болезней.

Он немного подумал и вспомнил про реку, серебристой змеей появлявшуюся из бесконечных лесов, огибавшую город и снова исчезающую в лесах.

— Хотя вода есть, — вновь заговорил он, — значит, и водопровод с банями должен быть. Впрочем, кто его знает. Даже у нас на материке пока только в Карфагене, да еще кое-где до этого додумались. Остальные как-то без водопровода обходятся. И бани тоже не жалуют.

— Зря ты об этом заговорил, — огрызнулся Ларин.

— А что? — не понял его Федор, шагая за другом.

— Да я уже не помню, когда мылся. Воняет как от козла, наверное...

Федор втянул носом резкий запах пота, исходящий от взмокшей спины скифского

адмирала, и тактично промолчал. Сам он сейчас пах не лучше. Чтобы отвлечься от этих мыслей, Чайка осторожно поднял голову и посмотрел поверх шагнувших впереди сапотеков с копьями в сторону горизонта, который здесь был обширным, — от одного края гор до другого. Долина была немаленькая. И вдруг ему показалось, что там, впереди, что-то блеснуло. Потом еще раз. И еще. Сначала с одной стороны, потом с другой. Чайка зажмурил глаза и даже тряхнул головой, чтобы наваждение исчезло. При этом он ударился затылком о сучок и даже вскрикнул от боли. Наваждение прошло. Но спустя мгновение блеск вновь появился очень узкой полоской по всей линии горизонта. «Что это там блестит? — осторожно подумал Федор и ответил сам себе: — Наверное, река». Но он сам, будучи адмиралом, отлично понимал, что никакая река, даже самая широкая, никогда не заполонит собой весь горизонт. Снег на вершинах гор тоже блестел иначе. И тут до командира карфагенян дошло. Этот был океан.

— Ну ни хрена себе! — воскликнул Федор по-русски, сделав неожиданное открытие. — Так мы уже поперек всю Мексику прошли, можно сказать. В самом узком месте, правда, но прошли. Вот это да!

— Ты о чем, командир? — настороженно поинтересовался его друг. — Голову напекло?

По тону Чайка понял, что Леха принял его возгласы за бред сумасшедшего, организм которого давно страдает от недостатка воды. Пили они дорогой, конечно, мало. И эта мысль заставила Федора ненадолго замолчать. «А вдруг и, правда, галлюцинации?» — подумал он, осторожно закрывая и открывая глаза на ходу, чтобы проверить свои наблюдения, от чего споткнулся и едва не свалил весь «обоз». Но, выровняв движение, Чайка вновь заметил полоску воды, блестящую вдоль всего горизонта. Это было далеко, километров сто, не меньше. Особенно если учесть, что рельеф долины медленно, но верно, понижался от этого края к другому. Город Монте-Альбан стоял на самой высокой, хотя и явно рукотворной, точке.

— Мы, брат Леха, почти до океана дошли, — выпалил Федор, не выдержав.

— Какого океана? — все так же настороженно уточнил Ларин, даже замедляя шаг. — Перегрелся ты, друг Федя. Океан у нас за спиной остался. Я бы и сам рад на его берегу оказаться сейчас, да только далековато это отсюда.

— До того океана, по которому мы приплыли, да, — обескуражил его повеселевший Федор, — а это уже другой. Тихий океан. Если его так назовут, конечно. Так что мы с тобой прошагали весь перешеек от края до края. Ну почти. Осталось километров сто, не больше.

Леха молчал, видимо решив, что его друг окончательно спятил от измывательств сапотеков, немного не дотянув до города.

— Да ты на горизонт посмотри, пока ниже не спустились, — предложил ему Федор, — только внимательнее смотри. Если ничего не увидишь, считай, что я умом тронулся.

На этот раз Ларин молчал долго, делая осторожные шаги и напряженно вглядываясь вдаль. И вдруг хрипло заорал, остановившись как вкопанный.

— Океан!

Не ожидавшие такой остановки финикийцы продолжали движение. Уставшие ноги Ларина подкосились и вскоре уже все валялись в дорожной пыли, а вокруг прыгали сапотеки, размахивая своими красными щитами.

— Вот так вот, брат! — отчего-то радостно повторял Федор, спустя пару минут поднявшись и отплевываясь от пыли. — Вот так вот!

— Океан, — продолжал бормотать Ларин, вновь зашагав вперед и вниз, — океан!

Потрясенные открытием, они даже не обратили внимания на несколько увесистых пинков конвойных. Остальные финикийцы, услышав вопли Ларина, тоже стали вглядываться вдаль и вскоре позади себя Чайка услышал, как перешептывались Цорбал и Пирг, повторяя на все лады как молитву одно-единственное слово: «Океан». Посланцы далекого Карфагена повторяли это слово с такой надеждой, словно океан уже сам по себе означал спасение из плена, а не просто бескрайние просторы воды, которые еще нужно как-то преодолеть.

— Океан, — вновь вспомнил ненадолго затихший Ларин, — вот бы туда добраться. А, командир?

— Хорошо бы, — не стал спорить Федор, и сам еще не вполне переваривший новость. И добавил, чтобы немного отрезвить друга. — Только нашего корабля там нет.

Ларин не ответил, лишь мотнул головой, давая понять, что отсутствие корабля это такая мелочь по сравнению с чувством, которое возникает, когда стоишь на берегу перед бескрайним океаном. Стоишь свободным. Поймав себя на этой мысли, Федор нервно подергал связанными над бревном руками, ощутив впившееся в запястья веревки. Это быстро вернуло его в реальность. Океан океаном, но до него или до любой другой точки еще предстояло добраться. А прежде нужно было вновь обрести свободу. Высокие стены города сапотеков навевали совершенно другие ассоциации. Свободных здесь было немного, так, во всяком случае, показалось пленному командиру карфагенян. Обилие пирамид скорее наводило на мысли о массовых жертвоприношениях, наверняка практиковавшихся здесь, как и у ольмеков, от которых они сбежали.

«Поменяли шило на мыло, — отругал себя Федор за то, что сдался в плен, а не погиб в бою, — может, и прав был Ларин, надо было убить того сапотека с орлиным носом и дело с концом. Погибли бы как герои. А теперь неизвестно еще чем это все закончится».

Хотя в глубине души Чайка не терял надежды сбежать отсюда. Более того, увидев этот «запретный город», дикое желание обрести свободу вновь овладело им. Он распрямил согнутые под тяжестью бревна плечи и бесстрашно посмотрел на близкий уже город.

Однако Федор признался себе еще и в том, что кроме жажды свободы его терзало сейчас какое-то странное самоубийственное любопытство, — Чайке очень хотелось узнать, зачем же их притащили в такую даль и какую судьбу уготовили для них местные вожди. Кроме того, он не мог отделать от мысли, что был первым европейцем, точнее финикийцем, который оказался на этом далеком континенте. И к тому же еще военачальником армии, а потому должен был разведать все, что могло пригодиться при новом вторжении в эти богатые земли. Несмотря на свое положение измученного пленника, Федор почему-то не сомневался в том, что ему суждено вернуться сюда еще раз с огромным флотом, а не погибнуть на алтаре сапотекских жрецов.

— От ольмеков ушел, и от сапотеков уйду, — пообещал себе Чайка.

Спустя еще час они были у подножия холма, на котором сходились все дороги долины. Сотни людей покидали город, и столько же направлялось в него. Хотя народу было много, от наметанного взгляда Чайки не ускользнуло, как организованно передвигались людские массы. Похоже, виной всему были отряды воинов-копейщиков под началом нескольких военачальников, находившихся в самой середине холма и внимательно следивших за порядком. Два потока — туда и оттуда, — никак не соприкасаясь, почти идеально ровными реками текли в противоположных направлениях.

«В Риме на таком месте лежал бы специальный камень с цифрой, означавший начало всех дорог», — вспомнил вдруг Федор и даже поискал глазами подходящий камень, но не увидел ничего кроме сотен тел, обступивших со всех сторон их колонну.

Колоссальный мост, по которому они вступали в город сапотеков, оказался, естественно, не каменным, а собранным из мощных деревянных балок, обработанных каким-то специальным составом. Вряд ли сапотеки при всей своей любви к камню могли себе позволить поднимать и опускать каменный мост. Для этого нужны были сверхмощные механизмы, да и незачем было так напрягаться. Даже этот, деревянный, казался исполинским сооружением для своего времени и был достоин восхищения. Он был столь широким, и на нем одновременно находилось такое количество народа, что Федор, ступив на него, едва смог рассмотреть, что находится на мосту. Даже не увидел реку за частоколом тел полуголых сапотеков, бросавших на него равнодушные взгляды.

Вскоре исполинские башни остались позади, и отряд финикийцев под конвоем вступил в стены города. Вдоль широкой улицы, не уступавшей размерами мосту и явно предназначенной для прохода войск, потянулись каменные дома из красноватого камня с

плоскими крышами и узкими окнами, больше похожими на бойницы. Высотой они не отличались, этажа три, не больше, зато были длинными, имели мало входов и очень походили на казармы.

— Как ты думаешь, командир, — вновь «проснулся» Ларин, озираясь по сторонам, — нас сразу отведут к пирамидам на забаву жрецам или еще помучают на допросах?

— Думаю, что еще помучают, — рискнул предположить Федор, тоже смотревший во все глаза на окружившие их постройки, пока мало походившие на трущобы, в которых на первый взгляд должны были проживать тысячи местных жителей.

— А иначе, Леха, — закончил Федор свою мысль, переводя взгляд на вершину ближайшей пирамиды, чьи грани отливали золотом, — зачем они нас тащили в такую даль, да еще мясо вяленое тратили. Думаю, перед смертью нас еще хорошенько допросят. И, возможно, с пристрастием.

Пирамиды, если не целиком, то хотя бы их вершины, были видны отовсюду в этом городе, поскольку составляли его центр. Даже с улицы, застроенной «высотками», можно был увидеть часть хотя бы одной или сразу нескольких пирамид. Пока что на них никого не было. «Значит, — невольно подумал Федор, вспомнив наплыв народа к ритуальным сооружениям в городе ольмеков, — больших праздников с кровопусканием сегодня не ожидается. Не исключено, что до заката еще доживем».

— Ты меня прости, командир, — заявил Ларин, переставляя ноги по каменным плитам улицы, которая была замощена даже лучше, чем дорога, по которой они сюда пришли, — но я пытки терпеть не буду. Попробую вырваться, а не смогу, так пусть сразу убивают. Не доставлю я этой сволочи такого удовольствия, чтобы они наблюдали, как мучается Леха Ларин.

— Делай, как знаешь, — просто ответил Федор, и сам не подозревавший пока, что для них приготовили.

Обескураженный Леха умолк, продолжая машинально следовать за конвойными, которые своими щитами и копьями расчищали путь сквозь толпу празднующегося народа. Вообще Федор был удивлен обилию людей, не пристроенных к какому-нибудь делу. Насмотревшись на подневольных крестьян в долине, он уже решил, что в этой стране свободных людей почти нет, и все население, кроме военных и конвойных, проводит время на каких-нибудь повинностях. Здесь же в городе с неизвестным названием, который Федор по привычке именовал Монте-Альбан, не считая военных, на улицах виднелось множество народа не только в набедренных повязках и каких-то тюрбанах на голове, защищавших от солнца. Попадалось немало с виду свободных граждан, как мужчин, так и женщин. В простых белых рубахах-туниках, а также расшитых витиеватым узором коротких и даже длинных одеждах, иногда похожих на привычный глазу Чайки гиматий, только снабженный по нижнему краю разноцветной бахромой. Головы прохожих часто украшали странные головные уборы из перьев или такие замысловатые прически из многочисленных косичек, висевших или торчавших в разные стороны, что Чайка только диву давался, сколько времени сапотеки тратили на украшение своей головы. Лица, раскрашенные или покрытые татуировками, тоже встречались часто. И это не говоря о серьгах или кольцах, украшавших не только уши, но и носы местных жителей.

— Однако, — подумал вслух Федор, провожая взглядом очередного сапотека с бронзовой от загара кожей, обвешанного с ног до головы бахромой и кольцами, — брадобреи здесь, наверное, процветают.

Но тут же услужливая память вдруг напомнила ему, что у местных индейцев по какой-то причуде природы нет бороды. Он присмотрелся к прохожим, насколько смог, и действительно не увидел ни одного бородатого человека. Сапотеки либо слишком часто брились, либо в самом деле не имели бород. Федор умолк, пораженный очередным открытием.

— Ты прав, командир, — поддержал разговор Ларин, от которого также не ускользнуло обилие косичек и колец у аборигенов, — они здесь не только воюют, но и успевают

регулярно тату-салоны посещать. Педерасты, наверное, все поголовно.

От такого неожиданного вывода Федор даже споткнулся, едва не упав. Но развивать эту тему не стал. Женщины, в том числе и свободные с виду, в толпе также попадались. И хотя Федор еще не разобрался в тонкостях местного социального устройства, у него оставалась надежда, что далеко не все сапотеки впали в грех мужеложства.

Тем временем конвоиры провели пленников через квадратную площадь, уставленную длинными деревянными лотками, образовавшими целые улицы. Между лотками толпился разношерстный народ, рассматривая всякую утварь, выставленную на продажу. Здесь было много посуды: горшки, кувшины, вазы. Федор заметил там много черных горшков, украшенных витиеватым орнаментом. А вот оружия Чайка здесь не увидел, хотя, может быть, просто не разглядел. Он ведь познавал город под углом, рассматривая в основном сбоку и снизу, в силу своего положения. Да и народа здесь было очень много. Охране пленников с трудом удавалось наводить порядок и пробивать себе дорогу, хотя Федор и заметил бросавшееся в глаза раболепие гражданских перед военными.

— Эх, был бы я со свободными руками, — донеслось до Федора бормотание шедшего впереди друга.

Он и сам подметил, что местный базар был отличным местом, чтобы уйти от погони. Много боковых улочек. И народу много, легко раствориться. Если, конечно, имеешь соответствующий облик. А по части колец, длинных косичек и татуировок финикийцы заметно проигрывали сапотекам. Так что идею побега он пока не поддержал, отложив ее до лучших времен.

В оставшейся части рынка было много корзин с маисом и другими овощами. Здесь шла бойкая торговля продовольствием, но чем за него расплачивались местные жители — монетами или чем-то другим, Чайка заметить не успел. Их быстро провели сквозь торжище, и вскоре финикийцы вновь оказались на улице. Не такой широкой, как прежняя, и застроенной уже одноэтажными домами, каждый из которых имел уже собственный внутренний дворик.

— А вот и личные хозяйства, — отметил Федор, старавшийся все запечатлеть в своей памяти.

— Кажется, ещё не казнить ведут, — поделился наблюдениями Леха, — пирамиды уже прошли.

Федор посмотрел, как смог, в указанном направлении и действительно увидел, что центр города, обозначенный пирамидами, остался позади. Их же вели вглубь, ближе к противоположной стене, где располагалось полукруглое сооружение без крыши. Когда отряд с пленниками оказался возле него и направился к ближней из одноэтажных пристроек, сложенных из идеально подогнанных друг к другу блоков желтого пористого камня, взгляду пленников открылась небольшая внутренняя площадь. Посреди нее Федор заметил массивный вертикальный столб или колонну, украшенную многочисленными барельефами по всем скругленным граням. Но не эти украшения привлекли внимание Чайки и остальных пленников.

Из колонны на уровне примерно двух метров от поверхности торчало сразу с десятков колец, вбитых по кругу, а на кольцах, подвешенные точно так же, как некогда сами финикийцы, за руки, висели обескровленные голые мертвецы. Их тела были рассечены многочисленными аккуратными надрезами со следами запекшейся крови на груди, бедрах, подмышках и коленях. Создавалось впечатление, что все эти надрезы были сделаны с хирургической точностью, чтобы жертва не сразу истекла кровью, а как можно дольше мучилась, расставаясь с жизнью. Каменные плиты вокруг колонны были просто бурыми от крови, что недвусмысленно говорило о непрерывных казнях, проходивших на этом месте.

Позади колонны были выстроены скамьи, поднимавшиеся от поверхности вверх на несколько ярусов. «Для массового зрелища здесь поместится не слишком много народа, — решил Федор, который, невольно содрогнувшись, все же нашел силы рассмотреть строение, — скорее, похоже на место суда и вынесения приговора каким-то особым

пленникам, которых нужно не просто расчленить, а предать долгой и мучительной смерти с позором. В назидание остальным. А жители, судя по всему, должны любоваться на это каждый раз проходя мимо».

Федор посмотрел в сторону улицы, которую они только что оставили за спиной, и заметил там людей, бредущих по своим делам. На первый взгляд праздные сапотеки не обращали на прибитых к столбу мертвецов особого внимания, видимо, пресыщенные такого рода развлечениями. Проходя мимо «позорного» столба, Федор еще раз против воли всмотрелся в лица мертвецов. Это были индейцы. Пленники из сопредельных племен, либо кто-то из своих, особо провинившихся перед народом и старейшинами сапотеков. Раздетые донага и разрисованные острыми ножами «хирургов», точно знавших, что нужно делать.

— Хорошую нам приготовили гостиницу, — мрачно пошутил Федор, когда их подвели к единственному входу в приземистое помещение, почти не имевшее окон, — очень похоже на скотобойню.

— Ты все еще думаешь, Федор, — каким-то странным тоном поинтересовался Леха, застывший перед низким косяком, словно перед входом в преисподнюю, — что стоило тащиться сюда через горы, чтобы тебе вот так изощренно выпустили кровь какие-то садисты? По мне лучше было погибнуть в бою с фалькатой в руке.

Федор выдохнул и снова вдохнул тяжелый воздух Монте-Альбана, напоенный кровью замученных пленников. И, сделав над собой усилие, пошутил:

— Не бойсь, Леха, — сказал он весело, что никак не вязалось с мрачной атмосферой окружавшего их здания, — поболтаем со старейшинами. Узнаем, что от нас хотят, попрощаемся и уйдем домой. Все просто.

— Я бы даже попрощаться не стал, — проговорил, слегка повеселев, Ларин, бросил еще один взгляд на стену каменного барака и шагнул внутрь, увлекая за собой остальных.

Глава двенадцатая

РАЗГОВОР СО СТАРЕЙШИНАМИ

Несмотря на присутствие за каменной стеной мертвецов, замученные долгим переходом финикийцы хорошо выспались, смирившись с судьбой. Более того, в тот вечер случилось неожиданное событие — их, впервые со дня пленения, отвязали от ненавистного бревна, освободив руки. Однако тут же замкнули ноги в деревянные колодки, так что передвижение даже по тому помещению, куда их определили, сделалось теперь почти невозможным.

Впрочем, в тот вечер никто из пленных финикийцев не обратил на это особого внимания. Никто не попытался вырваться и бежать, когда им неожиданно стали разрезать веревки и по одному отсоединять от сучковатого бревна, соединившего их, казалось, навечно. Даже Леха Ларин был настолько изможден этой бесконечной дорогой, что позволил надеть на себя деревянные кандалы. Лишь бы побыстрее рухнуть на солому и принять горизонтальное положение, дав отдохнуть уставшим мышцам.

Чайка также безропотно позволил снять с себя одни путы и надеть другие. И все же на следующее утро, спокойно разгибая плечи и поигрывая свободными запястьями, Федор ощущал едва ли не самый мощный прилив счастья за последние дни. Этому не мешали даже массивные колодки, в которые были замкнуты его ноги. Он сидел на соломе, которой щедро был усыпан каменный пол провонявшего смрадом помещения — «мертвецкой», как прозвал его командир карфагенян, — и смотрел на светлое пятно, которое давали три небольших окна под потолком.

Лучи оттуда узким световым столбом протянулись наискосок от стены до самой двери, освещая центральную часть каземата. Помещение было не из самых больших, как подумал поначалу Федор, здесь от силы могло разместиться человек двадцать-тридцать, если вповалку. Значит, догадка о том, что в соседнем помещении судят только преступников, заслуживающих внимания старейшин, имела под собой основание.

Ларин лежал рядом, раскинув руки в стороны, словно морская звезда, и тоже наслаждался возвращавшейся силой.

— Ну что, командир, — проговорил он вдруг неожиданно тихим голосом, — вот мы и на месте. Что дальше?

Федор посмотрел сначала на него, а потом и на остальных бойцов, лиц которых не видел уже много дней. Сразу за Лехой лежали лучники Цорбал и Пирг, а справа от Федора находились пехотинцы-мечники Абдер, Ганнор и Лиед. Все выглядели изможденными, но еще вполне могли повоевать при удачном раскладе.

— А что «дальше»? — деланно удивился Федор, вновь откидываясь на солому. — Дальше ждем. Наша судьба, уверен, уже приближается неторопливыми старческими шагами.

— Это почему? — от неожиданности Ларин даже привстал на локтях, покосившись на единственную дверь, запертую снаружи.

— Судя по тому, что нас к ней не вызывают, — спокойно пояснил Федор, посмотрев на друга и попытался сделать суровое лицо, — она сама нас посетит.

— Слишком много чести, — буркнул Ларин.

— Наоборот, — спокойно возразил Федор Чайка, — все понятно и вполне практично. Зачем таскать нас сразу во дворец или храм, не знаю, где тут обитают местные вожди. А вдруг мы окажемся не столь ценным грузом? Тогда нас можно казнить прямо на месте. Тем более что место вполне для этих целей подходящее.

Федор посмотрел на несколько оторопевшего друга и продолжил, выжав из себя улыбку:

— Ну а вот если выяснится, что мы все же представляем для них некую ценность, вот тогда... возможно... нас и отведут в более светлые палаты. Где казнят не каждый день, а только по выходным.

— Да ну тебя, — сплюнул Леха, — все бы тебе ерничать.

— А я вот тебя не узнаю, — упрекнул его в ответ Чайка, — ты что, помирать собрался? Я вот пока не собираюсь. Не для того в такую даль забрался.

— Может, скажешь тогда, как именно ты отсюда выберешься? — поинтересовался Леха и добавил, подумав немного: — И, главное, когда именно? Что-то мне тут уже начинает надоедать. Пахнет хуже, чем в хлеву с козами.

— Для начала побеседуем с теми, кто явится на нас посмотреть, — заявил Федор как ни в чем не бывало, — надо же узнать, чем мы их заинтересовали. Раз мы все еще живы, несмотря ни на что, значит, интерес есть. Это насчет «когда». А вот как...

Он сел, наклонился и вытянул из подошвы сильно потрепанных, но еще «живых» сандалий, узкое лезвие.

— Один раз оно нам уже спасло жизнь, спасет и второй, — пообещал Чайка, аккуратно засовывая его обратно.

— Ножичек, конечно, полезный. Но ты на колодки посмотри, — напомнил Леха командиру, сам сев на соломе, — толстенная деревяха. Тут твой стилет нам вряд ли службу сослужит. Не веревка все-таки.

— Ничего, — отмахнулся Федор, — что-нибудь придумаем.

В этот момент снаружи послышалась какая-то возня, и на глазах удивленного скифского адмирала и остальных финикийцев, молча внимавших своим военачальникам, внутрь шагнули двое рослых сапотеков с короткими факелами. В помещении сразу стало светло, как днем. Так что Федор даже слегка зажмурил глаза с непривычки, а потом прикрыл их ладонью.

Следом в каземат, бесшумно ступая, один за другим, просочилась дюжина вооруженных копьями и каменными мечами воинов, ростом не уступавших факелоносцам. Это были действительно рослые воины, гораздо выше всех виденных ими сапотеков. Они выстроились напротив пленников, всем своим видом показывая, что не дадут им сделать ни одного лишнего движения. Эти индейцы были вооружены гораздо лучше, чем обычные сапотеки. Красные щиты с бахромой и перьями, легкие кожаные нагрудники с

наплечниками, усиленными металлическими бляхами, широкие кожаные пояса из толстой кожи и такие же толстые наколенники, немного похожие на поножи греческих гоплитов.

«Видимо, гвардия, — решил Чайка, — телохранители вождей. Посмотрим, кого вы нам привели». Федор абсолютно без страха и даже с некоторым интересом рассматривал эти размалеванные рожи и головы, украшенные уборами из перьев. Шлемов на них, несмотря на все остальные доспехи, почему-то не было.

После того как построения охраны закончились, в освещенный каземат вошел, опираясь на высокий посох, обвешанный амулетами старец. Хотя, при ближайшем рассмотрении, Чайка затруднился сказать, сколько тому было лет. Это был невысокий индеец в летах с широким морщинистым лицом и плоским, кажется, сломанным когда-то носом. Его черные глаза излучали пронзительный взгляд, который неприятным холодком отозвался в душе у Чайки, а огромный головной убор из черных перьев только усиливал это впечатление. Плоские кольчатые серьги красного цвета с позолотой немалой тяжестью свисали почти до плеч, оттягивая уши. Но старик гордо носил эти украшения, видимо, полагавшиеся по статусу.

Войдя в центр каземата, он остановился и обвел всех пленников своим неприятным колючим взглядом. Медленно, одного за другим. Но, закончив осмотр, ничего не сказал.

Следом за ним внутрь вошел еще один вождь, которого Федор узнал сразу. Этот был тот самый старейшина, что осматривал его еще на столбе в походе. А теперь и Федор получил возможность рассмотреть облеченного властью сапотека получше. Он был невысок и суховат. Прямые черные волосы ниспадали на плечи, а часть их были собраны на голове в виде пучка, перевязанного узкой лентой. Лоб и щеки покрыты рисунками каких-то птиц, как показалось Федору. На этот раз вождь был одет в широкий пестрый балахон с бахромой по краям. Войдя в каземат, он встал рядом с первым вождем, но на полшага сзади, — видимо, он был ниже рангом.

— Ба, знакомые все лица, — пробормотал Федор при виде третьего посетителя, нарушив тишину, которая становилась звенящей.

Это был военачальник, с которым ему довелось сразиться и победить, но оставить ему жизнь на глазах остальных воинов. Возможно, тем самым он нанес ему несмываемое оскорбление. Но Чайка местных обычаев не знал, а извиняться было уже поздно. Впрочем, этот военачальник в отместку уже вдоволь поиздевался над ними, отправив по этапу в Монте-Альбан. Хотя это, возможно, была и не его идея.

С момента последней встречи этот сапотек тоже не сильно изменился — по-прежнему в пестрых одеждах, украшенных разноцветной бахромой и перьями, свисавшими отовсюду. Золотой шлем в виде головы орла с огромным изогнутым клювом и нащечниками со вставленными драгоценными камнями. Войдя, он неожиданно снял свой шлем, взяв его в руку, и встал с самого края. Между пленниками и прибывшими вождями.

— А я уж думал, он и спит в нем, — пробормотал Федор, разглядывая лицо военачальника без шлема. Это был еще достаточно молодой воин, с раскосыми глазами, горбатым носом и длинными черными, как смоль, волосами без всяких косичек.

Едва он занял свое место на авансцене, как следом появились несколько простых воинов, несших в руках какие-то свертки. Поравнявшись с пленниками, они положили свертки к ногам военачальника и отступили за линию охранников. Лишь мельком взглянув на содержимое мешков, развернутых в последнее мгновение оруженосцами, Федор узнал свою фалькату и Лехин кожаный нагрудник.

— Вот это подарок! — не в силах скрывать свои чувства, едва не вскрикнул Ларин, подавшись вперед и едва не потянувшись за фалькатой, лежавшей в трех шагах от его ног. — Смотри, командир, они сохранили наше оружие.

— Наверное, не зря сохранили, — проговорил еле слышно Федор, посмотрев на главного вождя. Тот наблюдал за их реакцией на происходящее, буравя пленников тяжелым взглядом и ничего не говоря.

«Изучаешь? — молча спросил его Федор. — Ну изучай, изучай».

— Только не думай, что они его тебе вернут, — успокоил Федор своего друга.

— А зачем же они его принесли? — удивился Ларин.

— Раз принесли, значит, вопросы есть, — предположил Федор, переводя взгляд на второго вождя, который также молча наблюдал за происходящим, но при этом было видно, что он старательно вслушивается в речь пленников, тщетно пытаясь ее понять.

— Видно, здесь такого не делают, — продолжил развивать свою мысль Чайка, — вот и заинтересовались. Посмотрим, надолго ли это продлит нашу жизнь.

Леха слегка поперхнулся, а Чайка подался еще немного вперед и сел, опершись на руки. Уверенность вернулась к нему, а зловещая тишина, которую нарушали только их перешептывания с Лехой на виду почти у двух десятков человек, уже надоела.

— Ну, если все собрались, может, начнем? — проговорил он, и слова его прозвучали так громко, что старый вождь сапотеков даже вздрогнул от неожиданности. Однако ничего не сказал в ответ, лишь нахмурившись сильнее.

Вместо ответа в открытую по-прежнему дверь каземата вошел еще один человек — худощавый и высокий индеец в простом длинном одеянии, не слишком обвешанном бахромой и перьями. Его положение Федору было трудно определить сразу. СапOTEK был безоружен, но и не имел «знаков отличия» вождей. Ни посоха, ни золотых серег у него не было. Лишь небольшое кольцо в носу и татуировки в виде темных кругов вокруг глаз, делавшие его похожим на птицу — филина или орла, — смотревшую немигающим взглядом. Длинные черные волосы, собранные на затылке в пучок, украшало единственное перо.

«Это еще кто? — подумал Федор, рассматривая вновь прибывшего, который прошел и осторожно пристроился рядом с вождями. — Не вождь, не воин. Наверное, какой-нибудь чиновник от канцелярии исполнения наказаний или вообще местный толмач. Посмотрим».

В руках «переводчик» держал несколько глиняных табличек, что еще больше утвердило Федора в своих наблюдениях. Он вновь окинул взглядом всех собравшихся и, едва решился подумать, что на этот раз прибыли все, как снаружи вновь послышался шум.

Теперь в каземат, где уже и без того было немало народа, протиснулись два сапOTEка, также хорошо знакомые Чайке и всем остальным. Это были те самые сапOTEки, которых они спасли от верной смерти на жертвенных столах пирамиды ольмеков и помогли сбежать из города. То, что произошло потом, все присутствующие финикийцы знали слишком хорошо.

При виде этих индейцев Ларин мгновенно рассвирепел.

— А... вот и вы, — сплюнул он сквозь зубы, невольно подаваясь вперед, и даже попытался встать в колодках, сжимая кулаки, — предатели! Ну, я сейчас с вами разберусь.

Но охранники мгновенно опустили свои копья, направив ему в грудь острия.

— погоди, — шепнул Федор, хватая друга за плечо, — не зря же их сюда привели. Может, они все же что-то полезное про нас напели местным вождям. Давай посмотрим, что дальше будет.

— Ну давай, — нехотя согласился Леха, откидываясь назад, — хотя по-хорошему, придушить бы их надо. Обоих.

— Обожди, — снова сказал Федор, — кто знает, может, успеешь еще.

Когда в каземате появились эти два сапOTEка, дверь наконец закрылась.

Федор изучающе посмотрел на старейшину, от которых ожидал начала разговора, но вперед неожиданно шагнул «толмач». Он ткнул себя большим пальцем правой руки в грудь и гортанно произнес короткое слово, отдаленно напоминавшее клич «Итао!».

— Ну допустим, — пробормотал Федор, решив, что «толмач» назвал свое имя.

Затем индеец покосился на обоих вождей и произнес более длинную тираду, во время которой то и дело воздевал руки к небу. Пока он говорил, до слуха Федора и остальных пленников, сидевших полукругом, доносились длинные шелестящие слова, похожие на производные от слова Питао — Питаошоо и Косихопитао,⁷ — что немного запутало Федора,

⁷ В пантеоне сапотеков существовало много божеств: Питао-Шоо, Питао-Кособи, Косихо-Питао («великий Косихо»), Косаана и Уичаана, Коки-лао, Пишее, Питао-Сих, Питао-Шикала и другие. Наиболее важные из

так как получалось, что индеец вначале либо назвал не свое имя, а имя какого-то бога, либо вообще себя не упоминал, а все время читал какое-то заклинание или молитву. Впрочем, вполне могло быть и то и другое. В Карфагене тоже многих называли в честь богов, а уж о том, что существовали «отдельные» царские имена, которыми могли называть только мальчиков из царского рода, и говорить не приходилось.

Пропев несколько длинных фраз, сапотек с глазами птицы остановился и вопросительно посмотрел на пленников, словно хотел убедиться, что те его прекрасно поняли.

— Ну, если вкратце, — «перевел» Федор остальным, — мол, «Бог свидетель» и все такое...

— Я примерно так и понял, — кивнул Леха, — пусть разорется, все дольше проживем.

Закончив вступительную речь, ученый сапотек поднял свои таблички, которые держал до сих пор в левой руке и начал читать по ним.

— Ин-нур Итао-Шоо аккар-нил гаре чу-лу, — произнес сапотек нараспев, посмотрел на пленников строгим взглядом, от которого они должны были ощутить себя закоренелыми преступниками, и продолжил в том же духе. Читал он довольно долго, но при этом то и дело останавливался, взмахивал руками и гримасничал, пытаясь передать атмосферу того, о чем было написано на глиняных табличках. Чайка внимательно слушал, ощущая себя словно в театре. Ученый сапотек так старался, что Федору действительно показалось, что он понял большую часть рассказа, в котором ему почудилась история об осквернении богов и каком-то не то громе, не то землетрясении, посланном с небес на землю этими богами в отместку за содеянное. Сапотек так картинно воздел руки к небу и попытался изобразить грохот обвала, что Федору ничего другого не оставалось и думать. Актер тот был первостатейный.

Однако далеко не на всех финикийцев этот монолог произвел должное впечатление. Посреди «выступления» Федор ощутил короткий толчок в бок и отвлекся ненадолго. Это был Леха.

— Слушай, командир, — указал Ларин на странные таблички с иероглифами в руках у «толмача», — чего этот мужик делает? Не пойму. Приговор нам, что ли, читает?

— Почти, — нехотя отозвался Федор, так как его лишили удовольствия дослушать монолог до конца.

— Может, ты уже понял, что этот, с татуированными глазами, нам напроорочил?

— В общих чертах. По-моему, он пытается сказать, что кто-то... кажется, именно мы, оскорбили это их главное божество. Как его там... Питао-Ша или Шо, точно не понял, — проговорил неуверенно Федор, поглядев на «толмача», который к тому времени уже закончил свою обвинительную речь.

Тот закивал почти радостно и подтвердил:

— Питао-Шоо!

— Ну вот, — продолжил «переводить» Федор, приободрившись, и поглядывая на хмурые лица вождей. — Этот Питао-Шоо рассердился, а затем случилось что-то... непонятное. Не то шум поднялся, не то грохот... А вообще, мне кажется, они утверждают, что своим появлением мы вызвали землетрясение.

— Мы? — возмутился Ларин. — Еще чего. Этак они на нас всех собак повесят.

Он сплюнул под ноги ближайшему охраннику, отчего тот вздрогнул, словно это была не слюна человека, а яд гремучей змеи. Охранник даже немного отвел свою ногу в кожаном сандалиии.

них, — бог дождя и молнии Косихо-Питао, которому приносили человеческие жертвы. С ним был связан бог кукурузы Питао-Кособи, имевший вид летучей мыши, которому также поклонялись как символу в виде крупного початка кукурузы.

Питао-Шоо — в мифологии сапотеков бог-ягуар, бог землетрясений, близкий богу земли и пещер. Его голосом считалось горное эхо. Питао-Шоо держал на своих плечах мир и считался богом-пророком. Сапотеки представляли его в виде атланта, держащего на плечах землю. Если он шевелился, земля двигалась, и происходили землетрясения.

— Ну убили ягуара, это было, — не стал отрицать Леха, посмотрев на главного вождя, который в свою очередь буравил пленников немигающим взглядом, — так он сам на нас набросился, что оставалось делать. Но никакого Питао-Шоо мы не трогали. Это наговор!

Уловив в словах Ларина нотки неповиновения, неожиданно прервал обет молчания тот самый вождь, что захватил их в плен. Он в гневе что-то прошипел на своем непонятном наречии, тряхнул черными косичками, и жестом что-то приказал военачальнику. Стоявший до сей поры недвижимо военачальник сапотеков отточенным движением вновь надел свой блестящий шлем на голову и лишь после этого шагнул вперед. Наклонившись, он поднял одной рукой фалькату, а другой кожаный нагрудник предводителя скифов и протянул их финикийцам, как бы предъявляя доказательства вины.

— Ну да, оружие наше, — не стал отнекиваться Леха и даже слегка подался вперед, показав, что собрался встать во весь рост, — вы нам его еще ближе пододвиньте, и тогда я вам покажу, как с ним надо управляться.

Но военачальник сапотеков, похоже, быстро научился понимать по-финикийски. Он шагнул назад, опустив фалькату и нагрудник. Доказательств ему лично не требовалось. СапOTEK в золотом шлеме уже имел возможность убедиться, как обращаются со своим грозным оружием пленники. Встав на место, он встретился взглядом с Федором. Его взгляд был жестким и твердым, словно Чайка вновь скрестил с ним клинки. «Да, никакой благодарности парень, похоже, не испытывает, — поймал себя на мысли Чайка, — может, Леха был прав? И зачем я ему жизнь оставил. Прикажи ему вождь сейчас же свернуть нам шею, сделает это с превеликим удовольствием».

Но вождь, тот, который взял их в плен руками сапOTEK в золотом шлеме, пока не торопился это сделать. Напротив, он взял фалькату и внимательно изучил ее взглядом, словно видел впервые. Затем опустил и тихонько стукнул концом острия о камень. Раздался звон и при этом вырвался небольшой сноп искр.

— Не затупи мне оружие, — вырвалось у Федора, который не мог терпеть, когда кто-то играет его фалькатой, а потому добавил, не сдержавшись: — Оно мне еще пригодится, чтобы голову тебе отрубить.

Вождь уловил агрессию Чайки, но не подал вида, а только посмотрел на «переводчика», и тот, указав на клинок, что-то вопросительно взвизгнул.

— Да, это мое оружие, — подтвердил Чайка, — называется фальката.

«Толмач» внимательно выслушал ответ и, указав на клинок, повторил:

— Фал-ка-таа...

— Именно, — кивнул Федор, немного обрадованный, что у них наметился кое-какой диалог.

Один вождь сапотеков посмотрел на другого, а затем подал неуловимый сигнал «переводчику», однако не укpывшийся от глаз Чайки. Тот отложил большинство своих табличек и, взяв лишь одну, сделал шаг к Федору, которого здесь все сапOTEки уже давно «рассекретили» и держали за старшего, несмотря на то что Леха говорил гораздо громче.

Показав табличку Федору, ученый сапOTEK промурлыкал что-то на своем наречии и заглянул в глаза командиру карфагенян. У Чайки на этот раз не осталось никаких предположений насчет смысла сказанного. Но вот изображение на табличке было ему хорошо знакомо. Там был высечен, и довольно искусно, самый обыкновенный слон. С большими ушами, бивнями и хоботом. Слон был похож на африканского, таких Карфаген закупал сотнями, чтобы использовать в сражениях. Против Рима и других противников, которых у него до недавнего времени было немало. Хотя имелись и некоторые незначительные отличия, на которые Федор решил не обращать внимания. Главное, что изображенный на картинке слон был именно боевым. На его изогнутой мощной спине была укрепленa корзина с балдахином, в которой восседал погонщик и еще двое воинов с копьями. Доспехов на них не было, да и вообще мелкие детали были проработаны художником плохо, а потому понять, к какой армии относились эти воины, не представлялось возможным.

— Вижу, — подтвердил Федор, чтобы поддержать завязавшийся диалог.

— А что там? — не удержался Леха и попытался придвинуться, чтобы тоже взглянуть на табличку, но ему в грудь тотчас уперлось копьё с острым наконечником.

— Обычный слон, — пожал плечами Федор, — с ушами и бивнями. Таких у нас дома немерено.

И, повернувшись к «переводчику», еще раз отчетливо произнес.

— Слон. Это слон.

— Сло-н, — повторил сапотек и теперь уже сам показал картинку сидевшему рядом Ларину.

— Ну да, слон, — кивнул тот, всмотревшись в очертания животного, — а вы что, слона, что ли, никогда не видели?

«Переводчик» на этом не успокоился и прошелся перед остальными пленниками, каждому по очереди предъявляя картинку со слонем и везде получая один и тот же утвердительный ответ. Наконец, убедившись, что объект на табличке знаком не только «старейшине» Федору, он вернулся на место и с восхищением во взгляде осторожно посмотрел на вождей. Судя по остекленевшим глазам верховного вождя, финикийцы сумели произвести на него гораздо большее впечатление своим знакомством со слонами, нежели превосходным оружием. Хотя самим пленникам такой восторг был пока непонятен.

— Странные они какие-то, — пробормотал Леха, — ведут себя так, будто слонов никогда не видели.

— Действительно, странные, — пробормотал Федор, пытаясь припомнить, водились ли в Америке когда-нибудь слоны. — Может, они и в самом деле слонов никогда не видели, а если и видели, то только на картинках.

— На картинке тогда слоны откуда взялись? — обескуражил его вопросом Леха.

— А вот это, брат Леха, очень правильный вопрос,⁸ — ответил Чайка, бросив косой взгляд на вождей, которые, отойдя чуть в сторону, нарушили обет молчания и теперь о чем-то перешептывались, словно решая судьбу пленников. — Допустим, что слонов здесь отродясь не водилось, только мамонты, и те давно вымерли. Тогда мы с тобой первые из африканцев, кто доплыл сюда и видел в своей жизни слонов. Но в этом случае это мы должны были сапотекам слонов хотя бы нарисовать, а они, похоже, кое-что о них уже давно знают. Нестыковка получается.

— Сдается мне, командир, что мы не первые, кто сюда прибыл, — озадачил его Леха простым ответом.

Федор некоторое время молчал, переваривая услышанное, но так и не пришел пока к ясному выводу.

— Хрен его знает, кто еще тут до нас побывал, — махнул рукой Федор, вновь бросив взгляд в сторону неторопливо совещающихся вождей, — нам сейчас главное, чтобы эти мудрые старейшины не отправили нас на виселицу за все наши знания, как лишних свидетелей. Может, то, что нам показывали, здесь простым смертным и знать нельзя.

— Лишние свидетели никому не нужны, — согласился Ларин, но добавил с сомнением в голосе: — Только что мы такого знаем? Про слонов? Так это вряд ли военная тайна...

Федор не успел ему возразить. Верховный вождь сапотеков что-то приказал высоким трескучим голосом, — Чайка услышал его впервые и даже вздрогнул, таким неприятным был этот голос, — и сквозь ряды охранников протиснулись два освобожденных Лариным

⁸ Обнаруженные не так давно артефакты из наследия ольмеков — например, небольшой сосуд в виде сидящего слона — посеяли серьезные сомнения в том, что мексиканские индейцы и африканцы не имели представления друг о друге. Официальной наукой считается, что слоны в Америке исчезли с окончанием последнего оледенения, то есть примерно двенадцать тысяч лет назад. Обнаруженные находки наталкивают на совершенно другие выводы: либо слоны существовали в Америке почти до того периода, в котором развивается повествование романа, что противоречит данным палеозоологии, либо ольмекские мастера были знакомы с африканскими слонами. А это, в свою очередь, противоречит современным историческим воззрениям.

сапотека.

— Суд вызывает свидетелей, — криво ухмыльнулся Леха, поглядев на унылые физиономии индейцев, которые одинаково боялись смотреть и на финикийцев и на своих вождей.

— Что молчите? Да, предателям везде несладко, — подлил масла в огонь Ларин, словно сапотеки могли его понять. Но, копьё охранника, уткнувшись ему едва ли не в горло, заставило бравого адмирала замолчать.

— Ладно, посмотрим, что напоят эти свидетели, — отодвинувшись от острия, прохрипел Леха, умолкая.

Опираясь на высокий посох, обвешанный амулетами, главный старец Монте-Альбана, а Федору отчего-то показалось, что индеец с морщинистым лицом был именно в этом ранге, что-то резко спросил, указав на пленников.

Те рухнули на колени и затараторили, перебивая друг друга. Сколько ни вслушивался в их сбивчивую речь Федор Чайка, ничего «разобрать» так и не смог, кроме нескольких упоминаний про уже знакомого Питаошоо. Кем был этот Питаошоо, Федор пока мог только догадываться. Скорее всего, божеством, которое не то трясет землю, не то насылает громы с небес. Об этом Чайка догадался, когда оба индейца при каждом упоминании Питаошоо, подобно театральным жестам «толмача», вскидывали руки вверх и дергались в конвульсиях, пытаясь изобразить грохот падающих камней или раскаты грома. Получалось у них хуже, чем у образованного «толмача» сапотеков, который взирал на это выступление свидетелей с явным подозрением.

Неожиданно словесное извержение сапотеков закончилось.

Пронзительный взгляд, ограненный головным убором из черных перьев, вновь скользнул по Федору, отозвавшись неприятным холодком в душе. Кольчатые серьги красного цвета с позолотой всколыхнулись, и старец что-то коротко спросил у обоих сапотеков, глядя на него.

Оба, как по команде, распрямились, вскинули правую руку и указали на Леху Ларина, который от неожиданности потерял дар речи.

— Я? — только и вымолвил он, хлопая глазами. — А что я?

Старик медленно и грациозно, так что ни перья, ни украшения в ушах не дрогнули, вновь развернулся к сапотекам и еще что-то спросил. Вопрос был чуть длиннее, чем в первый раз, но его интонация показалась Федору менее приятной.

В ответ оба сапотека, ни секунды не колеблясь, указали на Чайку. Пронзительный взгляд старца едва не отбросил Федора к стене, уткнувшись в него. Вождь еще некоторое время молча буравил Федора взглядом, а потом что-то коротко сказал «толмачу», не расстававшемуся со своими глиняными табличками. Затем, потеряв интерес к пленникам, медленно направился к выходу. Стоило ему сделать первый шаг в сторону двери, как она отворилась будто сама собой. Охранники мгновенно перестроились вдоль его пути в два ряда и, продолжая следить за обескураженными пленниками, пропустили вождя к выходу.

За ним, еще раз осмотрев финикийцев, словно чтобы запомнить, какими они были перед казнью, направился второй вождь. Прибывшая процессия покидала каземат смертников в той же последовательности, как и появилась здесь.

— Что-то я не понял, Федя, — выдавил из себя Леха, глядя на колыхавшиеся перья индейских вождей, которые медленно уплывали вдаль, — и что они решили?

— А что тут неясного? — спокойным голосом заметил на это Федор Чайка, посмотрев на двух сапотеков-свидетелей, которые полубоком за своими вождями неслышно передвигались к выходу, — ты, похоже, спас им жизнь, избавил от ольмекского плена. Так что...

Федор помолчал несколько секунд, словно подбирая слова.

— Тебе, я так думаю, жизнь оставят.

— Ну а я, — он опять умолк на некоторое время, глядя, как вожди один за другим исчезают в проеме дверей, — убил ягуара. Так что меня, скорее всего, казнят. Может, уже

сегодня.

Чайка посмотрел на солдат и встретился взглядом с обескураженным Пиргом, затем с Цорбалом и Абдером.

— Что будет с остальными, я не знаю.

— Черта с два, — возразил Леха, — ягуара я тоже убивал, да и остальные помогали. Так что несправедливо будет тебе одному погибать.

— Ну это уже не нам решать, — произнес каким-то отстраненным голосом Федор, — что справедливо, а что нет.

Охранники с копьями наперевес стояли до тех пор, пока каземат не покинул последний «посетитель». Военачальник в золотом орлином шлеме вышел не оглядываясь. Однако последними оказались не сапотеки-свидетели, а тот самый «толмач», который больше всех пытался говорить с пленными. Он даже что-то пробормотал напоследок, исчезая в проеме двери вместе со своими табличками. Наконец, помещение покинули копейщики и факелоносцы. В каземате вновь стало темно. Повисла гнетущая тишина, которую никто из пленников не посмел нарушить.

Глава тринадцатая ПЕРЕВОДЧИК

Однако Федор ошибся. Ни его, ни остальных в этот день не казнили. О них до вечера просто забыли, дав возможность отдохнуть перед смертью. Никто не лишил их жизни и на следующий день, который они провели в бесплодных попытках выбраться из этого каменного мешка. Вернее, попытки предпринимал Леха Ларин и остальные бойцы. Сам Федор был так подавлен промахом своей интуиции, благодаря которому он позволил заманить себя и своих людей в эту темницу, что сидел в центре каземата и с чувством вины взирал на их действия.

Леха же не унимался. Несмотря на то что Федор «обещал» ему жизнь, оставаться в живых с перспективой стать рабом в этом странном государстве сапотеков ему не хотелось. Особенно в одиночестве. А потому сначала, как только удалились все «посетители», он вытребовав у Федора лезвие и попытался вскрыть колодки. Ничего не вышло, как он и сам предсказывал. Только лезвие чуть не сломал.

Ночь прошла спокойно, а наутро Ларин с удвоенной энергией возобновил свои действия. Поскольку командир временно самоустранился, Леха приказал всем бойцам встать и осмотреть стены каземата на предмет поиска слабых мест. Как ни выглядел этот приказ очевидно бесполезным, тем более для изможденных людей в колодках, финикийцы все же подчинились и принялись искать слабые места кладки, ощупывая каменные блоки один за другим. Передвигаться в колодках было очень тяжело, но все-таки можно. И Ларин со товарищи бродил вдоль стен с черепашьей скоростью, а закончив ощупывать один почти идеально притертый камень, подпрыгивая, как кенгуру, перемещался к другому.

— Я все равно найду выход, — бормотал он, сплевывая то и дело на пол «ядовитую» слюну, — все равно.

Так прошел второй день после визита старейшин. К вечеру этого дня Федор, смирившийся с судьбой и уже давно решивший, что все бесполезно, вдруг вновь ощутил желание жить. Не то на него подействовали усилия друга и его бойцов, из последних сил пытавшихся выбраться из каменного мешка, не то действительно что-то незримо изменилось в окружающем мире, но к Федору вернулось самообладание. Командир карфагенян, молчавший уже второй день, на закате вдруг прервал свое затянувшееся молчание и вымолвил первые слова.

— Ладно, подождем до утра, — заявил он удивленным финикийцам, так, будто был абсолютно уверен в своих словах, — если сегодня никто за нами не придет, то утром что-то обязательно случится.

Что именно, он имел в виду, Федор не сказал, как ни приставал к нему Ларин с

вопросами.

— Я больше не занимаюсь предсказаниями, — заявил он другу, — доживем до утра — увидим.

На следующее утро, едва первые лучи солнца проникли в каземат сквозь узкие окна под потолком, дверь действительно отворилась. Но, к своему удивлению, Федор узрел на пороге не солдат-палачей. В проеме возник худощавый и высокий индеец в простом длинном одеянии, с кольцом в носу и татуировкой в виде темных кругов вокруг глаз. Впрочем, солдаты тоже были. Они вошли сразу вслед за «переводчиком» и рассредоточились по каземату. На сей раз это были не высокорослые телохранители вождя, а обычные пехотинцы, но зато их было вдвое больше.

— Так он еще и палач, — пробормотал Леха и, обернувшись к Федору, попросил: — Командир, раз ты все равно решил помирать, отдай мне свой ножичек. Я напоследок хоть горло вскрою этому ученому попугаю. Будет какое-то удовольствие перед смертью. Умру как человек, почти с клинком в руке.

Но Федор остался глух к мольбам своего друга. Он почему-то был уверен, что «толмач» не был посланцем богов смерти, а явился совсем по другому поводу.

— Обожди, — только и сказал Чайка.

Индеец, как будто слегка волнуясь, провел свободной рукой по волосам, собранным на затылке в пучок, и шагнул к пленникам. Финикийцы, ожидавшие лишь одного, мужественно смотрели на посланца вождей.

— Косихо-Питао анчао! — провозгласил «толмач» так громко, что по каземату раскатилось гулкое эхо.

— Чего орешь! — не выдержал Ларин. — Не можешь потише объявить, что нам конец.

— Косихо-Питао анчао! — вновь заявил «толмач» уже с нотками радости в голосе, воздев руки к небесам, и с удивлением посмотрел на пленников, словно не понимая, почему они отказываются разделить его радость.

— Нет, я его все-таки убью, — взбеленился Ларин, — даже без твоего ножа.

Он резко подался вперед и встал на ноги. Изумленный сапотек отшатнулся при виде искаженного ненавистью лица внезапно выросшего перед ним пленника. А охранники тотчас опустили вниз копьа, вставшие на пути Ларина частоколом из острых наконечников.

— Ну иди сюда, — прошипел Леха, невероятным усилием делая прыжок вперед, — куда же ты собрался?

— Обожди! — вдруг громко произнес Федор, и Леха, услышав вдруг забытые командирские нотки в голосе своего друга, невольно остановился. — Мне кажется, он пришел не казнить. Великий Косихо простил нас.

— Что? — не поверил своим ушам Ларин, балансирующий в нескольких сантиметрах от острых наконечников.

Он перевел взгляд с друга на «толмача» и переспросил:

— Что ты там сказал?

— Косихо-Питао анчао! — проговорил тот уже тише и закивал головой.

— Правда, что ли? — еще не веря своему счастью, уточнил Ларин.

Но сапотек все кивал головой, и он понемногу успокоился.

— А что сразу не сказал? — уже без явной агрессии буркнул Леха, обращаясь напрямую к «толмачу»: — Дальше что?

Сапотек, словно поняв обращенный к нему вопрос, указал на дверь и медленно проговорил какую-то фразу, оставшуюся тайной для командира скифов. Даже не пытаясь его понять, Леха обернулся к своему другу, у которого вновь прорезался дар предвидения.

— И что ему на этот раз надо? — спросил он уже у Федора, который медленно поднялся и встал, покачиваясь с непривычки.

— Я думаю, он хочет, чтобы мы последовали за ним, — предложил свою версию перевода Чайка.

— Хочет? — переспросил Леха. — Ну, если хочет, то пойдем. Все равно здесь томиться

надоело, да и стены тут крепкие, не расшатает. А на воле еще поглядим, чья возьмет. А, Федя?

— Поглядим, — согласился Федор и, вновь беря роль командира на себя, обратился уже к сапотеку: — Давай показывай, куда идти.

Обрадованный тем, что разговор состоялся, и он с пленниками друг друга в целом поняли, да к тому же обошлось без драки, сапOTEK подал сигнал воинам. Четверо из них направились к пленникам, держа в руках какие-то каменные скобы странной формы, а остальные выстроились по обе стороны от прохода, опустив копья наперевес.

— Чего надо? — Леха напрягся, но Федор первым понял маневр сапOTEKов и поспешил успокоить друга:

— По-моему, с нас хотят снять кандалы, — заявил он, — лучше не сопротивляйся.

Ларин нехотя подчинился, но когда сапOTEки, проделав руками какое-то хитрое движение своим выточенным из камня приспособлением, освободили сначала Федора, а потом и его от кандалов, был просто счастлив.

— Так вот как они открываются, — пробормотал Леха, так и не понявший до конца, как это произошло, — ножичком не вышло, тут каменный ключик нужен.

Однако после освобождения их взяли в плотное кольцо из копий, ясно давая понять, что они по-прежнему пленники. СапOTEкский толмач, а он, по сути, таким и был, направился к выходу, как бы приглашая последовать за собой.

Первым из пленников на свет вышел Федор, осторожно ступая затекшими ногами. Вышел и зажмурился, такое яркое солнце висело на небосводе. Утро еще было раннее, но весь город уже кипел. В жарких странах вставали рано, это Федор усвоил, едва оказавшись на Средиземноморье. А здешний климат был хоть и с горным привкусом, но похожий. По улицам сновали бойкие торговцы, направляясь на базар. Шли по своим делам крестьяне и ремесленники, перемещались целыми отрядами воины. Правда, весь этот шум был слышен чуть вдалеке, доносился с ближайших улиц. А здесь у «мертвецкой», кроме пленников и охраны, никого не было.

Убедившись, что все вышли, толмач зашагал в сторону людной улицы. Процессия с пленниками, окруженная со всех сторон охраной, медленно направилась за ним.

— Ну что, командир, — толкнул его в бок Ларин, с наслаждением потирая запястья и вдыхая знойный воздух, — вот она, свобода. Подорвемся отсюда при первой возможности?

Несколько десятков сапOTEкских воинов с копьями его особо не волновали. А про остальных он не думал.

— Подорвемся, — кивнул Федор и с трудом проглотил слюну — прошедшие дни их не кормили и почти не поили, — только сначала посмотрим, что нам этот толмач приготовил.

— А зачем? — насторожился Леха, шагавший чуть позади Чайки.

— Разговор со старейшинами перешел в другую фазу. Нас почему-то не казнили пока, да еще развязали и ведут на новое место. Надо же посмотреть, что нам приготовили.

— Неужели решили поместить в хорошую гостиницу? — не удержался и хохотнул Ларин. — А казнить совсем передумали?

— Нет, брат, — подумал Федор вслух, — считай, что это только отсрочка. Что они задумали, я еще не знаю, но главного мы, похоже, добились. Сразу нас не убили. Время есть, а там сориентируемся. Кроме того, стены тут высокие, а выход из города всего один. Прежде чем бежать, надо придумать как. А этот толмач может нам, сам того не зная, подбросить идею.

— Ну ладно, — нехотя согласился Леха, — только смотри, командир, не затягивай с побегом. Что-то мне больше не хочется сидеть в каземате. А то опять закуют в кандалы, и думай потом, что упустил отличную возможность для побега.

— Мне самому не хочется, — кивнул Федор, осматриваясь по сторонам, — но делать пока нечего. Побежим сейчас — просто забьют.

Дойдя до ближайшей улицы, они свернули направо и углубились в город. Федор жадно впитывал окружающий мир, стараясь запомнить расположение кварталов на случай побега и

вынужденного передвижения по Монте-Альбану без провожатых, о чем пока приходилось только мечтать. Сам он не мог взять в толк, почему вожди сапотеков решили пощадить его и остальных, несмотря на явное и доказанное святотатство. Кроме того, впервые за все время плена их не только отвязали от ненавистного бревна, но и освободили от колодок на ногах. Если бы не почетный эскорт, то возникло бы полное ощущение свободы, которая пьянила и настораживала одновременно.

«В чем-то Леха прав, — думал Федор, поглядывая в спину толмача, который шагал впереди, — на новом месте могут опять легко в кандалы заковать. Может, действительно стоит пытаться бежать, пока не поздно?»

Но в глубине души его по-прежнему мучил вопрос, чем они так заинтересовали местных вождей. По всей видимости, их безошибочно приняли за тех, кем они и были, — пришельцев из-за большого моря. Проницательные вожди могли просто захотеть выведать у них побольше о том, кто они и откуда пришли, чтобы понять, чего от них можно ожидать. Для достижения этих целей можно было на какое-то время забыть об оскорблении божества действием. Ведь об этом, в крайнем случае, было недолго вспомнить снова. Политика — дело грязное, на любой земле. Пока финикийцы находились на положении пленников в пределах Монте-Альбана, они были в полной власти сапотеков.

Табличка со слонами и реакция вождей наводила командира карфагенян на мысль о том, что они действительно не первые мореплаватели, достигшие здешних земель. Чайке, в свою очередь, захотелось узнать, имелись ли у сапотеков контакты с кем-то еще из-за океана. И Федор решил бежать не раньше, чем получит ответ на эти вопросы. Хотя бы в общих чертах.

Но для того чтобы сапотекам что-то выведать у пленников, им нужно было понимать друг друга гораздо лучше. А толмач идеально подходил на роль педагога. Вот о чем успел подумать Федор Чайка за то время, пока отряд финикийских пленников перемещался через центр Монте-Альбана из квартала «мертвецкой» ближе к одной из стен города. По пути Федор успел заметить несколько квадратных площадей, запруженных суетливыми торговцами, бросить взгляд на оставшиеся за спиной пирамиды, которые отличались одна от другой по высоте, и рассмотреть квартал, застроенный пышными особняками знати. Для постройки особняков использовался красный камень. Там были колонны и балконы, оплетенные висячими садами, пышные арки, а также лестницы с золочеными ступеньками. Каждый особняк имел внутренний дворик, засаженный деревьями с пышными кронами, где было приятно отдыхать в такую жару.

«Да, богатым быть неплохо в любой стране», — подумал Федор, глядя на это великолепие, что осталось по правую руку, и невольно вспоминая собственные особняки в Карфагене и Таренте. Все это было сейчас так далеко, что казалось миражом и навевало мысли о переменчивости фортуны.

Миновав кварталы знатных сапотеков, колонна с пленниками преодолела по узкому каменному мосту странное сооружение, напоминавшее своим видом канал, протянувшийся через весь город. Станным оно показалось Чайке только потому, что, сколько ни всматривался он издали в узкое пространство между каменными берегами канала, очень походившими на набережную, никакой воды не заметил. И лишь когда они проходили по мосту, Чайка увидел блеснувшую полоску воды далеко внизу и понял, что не ошибся. Это действительно был канал, только с поправкой на архитектурные особенности столицы сапотеков. Вода в нем имелаась, но лишь на уровне рва и реки, огибавшей город. Чтобы добраться до воды, нужно было спуститься с набережной по узким, расположенным в специальных местах лестницам чуть ли не вертикально вниз метров на двадцать. Туда, где наметанный глаз Федора заметил вырубленные в скальной породе узкие пристани, протянувшиеся почти вдоль всей видимой части канала.

«Похоже, припасы в город доставляются не только посуху, — подумал Чайка, глядя на это с мгновенно проснувшимся интересом профессионального разведчика, — значит, второй выход все-таки есть. Отлично, это увеличивает наши шансы».

Федор подумал, что могли быть еще и тоннели под городом, ведущие на склады. Нужно же было как-то поднимать и транспортировать привезенные на лодках товары, ведь никаких блоков или лебедек Чайка на стенах этого странного канала пока не заметил.

«А это почти наверняка означает, что под городом есть разветвленная система тоннелей, которая ведет к каналам, а может, и еще куда», — продолжал размышлять Федор, углубляясь в примыкавшие к каналу кварталы, застроенные какими-то длинными зданиями без окон. Они очень походили на склады, и отчасти подтверждали догадки Федора. Праздношатающихся людей здесь почти не было. В основном в квартале курсировали отряды вооруженных сапотеков.

— Склады или арсенал, — подумал вслух Чайка.

— Ты о чем? — услышал его бормотание шагавший чуть позади Леха. Хотя пленники и были отвязаны от позорного бревна, конвоиры по-прежнему старались вести их так, чтобы финикийцы видели затылок друг друга.

— Я про тот канал, который мы только что миновали, — ответил Федор, немного обернувшись назад, — там внизу наверняка есть проход сквозь стену. Ворота для лодок.

— Ты тоже заметил, — одобрительно кивнул Леха, — да, нырнул, проплыл немного и ты уже на свободе.

— Думаю, не все так просто, — успокоил его Федор, шагая по каменным плитам улицы, которая вдруг уперлась в высокую стену, отгораживавшую сразу несколько зданий, и закончилась, — если ворота и есть, то должны хорошо охраняться. Даже водные. Местные вожди не такие глупцы, чтобы устроить один-единственный, столь мощный вход в огромный город и оставить без присмотра другой.

— Может, и так, да только мне кажется, что бежать по воде даже надежнее, — предположил Ларин, — устроить какой-нибудь переполох, а самим под шумок скрыться.

— Не уверен, — ответил Федор, отрицательно мотнув головой, — на любой шумок охрана, если она обучена хорошо, должна ворота сразу же запирать. И все.

— Можно и по-тихому, — не сдавался Леха, — мы же умеем.

При этих словах Федор отчего-то вспомнил, как они пробирались с диверсионной группой в занятый еще войсками сената и римлян Карфаген. Там тоже хотели пролезть по-тихому, а получилось как всегда. Нарвались в гавани на патруль римлян, и в результате пришлось сражаться, штурмовать ворота, даже устроить пожар и грандиозный переполох в порту только для того, чтобы скрыться.

— Да, — невольно ухмыльнулся Федор, — ходить по-тихому мы мастера.

Стена, рядом с которой они почему-то остановились, была сложена из крупных и хорошо отшлифованных блоков пористого желтого камня, — в этом городе все напоминало о мастерстве камнерезов. Вскоре неподалеку в квадратной башне обнаружили ворота, распахнувшиеся, едва толмач приблизился к ним. Две массивные створки разошлись в стороны, и Чайка первым шагнул навстречу своей судьбе.

За воротами оказался внутренний двор без тенистого сада и фонтанов, которые так хотелось бы видеть утомленным жарой пленникам. Здесь имелось лишь несколько каменных скамеек и пара чахлах кустов какого-то незнакомого растения. Двор был вымощен щербатой плиткой и обнесен высокой и толстой стеной с зубцами, раза в три превышавшей рост человека, по верхушке которой прогуливались зоркие охранники с копьями. За стеной виднелись плоские крыши и еще нескольких зданий неизвестного предназначения. На самой башне Чайка заметил лучников.

— Очень похоже на тюремный двор, — поделился наблюдениями Федор, останавливаясь посередине и осматриваясь.

— Здесь мы будем прогуливаться между допросами, — в тон ему ответил Леха, — ты по-прежнему думаешь, что нам еще рано пытаться бежать? Вот сейчас закроют за нами ворота, и будет поздно.

— Поживем — увидим, — заметил на то Федор, и, обернувшись к другу и остальным, пошутил: — Поговорка приговоренных к смерти.

Финикийцы, к его удивлению, рассмеялись, заставив охранников сжать копья посильнее. Сказывалось напряжение последних дней, накопившееся в ожидании казни. Всем хотелось как-то расслабиться, только пока не было удобного случая.

Толмач, тряхнув своей единственной косой, обернулся и некоторое время в изумлении смотрел на смеющихся пленников. Удивленные глаза в огранке татуировки сделали его в этот миг еще более похожим на озадаченную птицу, отчего Федор только сильнее рассмеялся и отвернулся, чтобы не обидеть сапотека, благодаря усилиям которого они до сих пор избегали смерти. Подождав, пока пленники закончат веселиться, образованный сапотек направился к дальним воротам, которые при его приближении отворились изнутри. Там был дворик поменьше, зато полный собственной охраны. Начальник охраны — рослый суровый индеец с кожаным поясом и подвешенным к нему боевым топором, обменялся с толмачом парой слов, а затем отступил в сторону, пропуская финикийцев внутрь трехэтажного здания.

Проследовав по узкой лестнице на второй этаж, Чайка и его спутники оказались в квадратном помещении, где толмач наконец остановился, сделав жест, который можно было истолковать только как «Располагайтесь». Охрана осталась снаружи.

Федор и остальные финикийцы, войдя в помещение, стали осматриваться по сторонам. В отличие от «мертвецкой», здесь было светлее, так как имелось гораздо больше окон. И находились они не под самым потолком — высота здесь была метров пять, — а почти на нормальном уровне, чуть выше головы. Правда, были очень узкими, и протиснуться в них не представлялось никакой возможности даже карлику. Но если отойти в дальний конец зала и посмотреть наружу, можно было увидеть крыши соседнего квартала и край близкой крепостной стены. То, что находилось в непосредственной близости, рассмотреть было невозможно.

— Ну, хоть окна нормальные есть, и то хвала богам, — пробормотал Федор, опуская глаза вниз, на каменный пол.

Там он увидел свалку циновок, что, по сравнению, с вонючим сеном, было настоящим прорывом по части комфорта. Кроме того, оставшаяся снаружи охрана не спешила снова заключать их в кандалы и колодки.

— Заказывал гостиницу получше? — повернулся Федор к стоявшему рядом другу. — Получите.

И добавил, обращаясь к остальным воинам:

— Занимайте любые места. Здесь, похоже, наше новое пристанище до следующей казни.

Увидев, что пленники разошлись по разным углам, толмач удалился, закрыв за собой дверь. Дверь была деревянная, но массивная, обитая скобами из неизвестного металла. Таковую плечом не высадить, это было видно сразу. Но финикийцы и не пытались. Они просто улеглись на циновки, дав отдых своим измученным ногам, и стали ждать. До захода солнца толмач больше не появился, словно давал им возможность привыкнуть к новому дому. Зато появились охранники, оставившие на полу несколько плошек с вяленным мясом каких-то мелких зверьков, — Ларин сразу заподозрил в них крыс, полагая, что местные индейцы не брезгуют есть все, что движется, — пять краях хлеба и пару кувшинов с водой. В этот день у карфагенян был настоящий пир.

— Кормят как на убой, — вскоре заявил Леха, весело уплетая подозрительное мясо и запивая водой.

— Стали бы они на нас тратить мясо, — поспорил с ним Лиед, откусывая ножку неизвестного грызуна, похожего на упитанную белку с тонким хвостом, — если бы хотели скоро умертвить.

— Не переживай, казнить нас всегда успеют, — успокоил его Федор, не без труда, несмотря на голод, преодолевший отвращение к мясу неизвестных животных.

Абдер, Ганнор, Цорбал и Пирг также ели его, стараясь не думать о последствиях. Вряд ли их хотели отравить, а насчет гастрономических пристрастий финикийцев охранники наверняка не имели никакого понятия и кормили, как всех заключенных.

Толмач появился лишь на следующий день, утром. После довольно плотного завтрака из хлеба и сыра, явившегося приятной неожиданностью для пленников, ощущавших себя уже почти как на курорте. В этот раз ученый сапотек не стал общаться со всеми, а вывел под охраной в соседнее помещение — каморку с узкой щелью вместо окна, широкой доской на подставке вместо стола и двумя утлыми скамьями, — только одного Федора. Там, оставшись с ним наедине, толмач провел первый урок сапотекского языка, постоянно поминая Косихо и Питао-Шоо.

Федор, польщенный вниманием, старался изо всех сил, понимая, что этот сапотек не так прост, как кажется, раз сумел заслужить доверие вождей, для которых человеческая жизнь была не ценней придорожной пыли. Возможно, он и не был судьей, выносящим приговор, и палачом, приводящим его в исполнение, как подозревал Ларин, но совершенно точно стоял в местной иерархии у самой вершины власти. Кем был «по должности» этот ученый сапотек, Федор пока не понимал, — не то чиновник, то не хранитель печатей. Но Чайка старался побыстрее выяснить это, поскольку тот сам начал учить его языку. Оба явно хотели знать друг о друге больше.

Первое, что уяснил Чайка, — сапотека действительно звали Итао. А тот, после непродолжительной тренировки, тоже стал называть своего пленника по имени — Чака. Он постоянно показывал сидевшему перед ним пленному финикийцу глиняные таблички, на которых были изображены какие-то пиктограммы, где Чайка порой с большим трудом мог разобрать замысловато нарисованных животных и людей, а также отдельные части их тел и явления природы. У него сложилось мнение, что здесь каждый сапотек от рождения должен быть художником, если хочет хотя бы в общих чертах понимать местную письменность.

По большей части на обожженных табличках находились стилизованные изображения солнца, крокодилов, обезьян, собак, ножей, мечей и другого оружия, а также танцующих людей и плывущих змей. Итао медленно, одну за другой, показывал Чайке пиктограммы, открывая при этом рот и выдыхая гортанные звуки. А потом требовал от Федора их воспроизвести.

Федор старался быть прилежным учеником, но получалось у него скверно. Дело продвигалось очень медленно, и порой даже терпеливый Итао приходил в бешенство и бил о камни свои глиняные таблички, после того как Федор неверно произносил название какой-нибудь пиктограммы. Особенные трудности перевода возникали, когда Итао просил Федора проговорить сапотекские понятия по-финикийски, чтобы научиться языку пришельцев, который слышал впервые. Чайка никак не мог придумать, как бы объяснить в двух словах сложные образы, зашифрованные в пиктограммах. Собственная речь показалась ему вдруг плоской и примитивной, невольно захотелось взять в руки кисть или мелки, чтобы начать рисовать.

Несколько раз Итао беседовал с другими пленными воинами, а чаще всего с Лехой Лариным, справедливо называя его вторым вождем пришельцев. Но эти беседы быстро зашли в тупик, прекратившись из-за взрывного характера скифского предводителя, который терпеть не мог учиться и подолгу талдычить прописные истины. Несколько раз он едва не побил своего учителя, — спасла вовремя вмешавшаяся охрана. А Федор, извинившись перед Итао за своего друга — «большого воина с огнем в сердце», — подозревал, что сапотек мог случайно заучить вместо финикийских несколько русских фраз и выражений, брошенных по неосторожности невоздержанным на язык Лехой.

— Ты поосторожнее с нашим ученым, — попросил Федор своего друга после очередного скандала, погашенного с применением силы, — помнешь еще случайно, кто за нас потом заступится перед вождями? Не забудь, что он с нами не забавы ради возится. Может и послать подальше, если ученики... не слишком смышленные попадутся. А смертный приговор нам никто ведь не отменял до конца дней.

Ларин виновато вздохнул.

— Да не смог я сдержаться, — пробормотал он, — до последнего терпел... а потом.

Федор молчал, а Леха продолжал оправдываться:

— Сует мне эти картинки под нос, мычит что-то нараспев, что твой шаман, да еще матерится не по-нашему, когда я его не понимаю. Ну, я и не выдержал... Не мое это, командир.

— Да, ученье — свет, — пробормотал Федор, — но тебе пока лучше действительно в камере посидеть. Учитель целее будет.

— Я и не против, — просиял Ларин, — главное, чтобы он со мной уроки свои тягомотные не продолжал. Что я ему, ученик, что ли... нашел тоже школяра, в самом деле.

— Ладно, — кивнул Федор, — я поговорю с Итао. Постараюсь убедить, чтобы он перестал передавать тебе свою мудрость. И мне почему-то кажется, что он не будет слишком настаивать на продолжении ваших занятий.

К счастью, занятия «по сапотекскому языку» проходили не каждый день. Бывало, что Итао исчезал на несколько дней кряду, а однажды пропал на целую неделю. Были у него, как выяснилось, заботы и кроме налаживания контактов с группой пленных финикийцев, содержащихся теперь во вполне сносных условиях. И, что самое приятное, без цепей, кандалов и колодок. Итао был уверен, что сбежать из этого дома и города невозможно, а потому не настаивал на усиленных мерах безопасности. Кроме того, он ценил, что вождь «финикитцу» Федор Чака и его люди даже не пытаются бежать, приняв свою судьбу.

На самом деле не проходило и дня, чтобы Леха Ларин или кто-то из воинов не поднимал вопрос о побеге. Но Федор пока медлил, кое-что он уже стал понимать в окружающем его мире сапотеков, но Монте-Альбан пока хранил свои секреты и ответы на интересующие его вопросы Чайка не получил. Он еще не настолько хорошо усвоил язык, чтобы вести долгие беседы на нужные темы. Да и не хотел раньше времени настораживать постепенно проникшего к нему доверием Итао, который уже пару раз туманно намекал, что скоро устроит ему прогулку с целью закрепления пройденного материала на местности. Поэтому Федор уговорил Ларина и своих людей, у большинства из которых не было такого развлечения, как изучение языка сапотеков, потерпеть до назначенного часа, как бы трудно это ни было. Поэтому главной проблемой финикийцев было сейчас вынужденное безделье. В основном пленники сидели в своей просторной камере, не имея новостей «с воли», придумывая себе всякие занятия, как настоящие эки. Когда не было занятий с Итао, они гуляли по двору, пристально осматривая стены и возможные пути побега, но таких пока не нашлось.

Окружавшее их заведение действительно смахивало на небольшую тюрьму для избранных с облегченными условиями содержания. Пленники не знали, одни ли они здесь или на соседних этажах томились другие узники. Здесь не попадались на глаза трупы, подвешенные на столбах в назидание остальным, но в остальном атмосфера была очень схожей. Отовсюду на них смотрели неприветливые лица сапотеков, вооруженных до зубов, ни на секунду не давая забыть, что они все же пленники, как бы хорошо к ним ни относились и как бы сносно ни кормили. Все время находясь под прицелом внимательных глаз, финикийцы быстро поняли настроение охранников — пошевелили они слишком быстро рукой или ногой и боевой топор мгновенно отрубит им лишние части тела.

Так прошел почти месяц, или даже больше, — Федор стал уже сбиваться со счета. Сидя взаперти, трудно было пересчитывать дни. В камере не было никакого дерева, чтобы делать на нем зарубки, как Робинзон Крузо. А чтобы высекать их на камне, нужны были инструменты. Позабыв о возможной казни, словно замененной на пожизненное заключение, финикийцы понемногу стали впадать в состояние, когда время не имело особого значения.

В один из таких дней, придя на очередное занятие под конвоем, Чайка впервые увидел на столе большую глиняную табличку не с иероглифами и пиктограммами. Рядом с правой рукой одетого по обыкновению в длинный балахон «учителя», который что-то увлеченно царапал на другой табличке отточенным каменным резцом, заменявшим ему карандаш, лежало нечто, очень напоминавшее карту какой-то местности.

Поприветствовав Итао, Федор сел, но не смог оторвать от нее взгляда. На рисунке ясно читались три горные цепи, окружавшие вытянутую долину, в дальнем конце которой был

нарисован квадрат, окольцованный змеей. Змея кусала свой хвост. Четвертую сторону долины, рассеченной несколькими линиями, похожими на дороги, замыкала заштрихованная полоса, в которой легко угадывался океан. «Значит, не ошибся, — подумал Федор, сдерживая радостный стук своего сердца, — там действительно большая вода. И река эта течет отсюда мимо гор прямо к ней».

Подняв глаза, Итао быстро перевернул и убрал эту табличку в сторону, прибавив к другим, лежавшим на дальнем краю стола. А затем поприветствовал Федора. Заметил ли он внимательный взгляд Федора или нет, Чайка не понял, а сам Итао не подал вида.

— Сегодня мы не будем учить слова, — заявил Итао, тряхнув своей косой.

— А что мы будем делать? — спросил Чайка.

— Я принес тебе нечто другое, — проговорил сапотек, — это называется...

Он произнес новое сочетание звуков, означавшее, как понял мгновение спустя Федор, карту или план. Итао перевернул небольшую табличку и с гордостью продемонстрировал ее своему ученику, рассчитывая на восхищение. Перед ним лежал расчерченный на многочисленные сектора прямоугольник, в центре которого легко угадывались священные пирамиды Питао-Шоо и других богов местного пантеона, рядом проходила линия воды, помеченная несколькими непонятными значками. Чайка видел в своей жизни и более искусные планы, но этот содержал в себе сейчас самую нужную информацию за все время обучения, и он как мог, изобразил восхищение на своем исхудавшем лице.

Глава четырнадцатая УРОК ИСТОРИИ

Но прежде чем удостоиться привилегии рассмотреть подробно карту города, в котором они жили, Итао неожиданно отложил расчерченную табличку в сторону и заговорил совсем о другом. Он подал сигнал охраннику, и тот внес в «камеру для допросов» — как ее называли все финикийцы, хоть раз побывавшие здесь — длинный изогнутый предмет, завернутый в кожу.

— Покажи, — приказал Итао воину.

Индеец развернул сверток, и восхищенному взгляду Чайки открылась его собственная фальката. Он уже потянул к ней руку, но неимоверным усилием сдержался. А воин, похоже, ожидавший такого движения, сделал быстрый шаг назад и закрыл за собой дверь. Федор остолбенел от неожиданности — его испытанное оружие почти коснулось его руки. Он мог бы выхватить его и положить всех, кто находился в комнате и рядом, а потом попытаться освободить остальных пленников. С фалькатой в руке ему было все нипочем. Но Федор сдержался, лишь сжав покрепче кулак, а потом осторожно поднял голову, встретившись взглядом с учителем. Итао внимательно изучал бурю эмоций, промелькнувшую за секунду на его лице и не ускользнувшую от проницательного сапотека, который хотел казаться проще, чем был на самом деле. «Так это была проверка, — решил Федор, — перед тем как выпустить меня на прогулку. Постановщик хренов».

Он решил, что не прошел эту проверку. Но Итао ничем не выказал своего недовольства, если оно и было.

— Хорошее оружие, — только и сказал он, — крепкое. У нас такого нет.

— Но ведь вы умеете плавить металл, — искренне удивился Федор, — ваши храмы покрыты золотом, а у военачальников я даже видел шлемы, покрытые этим металлом.⁹

До этого они почти целую неделю потратили на то, чтобы объяснить друг другу понятия «металл» и «золото». Теперь они могли говорить об этом, хотя и не без проблем.

⁹ Золото — тяжелый металл. Шлем целиком из золота был бы слишком тяжелым для использования в бою. Кусок золота размером со спичечный коробок весит полкилограмма. Литровая бутылка, заполненная золотым песком, весит приблизительно 16 кг.

— Да, мы украшаем дома богов... золотом, — ответил медленно Итао, бросив взгляд в прорезь окна, — потому что боги так захотели. Это они даровали нам золото, и только они одни достойны жить вместе с ним. Но мы не получаем его с помощью огня...

Услышав это, Федор озадачился. Он хоть и не был металлургом, но другого способа добычи золота не представлял, опираясь на знания из прошлой жизни. А там каждый школьник, даже двоечник, знал, что золото как-то выплавляют. Может, конечно, и были другие способы добычи этого драгоценного на всех континентах металла, но Федору они были неведомы. Похоже, сам Итао знал об этом процессе больше.

Он сделал жест, напомнивший Чайке о фалькате.

— Но это другое... другой... металл. Он твердый и гибкий одновременно. Режет все, что встречает на своем пути. У нас такого нет.

Федор кивнул головой. Пока что он действительно встречал у сапотеков только каменное оружие. Хотя шлемы на головах военачальников выглядели изготовленными из металла, очень похожего на золото. И Федор не удержался, чтобы не уточнить этот момент.

— Избранные среди нас могут быть подобны богам, если всегда готовы умереть, — туманно ответил сапотек.

«Значит, шлемы военачальников все же из золота, — перевел для себя этот витиеватый ответ Федор, — тогда как же они изготавливают эти вещи? С виду так похожие на литье. Темнит что-то учитель». Но больше вопросов на эту тему задавать не стал, решив не раздражать ученого сапотека излишним вниманием к золоту, которым здесь по определению обладали лишь боги, да еще избранные. Это как везде.

В свою очередь Итао также интересовал способ изготовления оружия из металла.

— Как вы сделали свое оружие таким прочным и острым, как камень? — напрямую спросил Итао, в глазах которого сверкнул огонек, словно он приблизился к разгадке большой тайны, обладание которой сделает его народ сильнее всех соседей, — у вас его много?

Но Федор слегка разочаровал собеседника, попытавшись, однако, смягчить отрицательный ответ, чтобы не потерять доверие учителя. Оно было еще нужно ему самому, чтобы получить кое-какие ответы.

— Да, у нас его много. Каждый воин имеет фалькату или меч, а также копье с наконечником из твердого металла, — с плохо скрываемой гордостью и даже превосходством произнес Федор, не удержавшись от удовольствия немного поупотребить местных властителей мощью далекого Карфагена, — твердый металл у нас везде. Мы делаем из него шлемы для воинов, сосуды для питья и даже гвозди и скобы для кораблей.

При этих словах Итао схватил пустую табличку и стал что-то на ней нацарапывать каменным резцом. «Давай, давай, — подбодрил его мысленно Федор, — конспектируй для потомков. Вот потом археологи с ума-то посходят».

— Но я не ученый, — продолжал Федор, откинувшись назад на своей неудобной скамье. — Я воин. Знаю лишь, что твердое оружие делают наши мастера-оружейники в больших количествах с помощью огня.

Итао принял этот ответ на веру и даже записал. Огонь в качестве участника производства металлов был ему наверняка знаком. Станный разговор, иногда напоминавший игру в кошки-мышки, продолжился.

— Ты говорил о кораблях, — сменил тему сапотек, немного подавшись вперед и отвлекшись от таблички. Его лицо опять приняло выражение крайней заинтересованности, только на этот раз оно казалось искренним, как у ребенка, который говорит о своих любимых игрушках, — расскажи мне о том корабле, на котором вы приплыли сюда.

«А парень любит корабли, — озадачился Федор, — интересно, откуда он о них знает. Большого флота у ольмекских берегов я что-то не заметил. Может, у этих друзей флот имеется».

— Нарисуй, — предложил Итао, пододвинув к Федору табличку и каменный резец.

«Ну вот опять, — озадачился Чайка, ощутив себя ненадолго в шкуре Лехи Ларина, — ну не художник я, чтобы по-вашему на жизнь смотреть. Солдат я». Но все же схватил резец

и, как мог, изобразил профиль квинкеремы.

— А парус, — попросил Итао, — нарисуй парус.

«Лучше скажи — „высеки“», — едва не огрызнулся Чайка, которому вырезание по глине давалось путем больших усилий. Он невольно посмотрел на руки ученого сапотека, не слишком крепкого с виду. Руки учителя, однако, были жилистые и сильные. Это бросалось в глаза, если присмотреться.

«Немудрено при таком письме. Вы бы тут бумагу, что ли, выдумали, — зло думал Федор, вычерчивая корявые контуры паруса каменным резцом, — чем с камнем так постоянно развлекаться».

Наконец, Федор закончил и протянул картину сапотеку. «В семье не без художника», — подумал Чайка, провожая взглядом свои путаные линии, которые иначе как каракулями назвать и не мог. Он даже распереживался об отсутствии художественного таланта, чего раньше за собой не замечал. Но сапOTEK жадно схватил табличку и с интересом впился в нее глазами, вновь став похожим на удивленную птицу. Некоторое время он молчал, не отрывая взгляда от рисунка, а потом пробормотал:

— Большой корабль. Больше прежнего. Но парус у тех был другой.

— А какой у них был парус? — попытался использовать момент Федор, видя, насколько поражен его художествами ученый сапOTEK: — И где вы его видели?

К его удивлению, Итао схватил резец и быстро нацарапал на другой табличке схематичное изображение корабля и почти треугольный парус. Учитывая точность исполнения, которая превосходила художественные способности Федора в несколько раз, это был корабль среднего размера, меньше квинкеремы, но с двумя мачтами и парусами. Вёсел на нем Чайка не увидел. Впрочем, даже на таком судне можно было при большом везении и небольшой команде переплыть океан. Только вот зачем? Угрозы местным жителям, в отличие от мощного флота Карфагена, это суденышко явно не представляло. «Может быть, это были какие-то беглецы из своей страны, — подумал Чайка, — интересно, из какой. И что с ними стало потом».

— У вас есть флот? — напрямик спросил Федор и, увидев непонимание в глазах учителя, пояснил, указав на табличку: — Ну, вот такие корабли, большие лодки, как у нас или у... них. Много.

Итао молчал некоторое время, размышляя. Но, все же ответил, хоть и уклончиво.

— Сапотеки — облачный народ, наша страна — горы.

«Тоже ответ, — кивнул Федор, — хотя и не однозначный. Долина-то до океана тянется, кажется. Даже если они и не мореплаватели, как спартанцы, и флота у них, допустим, нет, то с кораблями этот ученый сапOTEK явно знаком».

— А откуда они приплыли? — продолжал гнуть свою линию Чайка, увидев, что Итао был настолько поражен новостями, что мог и рассказать нечто интересное, пока не очнулся. — Ну те, кто появился здесь до нас.

СапOTEK долго не отвечал. Молчал и сопел, думая о чем-то своем.

— Мы не знаем, — наконец разоткровенничался Итао, — их видели только мои далекие предки. А я видел лишь рисунки их лодок. Рассказывают, что люди из-за бесконечного моря были смуглыми и на их лицах отчего-то росли волосы.¹⁰ Как... у вас.

«Значит, кораблей было несколько, — чуть не вскрикнул Федор, — да и прибыли они сюда, скорее, со стороны Тихого, или как он тут называется, океана. Похоже, из того региона, где позже будет Япония или Китай, если будет, конечно. А мы добирались до этих

¹⁰ Некоторые археологические находки на месте древних поселений ольмеков и сапOTEKов говорят о том, что еще в доколумбовой эпохе могли состояться контакты индейцев Месоамерики с жителями других материков. Например, было найдено немало базальтовых скульптур, изображавших людей, которые имеют бороды. Современная генетика утверждает, что у чистокровных американских аборигенов никогда не было бород. Исследователями было высказано множество гипотез и предположений, однако постепенно все пришли к единому мнению, — на рельефных скульптурах изображены вовсе не сами американские индейцы.

берегов совсем из других земель. Да тут просто проходной двор какой-то, а не затерянный мир».

Чайка хотел задать еще один вопрос, но не успел. Итао вдруг тряхнул своей шевелюрой, собравшись с мыслями. И разговор потек в другом направлении.

— А откуда твой народ приплыл на большой лодке? — спросил сапотек, глядя прямо в глаза своему собеседнику. — Ведь вас захватили в землях ольмеков.¹¹

— Да, — кивнул Федор, нехотя вспоминая этот эпизод своей жизни, и начал трудный рассказ, который должен был показать карфагенян в лучшем свете, — так оно и было. Мы приплыли на своих... своем корабле к берегам ольмеков, чтобы...

Он помолчал, подбирая слова и образы, понятные сапотекам.

— Чтобы торговать. Обменяться товарами и оружием. А они захватили нас и захотели принести в жертву своим богам вместе с двумя вашими солдатами.

Немного упростив ситуацию, о неудачном нападении карфагенской армии на город Чайка умолчал, как и о том, что его друг Ларин просто ограбил священное место ольмеков, позаимствовав оттуда золотого идола. При виде золота у многих пропадал рассудок и просыпались совсем другие, потасненные чувства. Это он уже давно заметил и не особо удивлялся таким проявлениям человеческой души.

— Но случилось землетрясение и нам удалось бежать, — продолжал Чайка, — а заодно спасти их. Так мы оказались в горах, где повстречались с вашей армией.

Федор нервно облизал губы, припомнив детали этой встречи.

— Когда мы столкнулись с вашими солдатами, нас было уже мало, и они вдруг напали на нас. Военачальник сапотеков взял нас в плен, хотя мы не хотели с ним воевать.

— Тарки-Чулу храбрый воин, — согласился Итао, едва заметно улыбнувшись кончиками губ, — и любимец богов. Он никогда не признает поражения.

«Да, — подумал Федор, отводя глаза, — это я заметил. Неблагодарный».

— До сих пор он был нашим самым сильным воином и недавно стал военачальником. Жрецы Питао-Шоо приблизили его к богам. Но я слышал, что ты его победил в честном бою, — медленно проговорил Итао, — хотя и не очень в это верю.

Чайка промолчал, решив, что в этой ситуации слова ни к чему. Его собеседник уже сделал правильные выводы.

— Но на тебе есть и другое проклятие, — напомнил ученый сапотек, — смерть священного животного. Ты лишил жизни одно из воплощений Питао-Шоо. Своего спасителя.

Федор вздрогнул. «Да, грехов у меня немало, по местным законам на высшую меру давно насобирал. Чего теперь отпираться, все равно не забудут. Но при чем тут спаситель? Этот спаситель меня съесть хотел, на куски порвать».

— Но как хранитель священных знаний богов и третий жрец Питао-Шоо, — на удивление спокойным голосом заявил Итао, — воплощением которого на земле является ягуар, я говорю тебе, что вы с ним связаны.

Чайка напрягся, но, услышав столь неожиданный вывод, поднял голову, позабыв даже повиниться.

— Из плена ольмеков вас спас именно Питао-Шоо, — заявил ему собеседник, вдруг оказавшийся третьим жрецом ягуара.

Лишившись дара речи от такого предположения, Федор молча ждал дальнейших объяснений жреца.

— Питао-Шоо разгневался и наказал ольмеков, — с праведным гневом в голосе заявил сапотек, даже вскочив со своей скамьи, — именно поэтому он разрушил их грязный город.

Чуть успокоившись, он вновь сел и вперил гневный взгляд в Чайку.

¹¹ Безусловно, ольмеки и сапотеки называли друг друга иначе. Эти названия даны племенам Месоамерики современными исследователями.

— Но для похода наших воинов, направлявшихся на войну, это был дурной знак, — пояснил он дальнейшие события, — бог сказал нам, что сам уничтожит жадных ольмеков. А нам велел возвращаться домой и ждать нового знака.

«Так вот почему сапотеки развернулись назад, — едва не ухмыльнулся пораженный открытием Федор, — землетрясения испугались. Теперь все ясно. А мы, значит, с ягуаром друзья навек. Он меня из плена ольмеков вывел, а я его после этого заколол. Просто чудовище получаюсь, не иначе. Сами-то они тут, сердобольные, сердца пленников своему ягуару на раз вырезают и скармливают. Нет, мне теперь одно интересно, куда они потом его шкуру подевали? Наверное, висит где-нибудь как амулет и злых духов отгоняет».

Но от нахлынувших внезапно богохульных мыслей Федора оторвал другой вопрос, вернувший его в суровую реальность.

— А как вы попали в плен к ольмекам? — спросил вдруг Итао, слегка прищурившись. — Обычно они жертвуют своим богам воинов, захваченных в сражении. Сколько людей из твоего народа приплыло на большой лодке?

— Не много, — соврал Федор, решив стоять на первой версии до конца, в надежде, что этот пронизательный сапотек все же не узнает правды, — несколько раз по столько, сколько нас сейчас.

Цифры они почти не проходили, поэтому Чайка объяснил, как смог. Он сглотнул слюну и посмотрел собеседнику прямо в глаза, продолжив врать уверенным тоном.

— Мы приплыли торговать, и воинов среди нас было немного. Но когда мы оказались на побережье, на нас напали воины ольмеков. Целая армия. Большинство из нас погибло, а оставшихся в живых взяли в плен. Потом мы сбежали. А остальное вам известно.

«Кажется, прокатило, — подумал Федор, опуская глаза, — хотя с этими жрецами до конца ни в чем уверенным быть нельзя. Сегодня он со мной любезничает, потому что я ему нужен, а завтра сердце вырежет и ягуару скормит».

— Как далеко находится твоя земля? — помолчав, спросил бесцветным тоном Итао, слегка встряхнув волосами.

Чайка так и не смог понять, поверили ему или нет.

— За морем, очень много дней пути отсюда, — ответил он первое, что пришло на ум.

— А зачем вы отправились так далеко? — улыбнувшись, словно это был самый простой и незначительный вопрос, проговорил сапотек.

Чайка уже начинал уставать от затянувшегося общения. Сегодня они говорили много и очень долго. Еще ни разу их беседы не затягивались больше часа, а сегодня собеседники поневоле не выходили из этой каморки уже часа три, если не больше.

— Нас отправили наши старейшины, чтобы найти новые места, где можно свободно торговать с чужеземцами, — произнес истинную правду Федор и добавил, напомнив сапотеку о своей фалькате: — У нас есть что предложить: оружие, корабли и еще кое-какие знания. Мы должны... были вернуться на родину и рассказать о том, что видели.

— Сапотеки счастливы тем, что дают им боги, — заявил Итао так, словно выносил приговор, — мы не любим торговать с чужеземцами.

«Ну да, — подумал Федор, глядя в глаза собеседника, словно затуманенные пеленой, — зато регулярно пытаетесь грабить ольмеков, а может, и еще кого. Видно, те все-таки живут лучше».

Федор, конечно, уразумел еще далеко не все насчет отношений между местными народами, но соперничество между сапотеками и ольмеками, судя по всему, беспокоившими друг друга регулярными набегами из своих крепостей, было настолько явным, что его нельзя было не заметить. По ряду признаков и беглых наблюдений ольмеки показались ему не просто более богатым, но и более древним народом, чем сапотеки. Однако это же наблюдение говорило, что сапотеки моложе, они развиваются, и будущее, вполне возможно, за ними. Насчет других местных народов Чайка пока ничего не знал. Если они и были, то вероятно, не занимали столь больших территорий, как эти два государства, делившие между собой протяженный кусок земли от одного океана до другого.

«Кстати, о крепостях», — вспомнил он вдруг одно из своих важных наблюдений.

— Скажи, а кто построил ту крепость в толще скалы, что я видел на окраине ваших владений? — задал давно мучивший его вопрос Чайка, особо не надеясь на ответ, и честно признался: — Она меня поразила. Грандиозная постройка.

Но, к своему удивлению, финикиец услышал ответ.

— Эти каменные проходы существовали задолго до того, как первые сапотеки пришли в эти места, — объявил ему Итао, — их создали боги, научившие наших далеких предков обрабатывать камень. А мы лишь унаследовали их.

«Интересно, — подумал пораженный Федор, — у ольмеков я видел почти такие же катакомбы в скалах. А их кто научил? Вероятно, те же боги, только чуть раньше. Одно ясно — в древности тут жил кто-то, умевший обращаться с застывшими глыбами так же легко, как с мягкой глиной».

— А как называют ваших врагов? — вдруг спросил Федор, и сам удивился собственной наглости. — Ведь они живут на равнине и гор у них меньше. Может, «болотные люди»?

Ученый сапотек и тут не задержался с ответом, видимо, посчитав его вполне уместным.

— Нет. Их называют «жители страны...» — Последнее слово ускользнуло от Чайки и ему понадобилось еще несколько минут внимательно слушать объяснения нового понятия, прежде чем он окончательно уразумел, что речь шла о какой-то резине или ее подобию. Еще через десять минут, посмотрев на несколько пиктограмм и иероглифов, начерченных терпеливым Итао, вернувшимся к роли учителя из роли жреца ягуара, Чайка наконец вспомнил слово «каучук».

— «Жители страны каучука», — проговорил он от радости вслух, — так вот как вас здесь называют.

Из объяснений Итао следовало, что ольмеки, единственные из индейцев этих мест, еще в древности овладели искусством собирать и производить каучук, используя его во многих областях своей жизни. Например, на строительстве зданий и кораблей, которых из-за обилия рек у них было гораздо больше, чем у сапотеков. Ольмеки использовали каучук почти повсеместно, чего не умели остальные индейцы. Секрет производства этого удивительного материала им, конечно, даровали боги, их предки, — древние черные великаны, обитавшие еще в незапамятные времена в этих местах. С тех пор этот секрет хранили жрецы ольмеков, которые контролировали весь процесс от сбора сырья до производства.

— Разве предками ольмеков были черные гиганты? — удивился Федор, еще в своем времени слышавший какие-то обрывки подобных легенд.

— Ты слишком много хочешь знать о наших врагах, — заметил сапотек, по голосу которого было заметно, что и он уже смертельно устал, — а мне уже пора уходить. Меня еще ждут дела в храме. Сегодня вечером мы должны принести жертвы Питао-Шоо.

— Это правда, — не стал юлить Федор, стараясь не показывать, что слегка разволновался, когда жрец ягуара неожиданно заговорил о жертвах, — я действительно хочу знать больше о ваших врагах. Но лишь для того, чтобы понять, как их победить и помочь сапотекам выиграть новую войну.

Итао немного помедлил, размышляя над словами своего собеседника, как будто решая верить ему или нет. Наконец, решил.

— Ладно, — смилостивился третий жрец Питао-Шоо, немного подаваясь вперед, — я расскажу тебе о том, откуда взялись наши враги. Но это будет последняя история на сегодня.

Федор с радостью кивнул.

Прежде чем начать свой рассказ о предках врагов, ученый сапотек неожиданно достал из груды табличек ту самую, что в начале разговора случайно заметил Чайка, и, перевернув, положил ее перед собеседником. Это была карта страны сапотеков с прилегающими к ней территориями. Довольно схематичная, но все главные районы на ней были отображены вполне сносно.

— Совет вождей разрешил мне научить тебя нашему языку и поведать нашу историю, — вдруг сообщил Итао Федору неожиданную новость, — но наша жизнь и смерть

неотделимы от жизни и смерти наших врагов. А значит, ее ты тоже можешь узнать.

«Интересно, — невольно подумал Чайка, благодарно кивнув, — чего больше хотел добиться этот совет вождей: научить меня истории сапотеков или услышать мою собственную. Впрочем, какая разница. Главная радость в том, что я могу теперь увидеть карту местности. Вот это удача. И не ждал такой. А откуда там взялись эти изверги, что нас чуть не казнили на пирамиде, это мне наплевать».

И он впился глазами в глиняную табличку, лежавшую перед ним.

— Знаешь ли ты, что такое... — высокомерно поинтересовался Итао и минут пятнадцать, прежде чем перейти к легендам ольмеков, объяснял недогадливому ученику из далекой страны «Картхадаш» значение слова «карта».

«Куда уж нам, — ухмылялся Чайка, изучая карту страны сапотеков под мерное бормотание Итао, — лаптем щи хлебаем. Знал бы ты, что такое компас или самолет, вот я бы удивился».

Держава сапотеков простиралась, если верить глиняной карте, почти от самой середины «узкого» перешейка между двумя океанами, разделенного в этом месте горами, выраставшими из самых болот, вплоть до одного из этих океанов, который Федору был знаком под именем Тихий. Вся страна сапотеков размещалась главным образом в системе долин под названием Оахака,¹² перетекавших одна в другую. В той, самой широкой долине, где стоял главный город сапотеков, известный Федору как Монте-Альбан, было еще несколько более мелких поселений, ближе к океану. Исконное название «запретного города» звучало на языке сапотеков как восхваление сразу нескольких воплощений Питао-Шоо и представляло собой почти двадцать пять букв, произносимых нараспев, которые Федор предпочитал пока не использовать. В кругу финикийцев он употреблял более короткое название, всего из одиннадцати букв, тоже казавшееся ему порой слишком длинным. Все равно кроме него никто так углубленно не изучал язык сапотеков. Последние недели Итао общался только с Федором, прекратив обучать остальных.

Главная долина была разделена несколькими дорогами. Вероятно, все они были мощеными, как и та, по которой их привели сюда. Две из них проходили вдоль края долины, повторяя изгиб горных хребтов, обе имели ответвления, пересекавшие эти хребты на перевалах, неподалеку от других поселений сапотеков. «Значит, в соседних с ними долинах тоже теплится какая-то жизнь, — подумал Федор, — а кроме того, эти дороги, могут быть предназначены для переброски армии сапотеков в направлении главного удара».

Но если левый «отросток» действительно вел через хребет в соседнюю долину, где мог жить кто-то еще, кроме сапотеков. То правый выводил потенциальных захватчиков напрямик в горную страну, которая простиралась с запада на север до самого центра перешейка, где уже начинались владения загадочных ольмеков, хранителей секрета изготовления каучука.

«Неужели там еще кто-то живет? — озадачился Чайка. — Судя по рисунку, высота гор там гораздо больше. Впрочем, все может быть».

Самый «изученный» и короткий путь обратно — назад, по единственной знакомой дороге и сквозь каменную крепость — в случае побега представлялся самым невероятным для исполнения.

«Значит, надо придумать что-то другое, — размышлял Федор, изо всех сил делая вид, что слушает своего учителя, — похитрее, чтобы запутать преследователей. Возможно, двинуться в сторону океана, а потом повернуть назад, не исключено, что через горы, раз другого пути не видно. Достичь океана и спускаться по карте вдоль него, тоже можно, но это самый дальний путь. Неизвестно вообще, что там, на берегу и куда попадем, если выживем. В общем, для начала надо как-нибудь добраться до гор, а там посмотрим. Идти лучше все-таки обратно, строго на север. Может быть, кто-то из наших людей все-таки выжил.

¹² Для простоты ориентации на местности в тексте используется современное название.

Конечно, придется сделать небольшой крюк, но для бешеной собаки...»

Все реки здесь текли в сторону Тихого океана. Это было не по пути. Скорее, наоборот. Но, размышляя, как именно добраться до ближайших гор, Чайка вновь обратил свое внимание на единственную обозначенную реку — хотя их наверняка было больше, — огибавшую Монте-Альбан и стремившую свои воды сквозь самую крупную долину к Тихому океану. На местном наречии она называлась Куаукутера, и один из ее изгибов находился буквально в двух шагах от хребта, перевалив через который, можно было вновь начинать двигаться в обратном направлении.

«Хорошо бы слепочек с этой карты сделать, — размышлял Федор, — хотя в целом я все и так запомнил. Спасибо ольмекам, только ради них наш Итао расщедрился на карту».

Закончив свои наблюдения, Чайка вновь обратился в слух, тем более что учитель уже давно рассказывал увлекательную историю про каких-то великанов.

— ...легенды наших врагов гласят, что их предки пришли на эту землю из далеких мест, объятых горным холодом. Их далекая родина носила название Семи Пещер и обратный путь к ним указывали звезды.

— Пещеры на севере, — произвольно проговорил Федор, пытаясь представить, где это место могло находиться.

— Их предки приплыли морем, как и вы, долгое время бороздив край бесконечных вод на огромных кораблях без весел и парусов, — продолжал вещать своему ученику знакомую до мельчайших подробностей легенду ученый сапотек, — а, сойдя на берег, обосновались в селении Тамоанчан,¹³ что на древнем языке означало «место дождя и тумана».

«Стоило плыть так долго, чтобы поселиться в таком гнилом месте, — удивился Федор, — видно, на их прародине дело обстояло еще хуже. Да и с интуицией на погоду у них не лучше, чем у Петра Первого было, как я погляжу».

— Затем мудрецы племени уплыли, — произнес Итао, — а оставшиеся заселили эти земли и стали называть себя по имени своего великого вождя.

— Как его звали? — не удержался Чайка.

— Они называли своего первого вождя Ольмека Уимтони, — заявил Итао.

— Это все? — уточнил Федор, решив, что легенда иссякла.

— Это только начало, — удивил его жрец ягуара, — имей терпение, если хочешь изучить прошлое своих врагов.

И стал так неторопливо излагать историю возникновения племени ольмеков, что Федор даже посмотрел на него с некоторым удивлением. Еще пять минут назад этот ученый сапотек горел желанием куда-то уйти, но стоило ему войти в роль учителя истории, как он позабыл обо всех делах. В том числе, похоже, и о жертвоприношении ягуару, на котором должен был исполнять какой-то обряд. «Ну ладно, — даже обрадовался этой заминке Федор, — может быть, жизнь кому-нибудь спасем».

Однако, по мере того как он слушал, Чайка находил легенду все более занимательной. Оказалось, что прародина ольмеков, город Тамоанчан, была каким-то мифическим местом.

¹³ *Тамоанчан*. Изначально мифическое место под названием Тамоанчан индейцы Месоамерики связывают с легендой о появлении в далекой древности могучего народа, основавшего здесь свое царство. Согласно легенде в царстве (и городе) Тамоанчан жили великие правители и жрецы, а также искусные в разных областях мастера и хранители знаний. Именно этот полумифический народ создал цивилизацию, влияние которой испытали впоследствии все другие народы Центральной Америки, — в числе которых сапотеки, тольтеки, ацтеки и майя. Слово «Тамоанчан» на языке майя означает «Страна дождя и тумана». Чаше всего этим именем древние обитатели называли влажные тропические равнины на южном побережье Мексиканского залива (Веракрус и Табаско). В старинных индейских преданиях говорится, что в этой области издавна обитали ольмеки. Археологи считают, что именно ольмеки и их достижения стали «базовой» цивилизацией для всей Месоамерики.

Впоследствии в древних преданиях центральноамериканских индейцев название Тамоанчан упоминается как земной рай, родина кукурузы и других растений. В мифологии более поздней цивилизации ацтеков Тамоанчан (земля Пернатого Змея) — также земной рай. Считается ацтеками местом рождения человечества.

Тамоанчан, по преданию, был построен великанами, имевшими, кроме огромного роста, еще и черный цвет кожи. По преданию древних индейцев, именно там был «сделан» первый человек, расселившийся впоследствии по всей Земле. «Интересная версия, — подумал Федор, — мы рай у себя ищем, они у себя. Видимо, всем чего-то не хватает».

— И где находится этот Тамоанчан? — как бы между делом поинтересовался Чайка, осмелившись прервать своего собеседника.

— Точно этого не знает никто, прошло уже огромное время, а оно стирает все, — пояснил Итао и свойственным ему театральным жестом указал на карту, — но где-то здесь, в краю, где смыкаются непроходимые горы и болота, краю дождей и туманов, находится город Безголовых. Дальше, в горах, есть еще один заброшенный город Чолула. И Тамоанчан и эти города, по преданию, построили великаны.

Федор проследил за указующим перстом жреца ягуара и уразумел, что город Безголовых должен находиться где-то на стыке центрального горного хребта и болотами, примыкавшими к владениям ольмеков. А может быть, эти таинственные и труднопроходимые земли тоже были владениями ольмеков.

— Чей город? — переспросил удивленный Федор, вспомнив о каменной голове, которую ему довелось увидеть во время бегства из плена.

— В этом городе, по преданию, находилось множество статуй великанов, — спокойно заявил Итао, — которые считали себя равными богам и восхваляли себя таким образом. Но однажды Питао-Шоо разгневался на них и разрушил город гигантов, оторвал головы всем статуям и разбросал их по всему миру.

— Хм, — озадачился Федор, вновь посмотрев на карту, — похоже на правду. Хоть какое-то объяснение тем головам.

— О чем ты говоришь? — не понял его ученый сапотек.

— Да видел я одну такую голову, в лесу, — нехотя признался Чайка, — когда бежал из плена ольмеков. Мы думали, что это местное божество.

— Ольмеки до сих пор чтят великанов как своих предков, — кивнул Итао, — они верят, что в древние времена на Земле жила раса древних гигантов. И ольмеки, а точнее, все люди, произошли от чернокожих великанов.

«Ну дела, — ухмыльнулся Чайка, постепенно вспоминая детали, — значит, по местным поверьям, я тоже произошел от чернокожего великана. Не знаю, как оно там было на самом деле, но каменную голову действительно словно с негра лепили: пухлые губы, рот, уши... Такое впечатление, что африканский след здесь все же был. Но как? Мы сами живем в Африке, а я что-то не припомню там столь сильных и цивилизованных народов, как финикийцы, чтобы они могли построить флот и переплыть океан. Неужели правда, в далекой древности мы были великанами, да еще чернокожими, а потом стоптались немного? Бред какой-то».

Федор помолчал, вдруг подумав о том, что этот самый город Безголовых великанов, а может быть, и сам древний Тамоанчан находится как раз на пути возможного бегства к побережью. «Вот бы на него посмотреть», — размышлялся Федор, совершенно позабывший, что он пленник в самом закрытом городе на Земле.

— А этот город Безголовых кто-нибудь видел? — вновь задал вопрос Федор, заинтригованный информацией легендарного свойства. Головы-то были совершенно реальными, а выглядели действительно так, будто их кто-то перенес по воздуху и сбросил в лес. «Может, и правда Питао-Шоо разбушевался?» — нахмурился он.

— Есть древние свидетельства о том, что этот город существовал, — туманно пояснил Итао, — как и Тамоанчан. Многие жрецы уверены, что он и сейчас существует в джунглях, краю дождей и туманов, только он скрыт от глаз и показывается лишь избранным.

— Значит, простым смертным его не увидеть, — кивнул Федор, — ясно.

Он посмотрел в прорезь окна, замолчав ненадолго.

— А за что разгневался на древних великанов Питао-Шоо? — почему-то переспросил Чайка. — Только за то, что понастроили множество статуй?

— Не только, — терпеливо пояснил сапотек, у которого, казалось, был ответ на любой вопрос, — они слишком часто смотрели на звезды, пытаясь украсть у богов больше мудрости, чем им было отпущено.

— Это как? — не понял Чайка.

— Легенда гласит, что когда-то в Тамоанчане и городе Безголовых было множество обсерваторий, чтобы наблюдать за перемещением звезд.

Здесь Итао вновь остановил свой рассказ и долго объяснял Федору, что такое обсерватория и для чего их строили древние гиганты. Чайка же молча кивал, вспоминая, что действительно видел на пирамиде ольмеков помещение, очень походившее под описание обсерватории.

— А зачем наблюдать за звездами? — прикинулся простаком Федор Чайка, подыгрывая желанию ученого сапотека лишний раз потешить самолюбие.

— Звезды говорят нам все, — ответил Итао, посмотрев на неразумного ученика со смесью удивления и даже презрения, — там живут наши боги. Они дали древним гигантам их власть над миром, а те в свою очередь многому научили ольмеков. И ольмеки уже много веков тоже наблюдают за звездами.

— Значит, здесь, в этом городе, — Федор с большим трудом проговорил все буквы местного названия Монте-Альбана, — тоже есть обсерва... тории?

— Конечно, — кивнул Итао, — когда мы закончим наш разговор, я покажу тебе одну из наших обсерваторий, через которую мы говорим с богами.

— А вы не боитесь, что Питао-Шоо разгневется на вас, как на древних великанов-гигантов? — усмехнулся Федор. — И разрушит этот город.

— Мы не стремимся украсть больше мудрости, чем нам дарует Питао-Шоо, — уклончиво ответил сапотек, которого этот вопрос против воли заставил вздрогнуть, что не ускользнуло от Федора, — а, кроме того, это только легенда.

«Ого, да ты, похоже, атеист, — подумал про себя Федор, — боги богами, но политику ведешь верно».

— А у вашего народа есть обсерватории? — поинтересовался в свою очередь Итао, вставая, что означало конец занятий на сегодня.

— Да, — кивнул Чайка, — мы тоже говорим с богами.

Глава пятнадцатая ПРОГУЛКИ ПО ГОРОДУ

Все следующее утро Федор напрасно посматривал на массивную дверь, ожидая вызова на долгожданную прогулку по Монте-Альбану в сопровождении третьего жреца ягуара. Итао не пришел. Он не пришел и на второй день, и на третий. Когда миновало пять дней, Чайка стал терять терпение, решив, что жрец позабыл о своем обещании. Или передумал, решив изменить его.

— А может, заподозрил что? — спросил его Леха, развалившийся после сытного завтрака из лепешек, сыра и воды на циновке. — Ты там с вопросами не переборщил?

— Не знаю, — пробормотал Федор, сидя на своей циновке, как буддийский монах, и отрешенно смотря вдаль сквозь прорезь высокого окна, — конечно, вопросы я задаю, а как иначе узнаешь, что тебе нужно. Но наш учитель это любит, ты сам знаешь.

— Знаю, — кивнул Ларин, нехотя вспоминая, — только я не люблю.

Оба помолчали.

— Если он сегодня не придет, — прервал затянувшееся молчание Ларин, поправив бахрому индейского одеяния, которое им выдали недавно взамен совершенно истлевшего своего, — то дня через два на прогулке попробуем сбежать. Мы с Цорбалом и Пиргом присмотрели на стене одно местечко, где блоки отходят один от другого чуть больше и есть возможность вскарабкаться быстро наверх. Главное, чтобы лучники не успели среагировать.

— Успеют, — спокойно заметил на это Федор, тоже поправив свой балахон, если бы не

отсутствие пояса, очень походивший на длинное японское кимоно, разукрашенное бахромой и рисунками каких-то божественных птиц, — для начала их как-то нужно нейтрализовать.

— Об этом не переживай, — отмахнулся скифский адмирал, — ребята тут уже так засиделись, что вскарабкаются на любую стену без всякого снаряжения и с лучниками разберутся голыми руками, если придется. Хоть с сотней. У них просто руки чешутся на каждой прогулке, только твой авторитет не дает.

— Так надо, — проговорил Чайка, повернувшись к Лехе, — еще нужно немного выждать. Ты же помнишь, географию долины я уже выведал, карту наизусть помню. Но мы не знаем еще, как из города выбраться. А это может быть сложнее, чем по полям бегать.

— Ну смотри, Федор, — пригрозил Ларин, — терпение на исходе. Если ты со своим гуру не договоришься о чем надо, придется выбираться отсюда, позабыв про него. Чует мое сердце, недолго нам здесь осталось.

— Я думаю, — попытался успокоить нетерпеливого друга Чайка, — думаю, как раздобыть карту города.

— Ты лучше думай, как оружие раздобыть, — тактично напомнил Леха Федору о недавнем разговоре.

Чайка снова умолк. Да, тут было о чем поразмыслить. Бежать из плена безоружными это было все равно, что совершить самоубийство. Весь город был наводнен вооруженными сапотеками, если не вспоминать про многочисленную охрану самого тюремного заведения, с которой предстояло разобраться в первую очередь. Ларин предлагал, взобравшись по стене внутреннего двора, захватить башню, обезоружить охрану и прорываться в сторону большой городской стены, чтобы спуститься по ней вниз на каких-нибудь веревках. В этом лихом плане, не считая почти непрерывного сражения с многочисленными сапотеками, был еще один изъян — высоту стены они представляли себе весьма приблизительно, а, соответственно, и длину веревок, которые понадобятся. О том, где их взять, тоже пока не додумались. Но истомившемуся взаперти Ларину было все равно, он предлагал ввязаться в бой, а там видно будет.

— Найдем где-нибудь, — отмахнулся он от назойливых вопросов командира, пытавшегося продумать план побега до мелочей, — нам бы только оружие раздобыть да за стены КПЗ выбраться. А там разберемся.

Федор не соглашался, хотя понимал, что и в самом деле уже не сможет сдерживать своих бойцов слишком долго. Они, конечно, не в одной передрыге с ним побывали, но провели в плену у сапотеков уже довольно большое время, веря в его авторитет, однако не получили пока никаких подтверждений, что побег удастся. Или хотя бы, что состоится попытка.

Насчет оружия вопрос представлялся не таким сложным. После того как Чайке совершенно неожиданно продемонстрировали его собственную фалькату, о которой он и думать забыл, командир карфагенян стал присматриваться к окружающим помещениям, а заодно к поведению охраны. И вскоре, по некоторым едва уловимым признакам, благодаря оплошности Итао, выяснил, что фалькату хранили в соседней с помещением для допросов камерке, за крепкой дверью, у которой все время маячил охранник. Итао настолько интересовался своими пленниками, что держал их оружие прямо здесь, в тюрьме, чтобы иметь возможность изучать его при необходимости с самими финикийцами. Это было настоящей удачей.

— Даже если там только фальката, — заметил Ларин, когда Федор поведал ему о своем открытии, — то это уже здорово. А если там еще и мой нагрудник, а также все остальное, что у нас отняли, то, захватив этот арсенал, мы быстро перебьем всю охрану.

— Ни щитов, ни шлемов там все равно наверняка нет, — возразил Федор, — а наша охрана и копья метать и стрелы пускать умеет. Так что ты не слишком радуйся раньше времени.

— Ничего, — ухмыльнулся бородач, — нам бы хоть клинки помощнее твоего секретного лезвия найти и то ладно.

Он помолчал немного, окинув взглядом остальных пленных воинов Карфагена, внимательно слушавших разговор. Федор тоже посмотрел на своих бойцов и ощутил их жгучее желание покинуть эти гостеприимные стены.

— Так что ты, командир, обмозгуй вопрос конкретно, — посоветовал ему Ларин, возвращаясь к теме разговора, — ты один там, у следователя, бываешь. И чуть ли не каждый день. Меня и остальных он так не привлекает. Значит, тебе и карты в руки. Придется однажды огорчить своего любимого учителя.

— Похоже, придется, — согласился Федор, и вперил взгляд в друга, проговорив с нажимом в голосе, — но и вам здесь подождать все равно придется. Прогулка по городу обязательно нужна, хотя бы одна. Чтобы точнее рассмотреть город и его план. Наверняка Итао не удержится и снова покажет мне табличку с расчерченными районами и каналом. Он же Великий Учитель отсталых чужеземцев, которые только и умеют, что плавать на своих больших лодках.

— Кстати, ты не узнал у него, откуда здесь знают про наших слонов? — отчего-то вспомнил Ларин.

— Нет, — пожал плечами Федор, — как-то разговор не заходил.

— О чем же вы там столько времени беседуете? — возмутился скифский адмирал.

— О разном, — опять пожал плечами Федор, — в основном историю сапотеков изучаем. И географию заодно. На днях легенды из жизни ольмеков были. Оказалось, что мы все, по местным поверьям, произошли от черных великанов.

— От здоровенных негров, что ли? — не поверил своим ушам Ларин. — И я?

— И ты, брат Леха, и я. Все, — ухмыльнулся Федор. — А в следующий раз вместо урока Итао обещал взять меня на прогулку по городу, чтобы на месте показать, что означают многие слова на языке сапотеков. Думаю, покажет храмы ягуара и обсерваторию. Он мне о них рассказывал.

— Ты бы лучше попросил его канал показать, — посоветовал Ларин, — если не хочешь с нами через стену бежать.

— Попробую, — кивнул Федор, — канал, мне кажется, это более верный вариант. Ведь бежать нам надо сначала на юг, в сторону Тихого океана. Ну я тебе рассказывал про карту.

Ларин кивнул.

— А по реке самое то. Надо только придумать, как лодку раздобыть да сойти за сапотеков, когда за стены выберемся.

— Вот выберемся, — предложил Ларин, — тогда и подумаем.

Не успел Ларин закончить свою фразу, как массивная дверь отворилась. За ней стояла знакомая фигура — худощавый и высокий индеец с татуировкой в виде темных кругов вокруг глаз и кольцом в носу. Длинные волосы, собранные на затылке в пучок. Он был как всегда в простом длинном одеянии, отороченном красной бахромой. За спиной Итао находились двое рослых охранников с копьями и щитами.

— Я жду тебя, Чака, — произнес он, слегка приподняв руки в приветственном жесте, — сегодня я покажу тебе город.

Федор встал. Ларин тоже поднялся со своей циновки.

— Остальные останутся здесь, — ровным тоном произнес индеец.

— Ну это как всегда, — пробормотал ничуть не удивленный Леха и добавил вполголоса, посмотрев на Федора: — Ну давай, командир. Разузнай все, что нужно.

— Я иду, учитель, — ответил Чайка, слегка улыбнувшись и окинув взглядом остальных пленников, которые даже не шелохнулись при виде сапотека, вышел из общей камеры.

Итао не повел его даже в «комнату для допросов», где они провели уже не один день. На сей раз Федор сразу спустился вслед за охранниками и, пройдя по узкой лестнице, свернул в коридор через незаметную дверь. Здесь он был впервые за все время пребывания. Коридор, нырнув под здание, вывел их в другой внутренний двор, как две капли воды похожий на первый. В дальнем конце Федор увидел еще одну сторожевую башню, а сам двор был полон солдат. Здесь стояло человек двадцать сапотеков, обвешанных своим

смертоносным оружием. Все оружие было каменным, поскольку металл в нужных количествах они еще выплавлять не научились, как недавно узнал Федор. Тут были не только каменные мечи и топоры, но и каменные ножи. На головах у каждого имелся стандартный набор перьев и боевая раскраска на лице, словно война для них никогда не прекращалась. Все индейцы облачились в кожаные доспехи, что казалось необычным для простых воинов. И Федор решил, что это какой-то особый отряд, который прислали вожди. Он ошибся в своих предположениях лишь отчасти.

Едва Чайка, Итао и несколько охранников поравнялись с молчаливо ожидавшим кого-то отрядом, все воины двинулись следом за ними к воротам, также находившимся в башне.

— Они все идут с нами? — изобразил удивление Федор, считавший, что Итао доверяет ему уже настолько, что уверен в его благонадежности и не возьмет с собой больше пятерых охранников.

— Да, — ответил Итао и, сверкнув кольцом в носу, гордо повернул к нему лицо, — это мой почетный отряд. Жрец ягуара в нашем городе не имеет права передвигаться без охраны. Таков закон. Исключения бывают только во время праздников и обрядов.

— Ну что же, — не стал спорить Федор, — закон есть закон.

Перед воротами отряд охранников жреца быстро перестроился, и на улице Федор оказался уже в плотном окружении из воинов в кожаных нагрудниках и головных уборах из перьев, колыхавшихся в такт ходьбе.

— Сегодня хороший день для прогулки по городу, — заявил Итао, бодро вышагивая рядом.

Он был чуть ниже ростом Федора, но держался так гордо и спокойно, что казался едва ли не выше, хотя и не носил пышного головного украшения из перьев. Вообще, на взгляд Чайки, Итао хоть и назывался жрецом ягуара, но одевался достаточно просто для своего положения. На память ему все время приходили верховные вожди сапотеков, обвешанные амулетами с ног до головы, в перьях и с посохом. «Может быть, я чего-то не знаю о жрецах ягуара, — подумал, невольно пожимая плечами Федор, — вероятно, они сильны своей простотой. Хотя я на их месте ходил бы завернувшись в шкуру. Вон, у ольмеков, даже простые воины хотят быть похожими на ягуара».

Впрочем, он заметил, что за Итао тенью следовал охранник, который нес за ним какую-то странную табличку из блестящего металла на высоком шесте, очень похожего на золото. Её было видно издали. На табличке было легко различимо изображение пирамиды, от которой во все стороны расходились лучи солнца. «Может быть, — резонно рассудил Федор, — эта штучка пропуск и заменяет любой наряд?»

— Чем же так примечателен сегодняшний день? — вспомнил командир карфагенян о фразе, брошенной Итао некоторое время назад и повисшей в тягучем воздухе без продолжения.

— Завтра у нас праздник, — объявил ему спутник, бодро переставлявший ноги в сандалиях местного покроя, закрывавших в основном пятку, — большой праздник в честь бога дождя Косихо-Питао и бога Питао-Кособи, даровавшего нам маис. Если бы не эти дары богов, нам трудно было бы прокормить население, что непрерывно растет. Завтра поселенцы со всей долины придут поклониться великим пирамидам.

— Праздник это хорошо. Особенно в честь плодородия, — как-то неуверенно протянул Федор, рассматривая пестро одетых прохожих и припоминая, что у местных индейцев праздники частенько сдабривали кровью человеческих жертв.

«Чтобы лучше росло», — криво усмехнулся Федор, старясь отогнать мрачные мысли, невольно появившиеся в его голове. Несмотря на светившее солнце, дух смерти и тления человеческих тел здесь был повсюду.

— Поэтому сегодня все заняты подготовкой и улицы в городе почти пусты, — закончил фразу Итао.

— С чего начнем? — спросил Федор, чтобы хоть как-то прогнать назойливые мысли.

— Конечно, с центра, сердца нашего города. Архитекторы сапотеков так

спроектировали город, что его обитателям очень удобно попасть из одной части в другую. Все улицы прямые и пересекаются только под прямым углом. Этот принцип даровали нам боги.

— Хороший принцип, — не стал спорить Федор, — это очень удобно. Только ворот маловато для такого количества.

— Питао-Шоо повелел строителям сделать только одни ворота на суше, для людей и духов земли, — терпеливо пояснил ученый сапотек, казалось, ничуть не удивившись вопросу финикийского пленника, — и одни ворота на воде, для рыб и духов реки.

— Но я видел лодки, когда мы проходили по мосту, — не удержался от провокации Федор, — значит, сквозь водные ворота в город попадают не только рыбы.

— Да, это так, — ответил сапотек, смотря на высокие пирамиды, показавшиеся уже совсем близко, — главный город сапотеков огромен и постоянно нуждается в продовольствии. А потому мы не только доставляем его в город через главные ворота, но и подвозим по реке. Завтра праздник, поэтому сегодня лодок будет особенно много. Что тебя так удивляет, ведь ваш народ также наверняка использует водные пути?

— Использует, — кивнул Федор, — еще как. Другие народы даже называют нас народом моря.

— То есть «большой воды», — добавил он поспешно, на случай, если Итао никогда не видел моря.

Они прошли следующие двадцать шагов в молчании.

— Сейчас мы посетим главную площадь, чтобы ты мог насладиться величием наших богов, в честь которых воздвигнуты священные пирамиды.

Федор с некоторых пор не очень любил пирамиды, но отказаться, ясное дело, не мог.

Передвигаться по городу, в котором Чайка пока не увидел ни одной повозки, было действительно удобно. Прямые и широкие, в большинстве своем, улицы этому помогали. Правда, до тех пор, пока количество народа было небольшим. Стоило же процессии третьего жреца ягуара приблизиться ко входу на гигантскую площадь, как они столкнулись с целым людским морем.

Применять силу оружия, чтобы протолкаться сквозь толпу, запрудившую вход на грандиозную площадь, им не пришлось, — несмотря на уверения Итао, уже сегодня здесь народу было много, — едва завидев сверкающий знак в руках «оруженосца», толпа почтительно расступалась. Перед входом, как заметил Чайка, находился еще один рынок. Здесь продавалось много керамики, и он, заинтересовавшись, осмелился попросить своего сановного провожатого задержаться ненадолго.

— Хочу осмотреть кувшины, — пояснил он свой интерес, — если мы не торопимся, конечно.

— Что же, это можно, — кивнул, поразмыслив недолго, Итао, — гончары сапотеков славятся своим мастерством. А тут один из лучших базаров в городе. Сейчас идут последние приготовления к завтрашнему наплыву народа, поэтому здесь уже так много торговцев.

И весь отряд, повинувшись команде жреца, свернул в сторону, словно ледокол, разрезав толпу пополам. Федор остановился у стола, от края до края уставленного кувшинами различной формы и украшенных рисунками, сделав вид, что погрузился в изучение великолепной керамики сапотеков. Сам же тем временем искоса поглядывал в разные стороны, рассматривая главную площадь Монте-Альбана, все входы и выходы с нее.

Это получалось довольно легко. Охранники, встав по сторонам, перекрыли все возможные пути к бегству — как они полагали, — одновременно закрыв его и от взгляда Итао, который встал чуть позади. Чайка мог бы при желании одним прыжком перемахнуть через эту груды керамики, тело уже почти пришло в норму. Или, повалив длинный стол, устроить здесь настоящую суматоху, в пылу которой исчезнуть было довольно легко. Базар — отличное место для побега. Тем более что по одежке он теперь мог сойти за какого-нибудь ремесленника, разве что бледноват был немного для местного. Но, конечно, ничего подобного он делать не стал. Рано. Да и не центральная площадь была целью его прогулки.

Поэтому Федор увлеченно принялся рассматривать блестящие перед ним глиняные черепки, параллельно запоминая все входы и выходы. Мало ли что.

Впрочем, экземпляры глиняного творчества сапотеков попадались на развале довольно занятные. Здесь были кувшины разных размеров и цвета — черные, серые с белым венчиком, красные, желтые. И сосуды с плоским основанием, похожие сразу на гигантские блюда и плоскодонные чаши. Все это разнообразие продукции местных гончаров было украшено довольно схожим орнаментом. Чайка долго смотрел на кувшины и чаши и, в конце концов, пришел к выводу, что орнамент этот возникал путем выдавливания по мягкой глине с помощью веревок. Иначе эта резьба и желобки вряд ли могли появиться. Но что сразу бросалось в глаза — повсюду были изображения когтей, клыков и других частей тела, недвусмысленно намекавших на распространенный стиль ягуара. Впрочем, попадались и другие стили.

«Интересно, — поймал себя на мысли Федор, вспомнив об ольмеках и недавнем разговоре с учителем, — на базаре у ольмеков такое же разнообразие стилей, или там раскраска горшков посвящена исключительно главному тотему племени».

Увидев все, что ему нужно, Чайка приветливо кивнул застывшему в позе немного вопроса продавцу и отошел от стола с керамикой. Однако вопрос продолжал мучить Федора, и он поспешил удовлетворить свое любопытство, приблизившись к жрецу.

— Я давно хотел спросить, — задал он провокационный вопрос, — заранее прошу меня простить, но кто из вас больше любит бога-ягуара, вы или ольмеки?

Ответ последовал не сразу, — Итао продолжал неторопливо вышагивать в сторону одной из пирамид, — и Федор, не выдержав, подлил масла в огонь.

— Я увидел только что много горшков с изображением воплощения Питао-Шоо, но не заметил пока в городе слишком большого количества тотемов ягуара. А в плену у ваших врагов мне не удалось осмотреть город и базары, зато я заметил множество воинов, которые стремятся быть похожими на бога. У ваших воинов тоже есть сходство с Питао-Шоо, но его меньше.

— Это верно, — наконец, ответил ученый сапотек, — наши враги изображают различные черты Питао-Шоо повсюду: на керамике, камне, ювелирных изделиях. Мы делаем то же самое. Однако, ольмеки избрали воплощение бога-ягуара центральной фигурой своей веры. Мы же верим не только в Питао-Шоо, но и многих других богов.

Они почти приблизились к подножию второй по величине пирамиды, и жрец, не останавливаясь, направился по главной лестнице вверх, увлекая за собой своего спутника. Многочисленная охрана, расположившаяся на нижнем ярусе, расступилась с поклоном, едва заметив процессию и золотую табличку в руках «оруженосца», сверкавшую на солнце.

— Кроме того, — продолжал вещать Итао, неторопливо поднимаясь по широким, отполированным тысячами ног ступенькам, — согласно одной из легенд, ольмеки появились не от племени черных великанов, а в результате союза божественного животного со смертной женщиной.

Федор раскрыл глаза от удивления, услышав из уст своего спутника новую версию происхождения ольмеков, слегка поразившую его своей оригинальностью.

— С тех пор ольмеки считают ягуара своим главным тотемом, — закончил мысль Итао, — но и мы чтим этого бога.

— Вот оно, что, — пробормотал Федор, поднимаясь вслед за Итао по ступенькам почти на самый верх пирамиды, — ну, теперь мне почти все ясно. Во всяком случае, насчет бога-ягуара.

— Ты стоишь на главной пирамиде, посвященной Питао-Шоо, — объявил сапотек, останавливаясь на широкой площадке у самой вершины, — теперь ты видишь, что не только ольмеки чтят его.

Федор уже бывал однажды на подобной площадке. Он невольно окинул ее взглядом в поисках жертвенных скамеек из камня и... нашел их. Буквально в пятидесяти метрах от главной лестницы находилось множество таких скамеек, выстроенных в несколько рядов и

вытянутых вдоль грани, что была обращена к площади. За один раз здесь можно было казнить человек сто, посвятив их кровь и сердца Питао-Шоо.

«Вот она, живодерня, — против воли напрягся Чайка, — интересно, кому тогда хотели посвятить мое сердце ольмеки? Тоже Питао-Шоо или еще кому-то из богов? Вероятно, ему, раз они так сильно любят ягуаров».

Он оторвал взгляд от скамеек, темных от впитавшейся в камень крови жертв, и поднял его чуть выше. Там находилась куполообразная постройка, венчавшая большую пирамиду. В ее крыше виднелось несколько вертикальных прорезей, очень похожих на те, сквозь которые смотрели на мир из своей тюрьмы пленники.

— Что это? — спросил Федор, напустив на себя простодушный вид. Он подозревал, что ответ ему уже известен.

И не ошибся.

— Это и есть обсерватория, откуда мы наблюдаем за звездами и слушаем, что говорят боги, — пояснил Итао, — ты говорил, что знаком с ними. Разве у вас они выглядят иначе?

— Немного, — кивнул Федор, — я же не ученый.

Он кивнул в сторону близкой обсерватории и уточнил:

— А можно взглянуть, что внутри?

Ответа вновь пришлось ждать целую минуту.

— Вход туда разрешен только избранным, — произнес наконец Итао, — все они жрецы ягуара. Но...

Сделав несколько шагов в сторону жертвенных скамей, Итао закончил мысль:

— Но ты особым образом связан с ним, так что... я возьму тебя с собой. Один раз. Но сначала я покажу тебе то, зачем мы сюда пришли. Следуй за мной.

И он привел изумленного Федора к месту, где убивали несчастных пленных. Охрана, чуть поотстав, следовала за ними. Бежать отсюда было некуда.

— Я думал, мы будем смотреть храм и обсерваторию, — пробормотал Чайка, невольно взглянув на темные от крови камни. Не понравилась ему как-то вся эта странная подготовка. Да дух здесь был просто жуткий, хотя скамьи и мыли, похоже, после ритуальных казней.

— А мы и смотрим храм, — спокойно пояснил Итао, в глазах которого внезапно появился и погас хищный огонек, поразивший Федора, привыкшего считать своего учителя едва ли не мягким человеком, склонным к изучению иностранных культур, — ты стоишь в самом его сердце. Ведь в крови и сердце каждого из людей живет душа, данная ему Питао-Шоо. И он требует от нас, чтобы мы посвящали ему лучших из нас. И мы отдаем ему лучших, — выпуская сердце на свободу. Завтра, на глазах тысяч сапотеков, здесь будет принесен в жертву Уанусуко, наш второй жрец.

— Чем он провинился? — воскликнул Чайка, поздно сообразив, что сказал лишнего.

— Быть принесенным в жертву ягуару — это большая честь, — произнес Итао, вновь став серьезным. Федору даже показалось, что в мягком голосе ученого сапотека вдруг зазвенела сталь, — многие ждут этого очень долго.

Впрочем, голос сапотека снова смягчился, став обычным, похожим на голос доброго учителя, объясняющего терпеливо задачу.

— Уанусуко знаком народу сапотеков, — закончил он свои объяснения, — и завтра весь город будет завидовать ему.

«Ну да, конечно, обзавидуются. Хороша свобода, — подумал Федор, с лица которого не сходило хмурое выражение, — особенно когда ему вырежут сердце. Вот как здесь, значит, расправляются с теми, кто мешает продвигаться по службе. А наш „учитель“ совсем непрост. Железная рука в бархатной перчатке. Ишь, как глаза засверкали от предвкушения завтрашнего удовольствия. Видать, этот Уанусуко ему хорошо насолил чем-то или засиделся на своем месте дольше положенного».

Но вслух Федор ничего не сказал. Даже попытался изобразить, что полностью согласен и принимает местные обычаи, а несчастному Уанусуко оставалось только позавидовать.

— Таковы обычаи сапотеков, — словно прочитав его мысли, проговорил Итао, —

почтение к богам прежде всего.

— Это, конечно, — кивнул Федор, — мы тоже чтим своих богов.

— А теперь следуй за мной, — предложил Итао, — я покажу тебе обсерваторию.

Чайка с большим удовольствием последовал за ученым сапотеком. Им оставалось пройти не больше сотни узких ступенек по специальной лестнице, начинавшейся чуть в стороне от того места, где заканчивалась главная широкая лестница, ведущая на вершину ступенчатой пирамиды.

За это недолгое время Федор, подгоняемый своим любопытством и охранниками, шедшими неотступно за ним, успел немного рассмотреть город и даже окрестности. С такой высоты он смог запечатлеть в своей памяти прямые и длинные улицы, разрезавшие город на широкие ломти кварталов, мощную стену, надежно отделявшую Монте-Альбан от внешнего мира, и то, что их тюрьма действительно находилась буквально в двух шагах от этого оборонительного сооружения. И все же он подумывал о канале с водой, который делил город на две части, поскольку прорваться незамеченными к главным воротам и тем более пройти сквозь них представлялось полным безумием. Отсюда было легко различимо огромное количество красных щитов, блокировавших все подходы с обеих сторон к городу сапотеков. Они постоянно меняли своими действиями направление движения той длинной змеи из людских тел, что непрерывно ползла в город из долины, собираясь вниз.

«Итао сказал, что завтра праздник, — вспомнил Федор, преодолевая последние ступеньки, — значит, весь город будет забит народом. Массы крестьян, которые не знают друг друга. Суматоха — это хорошо. Это нам только на руку. Да и лодок должно быть предостаточно. Эх, посмотреть бы на канал хоть одним глазком».

Вскоре они поднялись к самому входу в небольшую обсерваторию, вблизи оказавшуюся не куполом, а скорее малой копией самой гигантской пирамиды Питао-Шоо, ребристой и выложенной камнем в несколько уровней. Правда, кладка стен была просто отменной, а сами каменные блоки идеально подогнаны. Федору невольно бросилось в глаза, что «каменные кирпичи» даже в стенах обсерватории были очень большими, не говоря уже о блоках, из которых было сложено основание самой пирамиды. Такой блок весил тонны, его не поднять не то что двум сапотекам, а и двум десяткам самых сильных воинов или рабов. «И как они смогли такое сваять? — подумал Федор, останавливаясь вслед за Итао, у входа в обсерваторию, — тут без крана не обойтись. А спрашивать уже неудобно, опять скажет, боги помогли. А может, и правда помогли?»

Итао посмотрел на командира охранников и жестом приказал ему оставаться здесь, со всеми своими людьми. Дальше вход для простых смертных был закрыт. Федора же пригласил идти за собой, впервые за время познавательной прогулки по городу, оставшись с ним наедине без охраны. То ли сапOTEK действительно решил, что Чайка безопасен и уже окончательно готов перейти в его веру, то ли решил, что бежать отсюда просто некуда. А, может, наоборот, проверял и провоцировал.

Замерев на мгновение у входа, больше напоминавшего чуть расширенную щель, Итао исчез внутри пирамиды-обсерватории. Чайка последовал за ним.

Сделав несколько шагов, он зажмурился и даже остановился от неожиданности. Первое время его глаза привыкали, поскольку здесь было почти темно. Солнечный свет проникал внутрь сквозь три отверстия разной длины — от нескольких метров до одного, совсем крошечного — и высвечивал на полу какие-то странные символы. Когда глаза привыкли, Чайка заметил, что были в стенах и другие отверстия, сейчас закрытые каменными вставками. Видимо, наблюдения за разными секторами неба — местом жительства богов — проходили в разные промежутки времени, и местным астрономам требовалось менять угол обзора, не имея возможности просто повернуть телескоп. Честно говоря, приглядевшись к «оборудованию» обсерватории, Федор был откровенно разочарован. Никаких телескопов или иных диковинных приспособлений, подаренных инопланетянами, он здесь не увидел. Если не считать странной формы постамента, возвышавшегося в самом центре и похожего на пульт дирижера, изготовленный из камня. Возможно, и другие приспособления для общения

с миром богов имелись, но были спрятаны от глаз посторонних. Хотя Итао и уверял его минутой раньше, что никто из посторонних сюда никогда не входил.

И все-таки здесь было интересно. Чайка вдруг вспомнил, что первым из европейцев, да что там, вообще первым из людей Старого Света стоит в святая святых сапотекских жрецов посреди древней Америки. «Да, Колумб и Америго Веспуччи просто сгорят от зависти, — ухмыльнулся Федор, рассматривая незнакомые символы на полу, — когда узнают, что их опередили. Не говоря уже про испанцев. Да, каких к черту, испанцев... Если мы выберемся отсюда, Карфаген будет здесь первым. И тогда...»

Чайка изумился полету своей мысли, представив, что произойдет в будущем с историей этого континента, когда его первыми «откроют» обитатели Карфагена. Все пойдет совершенно иначе. «Хотя как же те, на кораблях с треугольными парусами, — вспомнил Федор, продолжая разглядывать загадочные символы, которых в процессе обучения он еще не встречал, — они ведь были здесь раньше».

Однако потом он мысленно махнул на своих предшественников рукой. «Ну, были да сплыли, — подумал он, мгновенно повеселев, словно решил гигантскую проблему, — кто это был, неизвестно. Кто их потом вспомнит? Даже сам Итао никогда их не видел. А в этой ситуации главное не то, кто первый, а у кого кораблей и пушек больше. Вернее, оружие лучше. Судя по тому, что я успел увидеть, у Карфагена оно гораздо лучше. А значит, и шанс „подружиться“ с местными товарищами выше, чем у остальных».

Итао стоял в нескольких метрах, не мешая Федору наслаждаться величием научной мысли сапотеков. Он сам был занят внимательным осмотром конструкции, что возвышалась в центре обсерватории и была высотой примерно в рост среднего сапотека. Вернее, как показалось Чайке, после того, как он перевел свой взгляд со странных символов на своего провожатого, сапOTEK внимательно изучал скользившую по земле тень от этого каменного юпитра. Тень медленно передвигалась по кругу из символов, в центре которого находился огромный рот и глаза какого-то существа — не то человека, не то дракона. Вокруг этой головы Чайка разглядел четыре квадрата, заполненных мелким узором, еще две морды с оскаленными клыками, отдаленно похожими на ягуара. Вся эта композиция из ртов и голов была вписана в круг, состоявший из отдельных рисунков, а этот круг находился еще в одном.

«Похоже, эта обсерватория работает и днем и ночью, — заключил Чайка, — а наблюдают здесь не только за звездами». Он не стал мешать Итао и сам занялся осмотром остального помещения, благо глаза уже вполне привыкли к игре света и тени. Кроме центральной конструкции со странными символами в центре зала, напомнившей Федору виденный мельком в прошлой жизни круглый календарь каких-то индейцев, здесь более не оказалось ничего примечательного для Федора, если не считать нескольких скамеек и каменного стола, вырезанных прямо в наклонных стенах. Видимо, одновременно свои наблюдения за звездами могли вести сразу несколько жрецов-астрономов. Впрочем, вскоре он заметил еще кое-что. В дальнем углу, почти под самой стеной, соприкасавшейся здесь с полом, Чайка заметил ступени, уходившие в глубь пирамиды.

— Значит, здесь вы наблюдаете за богами? — все-таки нарушил затянувшуюся тишину Федор. — Интересное местечко.

— Здесь мы слушаем богов, — поправил его ученый сапOTEK, оторвавшись от своих наблюдений и сделав несколько шагов вокруг каменных символов на полу, — а наблюдаем мы за звездами.

— А как вы это делаете? — уточнил Чайка, также переместившись навстречу Итао. — Я имею в виду, у вас есть какие-нибудь приспособления, чтобы смотреть на звезды?

Лицо ученого сапOTEK изображало полное непонимание. Видимо, Федор еще был не слишком силен в сапотекском языке.

— Я не понимаю тебя, посланец финикитцу, — ответил он наконец, отчаявшись, — о чем ты говоришь? У нас есть глаза, чтобы смотреть на звезды, и уши, чтобы слышать богов.

— Ясно, — кивнул Федор, решив прекратить свой допрос.

«Хорошие надо иметь глаза, чтобы видеть далекие галактики, — подумал он, озираясь

с недоверием, — и уши, чтобы слушать эфир. Может, он тут все же прячет что-нибудь этакое, оставшееся от прежних гигантов».

Федор призывно посмотрел в сторону ступенек, скрывавших ход внутрь пирамиды. Словно ожидал, что оттуда сейчас появится пришелец в серебристом балахоне с тремя глазами и объяснит дикое количество артефактов в здешних местах, не поддающееся логическому объяснению. Чайке показалось, что третий жрец ягуара, который завтра станет вторым, что-то от него скрывает. Он подождал некоторое время, но из пирамиды так никто и не появился.

— Разве ваши обсерватории устроены по-другому? — спросил в свою очередь Итао, скрестив руки на груди.

— Я видел мало наших обсерваторий, — признался Чайка, пожав плечами, — я же говорил, — я солдат, который плавает на больших лодках, а не ученый.

— Тогда о чем ты спрашивал меня? — поймал его на слове хитрый сапотек. — Разве ваши жрецы...

— Да, это я так, — отмахнулся Федор, которому совсем не хотелось объяснять Итао, что такое телескоп, если он сам еще не знал об этом.

— Я не видел в вашем городе ни одной повозки, только носилки, — перешел Федор на другую тему и, чтобы отвлечь внимание от телескопа, задал давно мучивший его вопрос: — Скажи мне, великий жрец, ваш народ использует колесо?

И увидел снова тот же ословелый взгляд, усиленный татуировкой вокруг глаз.

— Значит, все-таки нет? — сам ответил вопросом на вопрос Чайка, озадаченный молчанием сапотека.

— Я не понимаю тебя, финикитцу, — нашелся наконец Итао, нахмурившись.

Суть разговора от него ускользала, а ученый сапотек этого явно не любил.

— Да это я так, — опять заюлил Федор, стараясь не вдаваться в лишние объяснения.

Но на этот раз так просто отделаться не удалось.

— Объясни мне, — потребовал Итао, делая шаг вперед, — что такое «ко-ле-со»?

— Ну ладно, — нехотя процедил сквозь зубы Федор, словно от него потребовали выдать военную тайну Карфагена, — колесо имеет форму круга, вот как здесь.

Он наступил ногой на одну из окружностей высеченного на полу календаря, — теперь, он почти не сомневался в том, что перед ним календарь. Итао внимательно посмотрел на календарь, стараясь следовать за ходом мысли своего собеседника.

— Вот как здесь, — повторил Федор, — странно, что вы до сих пор до этого не додумались. И оно делается из какого-нибудь твердого материала. Например, из дерева, и часто укрепляется металлом.

— Но зачем? — раскрыл глаза еще шире сапотек.

«О боги, какие вы отсталые, — сделал над собой усилие Федор Чайка, — а еще жрецами называетесь. Пирамиды как-то умудряетесь строить. В ученых ходите. Куда только смотрит этот ваш Питао-Шоо».

— Если соединить длинным бревном два таких колеса, два жестких круга, — постарался как можно доходчивее объяснять Чайка, все время указывая на каменный календарь, — то их можно прикрепить к телеге. Ну, тьфу ты, к такой плоской лодке. И тогда она сможет передвигаться по земле без парусов.

Чайка умолк на мгновение и закончил, тяжело выдохнув. Хоть он и не считал себя дураком, обучение других инженерным премудростям давалось ему трудно.

— А на ней, как на обычной лодке, можно перевозить много людей и грузов. Ваши носилки с телегой ни в какое сравнение не идут. Тем более что у вас даже ровные дороги есть. Понятно?

Ученый сапотек поднял голову и встретился взглядом с Федором. В глазах Итао впервые, кроме полного непонимания, появилась первая искра интереса. «Может, он и не все понял, — произношение у меня хромает, — но кое-что до него, кажется, дошло», — решил Чайка.

— Когда мы вернемся, — предложил вконец заинтригованный блестящим инженерным решением, сулившим настоящий прорыв, Итао, — ты нарисуешь мне чертеж Тел-га... этого приспособления. А наши ученые придумают, как его можно использовать.

Федор неуверенно кивнул. Рисовать он особенно не умел, да и не любил. Но «учитель» настаивал, и он согласился. «Вот так вот, невзначай, и сдвинем целый континент с мертвой точки, — даже ухмыльнулся Федор, — научу их колеса делать, тут такие дела начнутся. Вернемся — ничего не узнаем».

Он так размечтался, представив, как возвращается сюда с целой армадой квинкерем, что, вспомнив вдруг о своем реальном положении пленника, был просто обескуражен. Возвращение с небес на землю стало для него крайне неприятным.

— Кстати, о лодках, — вдруг вспомнил он, — у вас здесь, в городе, тоже есть чудеса инженерной мысли. Неподалеку от центральной площади я заметил удивительный канал, а в нем много лодок.

Итао кивнул.

— Да, наш канал очень интересное сооружение.

— Могу ли я на него посмотреть? — поинтересовался Федор и подкинул Итао еще одну тему для размышлений: — О каналах и лодках я кое-что знаю. Хочу сравнить их с нашими и обсудить это.

— Что ж, — после недолгих размышлений решил Итао, — идем. Это действительно будет полезно.

Сказав это, он направился к выходу из обсерватории. Федор отчего-то замешкался, словно раздумывая, чтобы прихватить на память. Все-таки обсерватория индейцев. Не каждый день бываешь в таких сооружениях.

— Идем, Чака. Здесь ты видел все, что нужно, и даже то, чего не может видеть простой смертный, — поторопил его сапотек. — Теперь ты знаешь, как выглядит обсерватория. Питао-Шоо будет доволен.

Федор, шедший следом за Итао, невольно вздрогнул, услышав упоминание о беге-ягуаре. Но сказано это было так буднично, что ничего плохого Федор в словах ученого сапотека не заподозрил.

«Тут и не такое померещится, — отругал он себя за излишнюю подозрительность на выходе из обсерватории, посмотрев на жертвенные скамьи, — место здесь, прямо скажем, не слишком романтическое. Хотя вид с такой высоты на город и долину красивый».

Глава шестнадцатая ПРАЗДНИК ПЛОДОРОДИЯ

Спускаясь вслед за Итао, Федор вновь получил возможность рассмотреть долину, окружавшую Монте-Альбан. Та сторона, где находились главные ворота с подъемным мостом титанических размеров, вблизи стен была почти свободна от леса. Приблизиться и удалиться от города незамеченным было невозможно. Но Чайка не сильно расстроился, поскольку эта сторона города его особо и не интересовала. Он был уверен, что прорваться сквозь главные ворота никак не удастся, и все больше думал о канале, как о единственном пути на волю.

С противоположной стороны, где начиналась обширная долина, лес подступал к городу чуть ближе, и высоких гор здесь не наблюдалось. Но все же и там угадывалось открытое пространство у самых стен, которое нужно было миновать прежде, чем река пропадала в зарослях. Вспоминая карту, Чайка понимал, что неподалеку от города сходятся сразу несколько каменных дорог, главных коммуникаций страны сапотеков, и сомневался в том, что сразу за городом начиналась безлюдная пустыня. Скорее всего, и по дорогам и по лесам здесь передвигалось немало сапотеков, но Федор в глубине души надеялся, что по лесам их бродит гораздо меньше, чем пользуется такой отличной дорогой. Ведь даже если им удастся бежать на лодке, то рано или поздно придется причалить к берегу и ступить на землю. Все

реки здесь текли в сторону Тихого океана, а им нужен был другой. На берегу которого Чайка, вопреки доводам разума, все еще надеялся отыскать следы своего последнего корабля и людей. Именно эта надежда поддерживала в нем и остальных пленных финикийцах желание жить.

К счастью, Итао, пытавшийся вытянуть из Федора информацию, купился на приманку и повел его напрямик к назначенной цели. Они спустились по главной лестнице пирамиды и, миновав несколько кварталов, пустынных по сравнению с центральной площадью Монте-Альбана, приблизились к набережной, как ее называл Федор. Он уже видел мост, по которому они впервые проходили, направляясь из «мертвецкой» к новому месту содержания.

— Послушайте, — вдруг вспомнил Чайка одно из мгновений первого допроса, — а откуда вы знаете про наших слонов?

Чайка даже остановился от неожиданности и тут же почувствовал, как ему в спину уткнулось копьё. Дружба дружбой, а до статуса свободного сапотека его еще никто не повышал. И Федор решил все же продолжить движение, но уже немного медленнее.

— Ну там, — махнул рукой Чайка в сторону «мертвецкой», напоминая, — где нас допрашивали впервые. Там нам показали табличку с изображением слона. Откуда вам про него известно?

Итао тоже немного замедлил шаги. Даже задумался, словно решал, стоит ли отвечать на этот вопрос финикийца.

— Изображение этого странного животного пришло к нам вместе с другим кораблем, — ответил он как всегда туманно, когда не хотел отвечать прямо.

— Каким? — не унимался Федор, словно нехотя делая еще несколько шагов по направлению к лестнице, которая вела так круто вниз, что казалось, она ведет в пропасть, — тем кораблем с треугольным парусом?

— Нет, — выдавил из себя сапOTEK, — это была другая большая лодка.

— Еще одна? — удивился Федор количеству первооткрывателей, уже посещавших эти места. — И откуда она прибыла?

— Мы не знаем, — опять попытался уйти от ответа Итао, словно не хотел рассказывать все, что ему было известно о слонах.

— Наверное, из Африки, — предположил Федор первое, что пришло на ум, — а они что, привезли слонов с собой? Далековато.

Итао молчал, но Федор даже в тишине ощущал, что тому очень интересно послушать мысли Чайки о слонах. Сам он явно что-то знал, но не хотел говорить. И Чайка не отказал себе в удовольствии впечатлить его боевыми возможностями Карфагена.

— Слон — это огромное и сильное животное, — пояснил Федор на тот случай, если Итао никогда с ними не встречался, — он выше сапотека в несколько раз и у него есть большие клыки. У нас на родине много слонов, и мы используем их на войне. Слон может потоптать множество солдат врага.

Глаза Итао расширились от удивления, а Федор окончательно заинтриговал его, расписывая возможности боевого слона в ярких красках.

— Если бы у сапOTEKов был хотя бы десяток боевых слонов, то вы смели бы всю армию ольмеков.

— Если это правда, — усомнился Итао, который теперь стоял рядом с Федором у края набережной, — то ваша армия очень сильна.

— Да, — кивнул Федор, — это так.

Он не обратил внимания на странный холодный огонек, вновь блеснувший в глазах жреца.

— Поговорим об этом позже, — поменял вдруг тему разговора ученый сапOTEK. — Вот и канал.

— Вижу, — усмехнулся Федор, разглядывая каменные стены, уходящие вертикально вниз, — вижу все, кроме воды и лодок.

— Чтобы достичь воды, — терпеливо пояснил жрец, — нужно спуститься по этой

лестнице. Идем, Чака.

Федор с радостью подчинился приказу.

Но первыми на почти отвесную лестницу вступили охранники, и лишь затем пленник со своим высокопоставленным спутником. Ступени лестницы были вырублены прямо в скале и спускались вниз зигзагообразно. Однако каменные ступени вскоре закончились вместе с мостовой и «верхним слоем» города. Дальше лестница была сделана из прочных деревянных балок, пропитанных каким-то водоотталкивающим составом. Медленный спуск занял минут пятнадцать, и Чайка поймал себя на мысли, что пока бежишь по такой лестнице, тебя успеют уже раз десять достать стрелой. Тем более что каждый пролет здесь заканчивался площадкой с расширением, где находились охранники. Минимум двое.

«Обложили, сволочи, — подумал Чайка, глядя на красные щиты сапотеков, встречавших процессию жреца в конце каждого пролета, — просто какое-то полицейское государство. Шагу ступить нельзя, чтобы не напороться на каких-нибудь охранников. Кого они тут охраняют?»

Вопрос был вполне уместным. Движение по немногочисленным лестницам хоть и было довольно оживленное, но вверх и вниз сновали в основном «порожные» рабы или грузчики. Куда девались все привозимые товары, появлявшиеся на базарах поверхности, было пока неясно.

Наконец, они достигли нижнего уровня, где Федор нашел ответ на свой вопрос. Отсюда виднелась пристань, тянувшаяся вдоль всего канала с небольшими перерывами. Здесь царил полумрак, разгоняемый отчасти лишь рассеянным светом сверху и буквально несколькими факелами, горевшими у причалов даже в этот дневной час. Все причалы были каменными. Кое-где были даже переброшенные временные мостки из скрепленных бревен с одной пристани на другую, благо ширина канала в этом месте не превышала десяти метров. Почти у всех многочисленных пристаней были пришвартованы длинные и довольно узкие лодки с высокими бортами, похожие на пироги. Весел в бортах Чайка не заметил, только одно сзади — длинное, рулевое. Они были полны до краев тюками и корзинами, в которых находились товары, видимо, предназначенные для завтрашнего праздника.

Повсюду возле лодок, словно муравьи или гномы подземелья, копошились индейцы в набедренных повязках. Вытаскивая тюки, они тут же исчезали в стене, так быстро, что Федор не понимал, куда они пропадали.

— Интересно как тут у вас все устроено, — резюмировал Чайка, разглядывая причалы, соединенные между собой узким проходом, все же позволявшим хоть как-то продвигаться вдоль всего берега канала. Основное передвижение товаров происходило, как предполагал Чайка, по разветвленной системе подземных ходов. И она, судя по длине канала, могла проходить через весь город.

«С этих каменотесов станется перерывать весь холм, — размышлял Чайка, впитывая в себя все подробности строения причалов, мостов и лестниц, видимые отсюда, — если ходы ведут от пристаней на склады, то не удивлюсь, если есть тоннели, выводящие ко дворцам местных вождей, а может, и к нашей тюрьме. Запасной путь к отступлению, так сказать».

С того места, где они стояли, можно было двигаться в двух направлениях, но Чайке было нужно направо, поскольку именно там он разглядел силуэт огромных ворот — узких и высоких, — которые были сейчас полуоткрыты. Сквозь проем как раз проходила очередная лодка с товарами, которой управляли несколько гребцов с короткими веслами по бортам. На корме стоял рулевой, длинным веслом направляя лодку к свободному пирсу.

— Оживленное движение, — пробормотал Федор, прикинув, что по воде в город целых два входа и два выхода с разных концов канала. Впрочем, понаблюдав еще немного, он пришел к другому выводу. Грузные лодки впускали в канал с одной стороны, а порожние выпускали с другой. И везде, конечно, была охрана.

— Наши каналы тоже оборудованы пирсами для разгрузки, — проговорил Чайка, обернувшись к Итао, молча стоявшего рядом, — но ваша система подземных тоннелей просто впечатляет. Сапотеки — отличные каменотесы. Могу я осмотреть хотя бы один,

ближайший?

Итао кивнул.

— Город славится своими мастерами по камню. Это боги даровали нам умение работать с ним.

— Боги даровали сапотекам много талантов, — подтвердил Федор, направляясь вслед за охранником к ближайшему пирсу.

Разгружавшие лодку крестьяне, при виде приближающегося жреца, побросали мешки и пали ниц.

Федор, не обращая на них внимания и не теряя времени, заглянул в тоннель и увидел длинный ход, довольно резко поднимавшийся вверх. Тоннель был прорыт в твердой земле и укреплен балками, по его дну была сделана дорожка, утрамбованная каменной крошкой. Выглядело все не так надежно, как идеальные скальные проходы в далеких горах, но в целом задачу выполняло. Где-то за ближайшим поворотом тоннеля горел факел, давая необходимый для работы свет. Судя по стенам, холм, на котором был некогда построен Монте-Альбан, действительно был насыпной, что немного облегчило работу строителям тоннелей, но делало обвалы более вероятными.

Чайка распрямился и сделал шаг назад. Теперь Федор увидел все, что было нужно. Проситься на экскурсию к воротам он не стал, даже отсюда было видно, что они запирались изнутри длинной и прочной балкой, как засовом, и охранялись дюжиной вооруженных сапотеков. Несколько человек было отчетливо видно на небольшой каменной пристани, находившейся сразу у ворот, а остальные скрывались в специальном тоннеле. «Интересно, если раздастся сигнал тревоги, — подумал наблюдательный Федор, — по этому тоннелю еще кто-нибудь может прибыть сверху, или там тупик?» Но на этот вопрос он ответа не получил.

— Что же, тоннель прочный, — похвалил строителей Чайка, обернувшись к своему спутнику. — А куда он ведет?

— Он ведет прямо к складам с продовольствием и другими товарами, — не скрывая, пояснил Итао, — этот путь проще, чем по поверхности. А товары по реке доставлять быстрее, чем на носилках по дороге. Впрочем, это вашему народу хорошо известно.

— Это верно, — кивнул Федор, не став пока вспоминать о колесах и телегах, которые ему предстояло рисовать в скором времени.

Он вновь посмотрел вдоль канала. Лодок было много, и почти все пирсы заняты. Ворота, раз открывшись, до сих пор не закрывались, пропуская одну за другой четыре новые лодки. Повсюду шла активная разгрузка товаров. Город готовился к празднику и наплыву народа. Решение созрело мгновенно. «Бежать надо сегодня, — прозвенело в мозгу у Федора отчетливая мысль, — и по воде. Пробраться сюда, захватить лодку. А лучше бы как-нибудь по-хитрому. Официально...»

— А что, жрецы ягуара путешествуют по воде? — вдруг спросил Федор. — Или для них боги предназначали только земные пути?

— Во время церемонии подготовки к празднику плодородия и ожидания прихода духа Питао-Кособи я, вместе с другими жрецами, должен встречать лодки крестьян на своей у самых стен города, — с гордостью в голосе пояснил Итао, — этот обряд произойдет сегодня вечером. До него осталось совсем немного времени.

«Вот это подарок, — едва не вскрикнул Федор, стараясь не смотреть на своего спутника, который, сам того не зная, подсказал ему возможный план побега. — Значит, у жрецов ягуара есть свои лодки. Ну, где они стоят, спрашивать не будем. Здесь где-нибудь. Больше каналов тут нет. В общем, пора действовать, друг Федор».

Перевозбуждвшись от этих мыслей, Чайка шагнул назад и едва не споткнулся о чье-то тело, лежавшее на камнях. Он удивленно посмотрел себе под ноги, заметив крестьян, все еще лежавших ниц с момента появления здесь процессии во главе с Итао.

— Тогда предлагаю вернуться наверх, — произнес он, глядя на потные и грязные спины, — не будем мешать крестьянам. Им надо разгружать свои товары. А то к празднику

не успеют. Да и вам нужно успеть подготовиться.

— Это верно, — согласился ученый сапотек, — надеюсь, твой интерес удовлетворен?

— Вполне, — кивнул довольный Федор, — ваши архитекторы поработали на славу, построив этот канал.

Поднявшись наверх тем же путем, они перешли канал по каменному мосту и направились в обратный путь. Федор был молчалив, его мозг работал на полную мощность, пытаясь детально продумать план побега, но сейчас он решил довериться инстинктам. «Сначала нужно добыть оружие, — думал Федор, бодро шагая по мощеным улицам Монте-Альбана, — а для этого придется вернуться в тюрьму и остаться с учителем наедине. Ну или почти наедине, человек пять или шесть не в счет. Главное, чтобы отряд этих перьеголовых остался во дворе».

Федор бросил короткий взгляд на Итао, лицо которого сохраняло какое-то блаженное выражение весь обратный путь, а потом на окружавших его солдат.

«Интересно, есть все-таки подземный ход из нашей тюрьмы в сторону канала или нет? — продолжал размышлять командир карфагенян, когда они прошли сквозь ворота в башне и оказались во внутреннем двореке номер два. — Наверное, вряд ли. Так узникам бежать легче, если узнают. А у жрецов есть и свои апартаменты. Хотя наш Итао большой любитель посещать здешнюю тюрьму и лично допрашивать пленников. Может, и озаботился. Других вождей я что-то здесь ни разу не видел».

Большой отряд охраны остался во дворе, как и полагал Федор. Дальше его сопровождали лишь четверо воинов. Они прошли тоннелем, миновали охрану на первом этаже и поднялись сразу на третий, где находилась камера для допросов.

— Нам нужно зарисовать твои слова, Чака, — напомнил Итао.

— Нужно так нужно, — вздохнул Федор, уже решивший, что из-за подготовки к приближавшемуся обряду его избавят от необходимости изображать из себя художника.

Примерно полчаса ему понадобилось на схематичное изображение колеса и телеги. Посмотрев на новую глиняную табличку с чертежом, оказавшуюся в его распоряжении, третий жрец ягуара расплылся в такой блаженной улыбке, что Федор даже озадачился. Он впервые в жизни видел, чтобы человек так радовался новому техническому изобретению. Похоже, Итао по достоинству оценил перспективы, которые оно открывало. Хотя Федор до сих пор не мог взять в толк, как цивилизация, построившая такие протяженные и хорошие дороги, не додумалась передвигаться по ним с большей скоростью, чем пешком.

— Ну, вот и все, — произнес Итао, — пойдем.

Чайка встал, решив, что его отправят в камеру под конвоем, но Итао любезно собрался проводить своего самого способного ученика до дверей камеры.

Они вышли в каменный коридор, где чуть поодаль стояли охранники. Только трое, как успел заметить Федор. Четвертого не было. Дверь, за которой хранилась фальката и, возможно, остальное оружие, виднелась метрах в пяти. Поравнявшись с ней, Итао неожиданно остановился. Наступил решающий момент, понял Федор, бегло осматриваясь по сторонам и оценивая позы охранников, стоявших за его спиной. Теперь все зависело от быстроты его реакции.

— Завтра вас казнят, — объявил ему Итао.

Он сказал это таким спокойным тоном, что ошоломленный Федор ожидал тут же услышать: «Ничего личного». Но Итао объяснил все немного иначе.

— Бог-ягуар решил, что вы более бесполезны в этом воплощении и приготовил вам иное, — просто заявил жрец.

— Интересно, — деланно-безразличным тоном отозвался Федор, хотя стоило ему это больших усилий, — и какое?

Он чуть поменял позу, чтобы оказаться к охранникам боком.

— Ваши тела высушат, выпустив душу на волю вместе с кровью, и забальзамируют, — спокойно объяснил ученый сапотек, глядя Чайке прямо в глаза. Что-то блеснуло в зрачках Итао, и Федору вдруг на мгновение показалось, что с ним говорит сам бог-ягуар.

— Вы удостоитесь чести находиться в священном хранилище знаний сапотеков под самой обсерваторией. На ваши бледные тела будут смотреть наши потомки, чтобы знать, как выглядели бородастые пришельцы из-за края воды. Кто знает, вдруг нас еще раз посетят люди с вашей земли. Мы будем ждать их и подготовимся к этой встрече гораздо лучше, чем сейчас. Сейчас нам просто повезло, что вас слишком мало.

— Это верно, — прохрипел Федор, у которого вдруг пропал голос.

— А ваши внутренности переработают в мастерской вместе с другими отходами, — продолжал вещать жрец как ни в чем не бывало, — и вскоре они станут свечами для усыпальницы храма, в которой мы хороним наших вождей.

— Прекрасная перспектива, — кивнул Федор, чуть повернув голову набок и расслабив плечи, — всю жизнь мечтал гореть свечой. Хотя и был уверен, что бог-ягуар относится ко мне лучше. А зачем вы мне об этом говорите?

— Я хочу, чтобы вы провели с этой мыслью сегодняшнюю ночь, — опять без задержки пояснил сапOTEK, решив, что Федор принял свою судьбу.

— Чтобы я мучился всю ночь? — сделал логичный вывод Федор.

— Нет, что вы, — взмахнул руками ученый сапOTEK, — чтобы очистились духом, проведя ее в беседе с богами, перед которыми завтра предстанет ваша душа.

— Это благородно, — согласился Федор, резким движением перехватывая тонкую руку Итао и нанося короткий удар в солнечное сплетение, от которого у сапOTEKа перехватило дыхание, — и главное очень гуманно. Что же, осталось обрадовать моих соплеменников, что наш путь в стране сапOTEKов закончен.

Итао закатил глаза, медленно прислонился к стене и стал сползать по ней. Охранники среагировали на секунду позже, чем было нужно, и этого Федору хватило. Он нанес такой мощный удар ногой в грудь ближайшему сапOTEKu, что индеец отлетел на пару метров и рухнул навзничь, так и не успев пустить в ход свой боевой топор. Второй охранник смог завершить свой выпад, но его топорик просвистел буквально в двух сантиметрах от плеча взбунтовавшегося пленника, едва не срезав бахрому. Чайка изогнулся змеей, увернувшись от удара, но и не подумал убегать. Он рванулся вперед, навстречу, сам схватив индейца за кожаные лямки нагрудника, притянул к себе и коленом ударил по ребрам. Раздался хруст, и первый труп опустился на камни глухого коридора. А Федор успел выхватить у него из-за пояса каменный нож.

Третий индеец не стал приближаться, а метнул короткий дротик в Чайку буквально с трех метров. Федор каким-то чудом ушел от броска, и смертоносный каменный клинок вышиб искры над головой финикийца. А вот он не промахнулся, и каменное лезвие вошло в шею индейца, словно в масло. Брызнув фонтаном крови, сапOTEK упал на спину, а Чайка вспомнил о том, что говорил ему недавно о душе и крови Итао.

— Я освободил тебя, — проговорил он, глядя, как распластался индеец.

Затем подхватил с пола дротик и всадил его в грудь первому индейцу, который уже пришел в себя от удара ногой и попытался встать.

— Третий, — произнес Федор, пересчитав трупы, — а где-то тут был еще и четвертый. Свидетели нам не нужны.

Он сделал шаг к двери, за которой хранился захваченный арсенал финикийцев, и прислушался. В звенящей тишине коридора, возникшей после звуков короткой кровавой схватки, он услышал дыхание воина, притаившегося за дверью. Но выходить тот отчего-то не спешил.

— Значит, четвертый здесь, — пробормотал Федор, отступая, — и то ладно.

Его взгляд упал на Итао, который, вновь получив возможность дышать, бешено озирался вокруг.

— Извини, учитель, — произнес Федор, с каждой минутой ощущавший себя все лучше и лучше, — пришла пора тебе помочь нам перейти в другое воплощение.

Он схватил задыхающегося сапOTEKа за грудки и рванул вверх. А затем — тянуться за другим оружием, разбросанным по полу или торчавшим из трупов, ему не хотелось, — он

выдернул тонкое лезвие из подошвы своего башмака и приставил к горлу Итао. Глаза жреца округлились, и, казалось, вот-вот выпрыгнут за пределы черных колец татуировки.

— Скажи воину, который трусливо спрятался за дверью, — прошептал Федор так тихо, чтобы его услышал только Итао, — что ты хочешь войти и ее надо открыть. Он послушается. Ну как там у вас условлено в таких случаях? Только спокойно, без глупостей.

Федор слегка нажал на тонкое лезвие, и на горле сапотека появилась первая красная капелька. Повторять не пришлось. Итао что-то хрипло проговорил, и дверь через пару мгновений все же приоткрылась. Появилась лишь небольшая щель, но этого Чайке хватило. Он распахнул дверь, схватил копье сапотека чуть выше каменного наконечника и рывком вытащил его в коридор вместе с хозяином. Тонкое лезвие полоснуло по кожаному нагруднику, но не смогло его пробить, и Федор выронил его. Зато удар в пах заставил индейца согнуться, а удар по голове распластаться на каменном полу. Копье осталось в руке у Федора, и он коротким движением вонзил его в спину сапотеку. Харкнув кровью, воин затих. В ближнем бою Чайке сегодня не было равных.

— Пойдем, — вежливо предложил Федор побледневшему Итао, вталкивая его перед собой в каморку и подбирая лезвие с каменного пола, — посмотрим, что ты тут для нас сохранил.

Шагнув следом, он засунул лезвие обратно в каблук и осмотрелся.

Это было небольшое вытянутое помещение, похожее на пенал. Где-то полтора метра в ширину и четыре в длину. В самом конце виднелось узкое оконце, из которого внутрь скупое проникал дневной свет. Левая стена была пустой, а вдоль правой из грубых досок был выстроен стеллаж, на котором лежали разные предметы, порой весьма странной формы: чаши и кубы из металлических прутьев, шары из темного металла. Причем были и мягкие темные шары, похожие из каучука. Разнообразные изогнутые пластины из металла, похожие на детали от каких-то более сложных конструкций. И многое другое. Из знакомых предметов почти половину занимали глиняные таблички с рисунками и чертежами. В остальном это была одежда, доспехи и оружие.

— Просто хранилище изобретений, — ухмыльнулся слегка разочарованный Федор, ожидавший увидеть тут арсенал, — жаль, рассмотреть некогда.

Он с радостью заметил свою фалькату в ножнах, лежавшую на второй полке у самой стены. Схватив ее, Федор вытащил клинок и поднес к самым глазам Итао.

— Ведь мы торопимся, не так ли? — задал он риторический вопрос Итао и, не дожидаясь ответа, сам же пояснил: — Нельзя заставлять Питао-Кособи и благодарный народ ждать. Обряд должен начаться вовремя.

Ученый сапотек растерянно стоял у стены и поглядывал через плечо Чайки в сторону открытой двери, но не смел и шагу ступить, хотя Федор его не держал за руку. Вся спесь мгновенно слетела с него, едва Итао ощутил, что неприкосновенность, охранявшая его ото всех, вдруг исчезла. Теперь им владел дикий страх, так как он видел, что сделал его «тихий ученик» голыми руками, а теперь в его руках было его же собственное оружие из неизвестного и прочного металла.

Федор схватил из кучи странного хлама знакомый лук с колчаном, заполненным лишь наполовину и Лехин нагрудник, закинув его на плечо. Больше ничего знакомого он здесь не обнаружил.

— Жаль, — подытожил свой беглый осмотр Чайка, — я рассчитывал на большее, но ничего не поделаешь.

Он слегка опустил острие фалькаты и поводил им из стороны в сторону перед носом Итао, один раз даже зацепив его драгоценное кольцо.

— Постоянная охрана у наших дверей на втором этаже есть? — быстро спросил Федор. Итао замотал головой.

— Отлично. Значит, все находятся у входа на первом. Много их?

— Десять, — промычал бледный как смерть сапотек, осторожно потеряв свой нос.

— Это ерунда, — кивнул Федор, — но лишнего шума поднимать не стоит. Как нам

покинуть этот гостеприимный дом, так чтобы охрана во дворах и на башнях не всполошилась? Есть мысли?

Он вновь приставил острие к самому кадыку жреца и слегка надавил, сопроводив утверждением:

— Ты ведь наверняка знаешь.

Итао вздохнул и сломался, едва не заплакав.

— Под зданием есть потайной ход.

— И куда он ведет? — деловито уточнил Федор.

— К моей лодке, — выдохнул жрец и вдруг затараторил: — Обряд должен начаться уже скоро, а мне нужно еще переодеться в священное жреческое платье. Если я не успею к назначенному времени, меня самого принесут в жертву Питао-Шоо. Владыки сапотеков не прощают такого.

— Отлично, — усмехнулся Чайка, — даже лучше, чем я ожидал. А ты талантливый ученик.

Он чуть опустил острие и наклонился к Итао.

— Я бы с радостью скормил тебя ягуару, — прошептал Чайка, — но ты мне пока нужен. Прежде чем перейти в иное воплощение, ты должен кое-что для нас сделать. Где ты собирался переодеться в свои обноски?

— В специальной комнате у моей пристани.

— Там еще кто-нибудь будет, кроме тебя?

— Да, мои гребцы.

— Сколько их?

— Шестеро.

Федор разогнул плечи и опустил клинок.

— Десять здесь, шесть там, — посчитал он вслух, — это те, которых не обойти. Нас семеро. Ну ладно. Решено.

Он взглянул в мутные от страха глаза жреца.

— Вечереет. Мы проводим тебя к твоей лодке, великий Итао, и все вместе покинем этот город по реке. Ты же должен лично встретить дух Питао-Кособи и пригласить его на праздник в город. Пусть крестьяне порадуются.

И подтолкнул онемевшего Итао в коридор. Выйдя из помещения следом, Федор прислушался, бросив беглый взгляд по сторонам. Все было тихо. Четыре мертвых сапотека спали вечным сном на камнях пола. Федор выдернул копье из спины ближайшего и подхватил каменный нож, вытерев его о рубаху трупа и засунув себе за пояс.

— Давай медленно по лестнице к нашей камере, — приказал он Итао, — открыть сможешь?

Итао достал из кармана какой-то короткий ключик, похожий на скобу.

— Отлично, — кивнул Федор, — действуй.

Они прошли метров двадцать по коридору до поворота и вышли на лестницу. На пролет ниже все было тихо, а вот на первом этаже слышались приглушенные голоса. «Не обманул, учитель, — усмехнулся Чайка, осторожно переступая по узким ступеням, — значит, и с выходом повезет. А иначе, он ведь понимает, не быть ему вторым жрецом ягуара».

Итао шагнул в пустынный коридор, охранять который, по его мнению, при таком количестве солдат во дворе, на стенах и башнях не было необходимости. Приблизился к массивной двери и, засунув ключ в едва различимое отверстие, повернул три раза. А затем указал на засов, запиравший этот выход дополнительно. Балка была такой массивной, что Федор догадался — тщедушному жрецу ее просто не поднять.

— Ну ладно, — вздохнул он, — отойди в сторонку, доходяга. И не дергайся.

Федор прислонил фалькату к стене, поднял засов и положил его на пол. А затем так же медленно открыл дверь, которая даже не скрипнула, и втокнул туда Итао.

— Какие люди, — услышал он издевательский голос Лехи, сидевшего на своей

циновке, — а мы уж думали, ты один подорвался. Ждем его, ждем. Скоро ночь, а Федора все нет.

— Задержался немного, телегу рисовал, — просто объяснил Чайка, сваливая на пол лук, нагрудник и бросая сверху копье.

— Я смотрю, ты не пустой вернулся, — Леха встал, всматриваясь в то, что валялось на полу, — о, мои доспехи! Уважаю, командир.

— Это все, что было в местной кладовке, — извинился Федор перед своими бойцами, кивнув в сторону застывшего, как мраморное изваяние сапотека, — больше ничего ценного. Так что остальное оружие добудем в бою.

— Что делаем, командир? — посерьезнел Ларин, накидывая свой нагрудник на плечи и занимаясь шнуровкой с помощью подоспевшего Цорбала.

— Бежим немедленно, — заявил Чайка и пояснил в двух словах ситуацию: — Завтра утром в городе праздник, на котором наш благодетель решил принести нас в жертву ягуару. Нас должны были выпотрошить и забальзамировать. Но потом с помощью своего лезвия я уговорил его передумать. Более того, он покажет нам выход из города.

— А ты говорил ножичек не пригодится, — ухмыльнулся Ларин, закончив с нагрудником и подхватив копье, — мы готовы.

Цорбал взял лук, привычным движением перебросив колчан со стрелами через голову. Ганнору Федор отдал каменный кинжал.

— Там наверху еще что-то осталось, — подумал вслух Федор, вспомнив о мертвецах с оружием у комнаты для допросов, и приказал остальным: — Сбегайте-ка, только аккуратно. И назад. Потом пойдем вниз, в тоннель, а по дороге нас ждут минимум десять вооруженных сапотеков.

— Всего десять? — обрадовался Ларин, поигрывая копьем. — Вот будет потеха.

Когда Абдер и Лиед вернулись вместе с Пиргом и Цорбалом назад, у отряда было уже два лука и три копья, не считая пары ножей.

— Ну вот, — удовлетворенно проговорил Федор, закончив беглый осмотр своих солдат, — у каждого хоть что-то да есть. А теперь вперед, а то на обряд опоздаем. Нас уже заждались.

Ларин ничего не понял, но переспрашивать не стал. Он спешил поскорее повстречаться со своими мучителями.

Глава семнадцатая

ПУТЬ ВОДЫ

Троих сапотеков свалили в упор стрелами, еще двоих Ларин и Федор мгновенно убили своим оружием, воспользовавшись эффектом внезапности. А вот с остальными пришлось немного повозиться, — в нападавших полетели сначала копья, а потом и топоры. Федор и Леха, находившиеся на острие атаки, успели прикрыться щитами убитых ими же сапотеков. Наступавшие второй волной финикийцы увернулись кто как сумел, метнув в ответ свое оружие. Но повезло не всем. В ярости добравшись до самой нижней площадки лестницы, Федор взмахнул несколько раз фалькатой и нанес смертельные удары двум оставшимся в живых индейцам, что стояли на пути к свободе. Он раскрыл обоим черепа, как арбузы, залив каменную лестницу кровью. Еще одного прошел насквозь каменным копьем Леха, не меньше друга хотевший выбраться отсюда. А оставшиеся двое индейцев уже были мертвы, когда командир финикийцев оказался рядом. У одного из груди торчала стрела, у другого каменный нож пронзил нагрудник и вошел ровнехонько в сердце.

— Здесь все, — прохрипел Федор, бешено озираясь по сторонам.

— Теперь куда? — уточнил Ларин, отдышавшись немного. — Во двор?

— Нет, — кивнул он в сторону застывшего на верхней ступеньке Итао, ошалевшими глазами наблюдавшего за этой бойней, — вниз. Там тоннель, а он проведет нас к еще одному и оттуда в сторону канала. К лодкам.

— Хорошо, — кивнул Леха и, обернувшись, чтобы посмотреть в сторону Итао, нахмурился, — идем.

У его ног на ступеньках, залитых кровью, лежал мертвый Абдер, из груди которого торчало копьё.

— Возьмите у него лук и еще копья у сапотеков, — приказал Федор, не тратя времени на сантименты, которые могли дорого сейчас обойтись оставшимся в живых, — теперь мы вооружены лучше. За мной, вперед, марш!

И отряд финикийцев, потеряв одного бойца, устремился вниз. Туда, где виднелся неприметный проход, выводивший в тоннель. Дверь была заперта, и дрожащими руками Итао долго не мог открыть ее своим ключом. Слишком долго. Но после оплеухи Федора, бросавшего нервные взгляды назад на входную дверь, которая могла открыться в любой момент, дело пошло быстрее. Спустя мгновение дверь подалась, и финикийцы оказались в тоннеле.

— Леха, — остановил Федор своего друга, — забаррикадируй входную дверь. Какое-то время это может нам дать. Главное, чтобы нашу пропажу не обнаружили до того, как третий жрец ягуара не покинет стены этого города. Давай, а мы тебя здесь подождем.

— Понял, — кивнул Ларин, метнувшись назад, — сделаем.

Когда, он вернулся в темный тоннель, освещенный лишь светом редких факелов, остальные уже немного отдышались и пришли в себя после первой схватки.

— Все, прикрыл надежно, сломают не сразу, — доложил он.

— Отлично, первый бой за нами, — кивнул Федор и подтолкнул вперед Итао, — идем дальше. Показывай дорогу, а то крестьяне тебя уже заждались. Только давай без глупостей там, и сначала дверь в тоннель тоже закрой как следует. Пусть поломают голову, куда мы делись.

На этот раз жрец повернул ключ довольно ловко и быстро засеменил по тоннелю впереди колонны из беглых финикийцев. Его было не узнать. Из спокойного и надменного жреца Итао мгновенно стал послушным рабом. «Настоящий политик, — зло подумал Чайка, буравя взглядом спину жреца, самого теперь ставшего пленным, — такой и маму родную продаст, не моргнет. Слабак».

Пройдя метров сто, они почти приблизились к выходу из тоннеля, за которым находился второй двор, полный охраны. Чайка начал подозревать неладное, но Итао вдруг неожиданно свернул к стене и стал нащаривать что-то среди абсолютно ровных на вид каменных блоков. Нашупав скрытую пружину, он нажал ее и привел в действие механизм. Массивная каменная стена отъехала в сторону, открывая довольно широкий тоннель, где два человека могли пройти рядом, не нагибаясь и не мешая друг другу. Там было абсолютно темно.

Пока Чайка и остальные присматривались к тому, что находилось за потайной дверью, Итао вдруг прыгнул туда и попытался дотянуться до чего-то, видимого лишь ему одному. Но Ларин был начеку. Он успел провести подсечку и, когда Итао растянулся во восторг на пороге тоннеля, с размаху въехал ему по ребрам ногой. Беглец взвыл и затих, так и не дотянувшись до своей цели.

— Не дергайся, падла, — спокойно пригрозил Леха, переходя на русский язык, — мы таких шуток не любим. Еще раз — и я тебе лично отрежу все, что у тебя там между ног болтается. У меня давно уже руки чешутся.

Федор даже удивился спокойствию своего друга, обычно буйного в таких ситуациях. А тот, поставив ногу на спину распластавшемуся жрецу, посмотрел на Чайку и попросил:

— Переведи.

— Он и так все понял, — уверил его Федор, — не будем терять время. Ганнор, возьми факел со стены и иди вперед. Пирг, тоже возьми, пойдешь замыкающим. А ты, брат, если так хочешь, присматривай за нашим проводником. Он нам еще пригодится. Впереди самое главное — встреча с народом. Пошли.

И, подняв пинками Итао, беглецы скрылись в тоннеле, освещая себе путь факелами.

Это произошло сразу после того, как ученый сапотек, на котором не было лица, нашел пружину, которой хотел захлопнуть дверь перед носом у своих недавних пленников, и привел в исполнение свой план, но уже по указу Чайки. Дверь захлопнулась, и теперь никто из первого тоннеля не мог проникнуть сюда. Итао уверял, что этот тайный ход знали только жрецы.

— Вот и ладненько, — кивнул ему Федор, на всякий случай пригрозив, — двигаемся дальше. И мой друг прав, нам сейчас не до шуток. Если выкинешь еще что-нибудь такое в тоннеле, тут и останешься. Не бывать тебе тогда вторым жрецом ягуара. Понял, учитель?

Итао быстро кивнул.

— Веди дальше, — смиловился Федор Чайка и взмахнул фалькатой в направлении черневшей впереди дыры.

Ганнор шел первым, одной рукой освещая дорогу, а другой держа копьё. Сразу за ним следовали двое лучников, присматриваясь к мерцающим на стенах теням.

Так продолжалось минут пятнадцать, затем они прошли развилку, и тоннель стал круто забирать вниз. А спустя еще десять минут непрерывного спуска, за дальним поворотом Чайка заметил мерцание огней. Тогда Федор остановил продвижение отряда и медленно подошел к запыхавшемуся Итао.

— Что это впереди? — уточнил он.

— Это первая комната. Там никого нет.

— А почему в ней горит свет? — слегка прищурил глаза Федор, положив ладонь на рукоять фалькаты.

— Он... всегда горит, — пробормотал жрец, почти заикаясь от страха, — чтобы я мог узнать, сколько осталось идти, если передвигаюсь без факела.

— Ты ходишь здесь один в темноте? — удивился Чайка. — Однако.

— Иногда. Я должен прибыть незаметно и переодеться в свои одежды, — продолжал отвечать Итао, — а потом выйти в главный зал.

— Где твои гребцы?

— Они там, ждут меня, — поспешил с ответом сапотек, — между моей комнатой и залом надежная дверь, которую могу открыть только я. Изнутри без ключа.

— Они вооружены? — продолжал допрос командир финикийцев.

Итао махнул головой.

— У них нет оружия.

Чайка, смотревший на него из полутьмы, подумал, что третий жрец ягуара был уже почти белым от страха. «Эк его прижало, — подумал он без сожаления, — ничего, будет знать сволочь, как готовить другим реинкарнацию раньше времени».

Федор еще не решил, оставит ли он Итао жизнь после такой подлости, отложив это решение до окончания успешного побега. Слабый шанс у Итао был только в том случае, если все пройдет гладко и с его помощью. А если что-то пойдет не так, то раздумывать долго Чайка не будет. Итао заслужил свою смерть.

— Хорошо, — произнес Федор и уточнил еще раз: — Твоих гребцов шестеро?

Итао кивнул.

— Нас тоже шестеро, — подвел итог Федор, — теперь. Они носят специальные одежды по случаю обряда?

Итао снова кивнул.

— Ясно, — Федор узнал все, что хотел, и повернулся к своим людям, — тогда аккуратнее с гребцами. Надо кончить их тихо, без шума и, главное, не повредить одежду. Нам самим надо будет в нее облачиться. Будем изображать его гребцов.

Бойцы кивнули с пониманием, и только один Леха с сомнением. Он отвел Федора на пару шагов и заговорил по-русски.

— Это все хорошо, — проговорил он, — все ясно. Только, брат Федор, ты забыл, что у нас с тобой бороды отросли уже, как у... Деда Мороза. Если нас в таком виде узреют сотни крестьян, — спалимся мгновенно. Тебе же наш... учитель много раз говорил, что у местных

нет бороды.

— Это ты верно подметил, — погрузился Федор и перевел суть вопроса Итао, опустив про Деда Мороза.

— Мои гребцы на время обряда надевают длинные балахоны, — неожиданно объявил жрец, — с накидками, скрывающими лицо и шею. Так требует обряд. Дух Питао-Кособи не должен видеть их лица, только мое.

— Это нам подходит, — с облегчением вздохнул Федор, — пошли. Порадуем твоего Питао-Кособи.

Через пять минут они были на освещенном месте. Со стороны подземного хода дверей здесь действительно не оказалось. Только небольшая и аккуратная щель в стене, сквозь которую мог протиснуться один человек. Первым туда вошел Ганнор, погасив перед этим факел. Затем Ларин и остальные финикийцы. Итао появился в своей «гримерной» предпоследним. Его почти втокнул Федор.

Это оказался небольшой квадратный зал, примерно пять на пять метров, где располагалось некое подобие массивного шкафа с бело-золотыми одеждами и скамья, обитая дорогой тканью. Имелось здесь даже медное зеркало, начищенное до глянцевого состояния. На стенах висели два аккуратных светильника, наполненных каким-то ароматным маслом, отчего по залу разносилось приятное благоухание.

Чайка бегло осмотрелся, бросил взгляд на массивную дверь, которая казалась надежно запертой, и с удовлетворением произнес:

— Похоже, мы на месте.

И, обернувшись к застывшему в нерешительности Итао, добавил:

— Чего встал, жрец? Давай переодевайся. Не заставляй богов ждать.

Итао, с большим трудом преодолев оцепенение, подошел к шкафу и достал из него желтый балахон. Бросив странный взгляд на финикийцев, расположившихся по углам небольшого зала и с подозрением взиравших на его приготовления, сапOTEK стал осторожно стягивать с себя одежду. Он делал это так медленно и неохотно, что Федор не выдержал.

— Давай быстрее, учитель! — проговорил он хриплым голосом по-финикийски. — Не стесняйся. Мы голыми мужиками не интересуемся. Или тебе помочь переодеться?

Жрец вздрогнул, уловив смысл сказанного, замотал головой и стал быстрее шевелить руками. Тело Итао, как успел все же заметить Чайка, было покрыто татуировками в виде нескольких свернувшихся змей на спине и одной, словно плывущей, на груди. Это не считая изображения ягуара на плечах и каких-то непонятных иероглифов на боках.

— Да на тебе целое послание зашифровано, — усмехнулся Федор и снова поторопил, недвусмысленно взявшись за фалькату: — Заканчивай.

Спустя пару минут перед ними предстал человек в желтом балахоне, обвешанный золотыми амулетами, из которых самым большим было «кольце» из десятка подвесок, сверкавшее на груди. Итао поправил свою прическу дрожащими руками, снял обувь, взял длинный резной посох из специальной подставки и обернулся к своим конвоирам.

— Я готов.

— Ну, вот и отлично, — похвалил его Чайка, осторожно извлекая фалькату из ножен, — теперь наша очередь познакомиться с гребцами. Открывай свою потайную дверь.

И, перед тем как жрец нащупал пружину в стене, добавил:

— Если ты что-то забыл нам сказать, ты умрешь первым. Ты понял меня?

Итао замер на мгновение, потом осторожно кивнул.

— Тогда действуй.

Первыми у двери стояли Леха с копьём и двое проверенных лучников Цорбал и Пирг, с приказом не повредить одежду, в которой еще предстояло «выступать» перед публикой. Однако Федор, находившийся позади жреца, немного переживал за своих подчиненных: могли в пылу атаки и забыть про это.

Когда дверь почти бесшумно отъехала в сторону — Чайка успел лишний раз удивился местами почти совершенной механике сапOTEKов, не знавших о колесе и стали, — за ней

открылся протяженный тоннель, походивший на освещенный факелами грот. И действительно, в конце него стояла длинная пирога, сделанная из какого-то светлого дерева. Корма и нос ее были загнуты, а посередине виднелся навес из тростника.

— Вот она, — пошутил Федор, разыскивая глазами гребцов, — лодка фараона.

Шестеро гребцов в зеленых балахонах, скрывавших голову, но оставлявших открытыми плечи и руки, распластались на камнях перед лодкой, изображая из себя живые ступеньки.

— А тебя здесь хорошо встречают, — пробормотал Федор вполголоса, как ему показалось. — Почетно.

Но его слова неожиданно эхом разнеслись по сводчатому гроту, прорубленному в скале. Видимо, они находились где-то у самой стены, и до охраны ворот было совсем недалеко. Гребцы вздрогнули от неожиданного шума, и один даже осмелился поднять голову. Увидев жреца в окружении чужаков с оружием, он что-то гортанно выкрикнул и бросился бежать по направлению к каналу, видневшемуся буквально в десятке метров. Балахон обнажил его голову с длинными заплетенными косами черных волос.

— Опять по-тихому не получилось, — расстроился Федор, резким жестом отталкивая жреца в сторону и заставляя его прижаться к стене.

— Сиди смирно, — прошипел он в лицо дернувшемуся было Итао, пока остальные финикийцы разделялись с гребцами, — с тобой мы еще не закончили.

Первого беглеца настигла стрела, пробившая ногу. Он рухнул в двух шагах от борта лодки и закрутился на месте как волчок, издавая крики. Подоспевший к месту его падения в три прыжка Ларин добил сапотека ударом кулака в горло, заставив умолкнуть навсегда. Еще двоим, потерявшим должное уважение к сану жреца ягуара, стрела пронзила горло. Остальных прикончили без применения стрел и колющего оружия, переломав кости и позвонки. Итао взирал на это бесшумное избиение с тихим ужасом, сам не в силах вымолвить ни звука.

В результате почти все балахоны достались беглецам целехонькими, только на двух имелись едва заметные следы крови в районе горла, но их можно было скрыть, загнув края внутрь и натянув накидки поглубже.

— Ладно, сойдет, — не стал привередничать Федор, — главное, что одеяния нашего жреца в порядке и все будут смотреть на него. Переодеваемся и в лодку. Трупы спрятать. Вечереет, до заката мы должны покинуть этот гостеприимный город.

Жрец показал, как открывать дверь с этой стороны, и финикийцы сделали его «соучастником преступления», быстро перетащив в келью Итао шесть трупов. Когда возле длинной «лодки фараона» стояли шестеро новоявленных гребцов, Федор подтолкнул совершенно потерявшего дар речи жреца в спину.

— Вперед, навстречу славе и Питао-Кособи.

На деревянных ногах Итао шагнул в лодку, на носу которой горел короткий факел, и сел на специальную скамью, заблаговременно укрытую циновкой, поместив посох на коленях. Финикийцы расположились по всей длине лодки, обнаружив в ней короткие лепестковые весла, которыми предстояло грести, и поневоле вживаясь в роли гребцов священного жреца. Впрочем, если верить Итао, эта роль была не сложной — только грести и молчать, наклонив голову. Вся слава должна доставаться жрецу. Говорить с гребцами тоже никто не должен был, а жрецу ягуара, плывущему в сторону заката, народу полагалось оказывать почести на расстоянии, посыпая воду перед лодкой лепестками цветов и сухими зернами маиса. Как и жрецам богов Косихо-Питао и Питао-Кособи. Федора такое поведение толпы вполне устраивало. Главной трудностью было пройти городские водные ворота и не проколоться на какой-нибудь мелочи. А затем благополучно разминуться с лодками других жрецов, чтобы не возникло вопросов. Ну и конечно, чтобы сам Итао вдруг не вздумал взбрыкнуть и позвать на помощь многочисленных стражников или других жрецов.

Чайка занял место рулевого, чтобы контролировать ситуацию. Накидывая балахон на голову, он легонько пнул жреца ягуара в спину, показавшуюся ему недостаточно прямой.

— Изобрази величие, — напомнил он пленному Итао, поправив ножны фалькаты под балахоном, — ты все-таки жрец. Тебя народ приветствовать будет. И помни, если что-то пойдет не так ты первым из нас отправишься на встречу со своим любимым ягуаром. А теперь улыбайся, учитель. Мы отплываем.

Федор заметил, как сапотек против воли выпрямил спину и плечи, придав лицу властное выражение, подобающее жрецу. «Вот так-то лучше, — подумал Федор, — а то могли засыпаться из-за этой кислой рожи. Не знаю точно, как должен выглядеть жрец на этой чертовой церемонии, но уж, наверное, не рыдать, если праздник намечается».

Финикийцы взяли за весла и большая пирога — а Федор именно так для краткости окрестил это чудо инженерной мысли сапотекских корабелов — направилась к выходу из грота. Чайка мог только догадываться, где конкретно находилась эта жреческая гавань и гавани остальных жреческих лодок, но несмотря на пару криков, которые покойные гребцы успели-таки издать, до того как их отправили на встречу с богами, никто не пришел им на помощь. «Значит, никто ничего не услышал, — успокоил себя Федор, работая длинным веслом и стремительно выводя пирогу жреца ягуара на простор канала, — будем надеяться, что и в тюрьме нас еще не хватились. Хотя нужно поспешать».

Он сделал последнее мощное движение рулем, чтобы развернуть лодку вправо, и тут же едва не произошло столкновение с крестьянской лодкой, перевозившей корзины, полные маиса. Она выскочила из тесноты перед самым носом пироги жреца. Видимо, Чайка выполнил свой маневр слишком быстро, торопился и позабыл о том, что движение на этом единственном водном пути Монте-Альбана очень интенсивное. Однако Федор зря переживал. Увидев, с кем сейчас произойдет столкновение, рулевой крестьянской лодки заложил крутой вираж и, едва не врезавшись в стену канала, избежал прямого контакта. Его лодка со скрипом прошла вдоль каменной стены, ободрав себе борт, но не коснулась лодки жреца. Лица Итао Федор при этом не видел, зато на промелькнувшем лице хозяина лодки с маисом он успел заметить выражение настоящего облегчения, словно тот избежал встречи со смертью.

«Это хорошо, что здесь нас так уважают, — подумал про себя Федор, — но суетиться не надо. Столкновения у ворот нам еще не хватало».

— Леха, — прошипел Федор с кормы, когда ближайшая пристань осталась позади, — сбавь обороты. Мы не должны никого зацепить. Пусть лодка идет медленнее, это все-таки лодка жреца. Нам должны успевать отдавать почести, а мы как бы никуда не торопимся. Верно, Итао?

И он аккуратно, чтобы не было заметно со стороны, пнул ногой сидевшего перед ним жреца ягуара.

— Да, мы должны плыть медленно посередине канала, — произнес дрожащим голосом Итао, не оборачиваясь к Федору, а обращаясь к сидевшему чуть впереди него на одном колене Ларину, — чтобы стражники перед воротами успели рассмотреть нас и освободить дорогу. Жрец не должен ждать.

— А вот это верно, — кивнул Леха, — тише едешь, дальше будешь.

К счастью, пока все складывалось удачно. Сумрак, который даже в дневное время позволял использовать здесь факелы, теперь сгустился еще сильнее, и лиц гребцов никто не мог разглядеть даже с близкого расстояния. Солнце давно прошло зенит. Над водной гладью канала наступила уже настоящая ночь, хотя до заката было еще несколько часов.

Чайка не слишком ошибся с расчетами. Гавань для пироги Итао находилась почти посередине канала, чуть ближе к водным воротам с правой стороны огромного города, обращенной к лесу. В этот час, насколько понял Федор из сбивчивых объяснений перепуганного вельможного пленника, подготовка к празднеству уже началась, но жрецы выплывали из города чуть позже. Итао был первым, хотя на самом деле должен был покидать город последним. На пирсах кое-где еще заканчивалась разгрузка товаров, и удивленные крестьяне падали ниц, увидев гордо дефилировавшую мимо них пирогу жреца ягуара, спешившего на закат больше других. Впрочем, крестьянам было все равно.

«Главное, чтобы стражники ничего не заподозрили», — напрягся Федор, когда они первыми из священного каравана подплывали к воротам, нарушив очередность.

Чайка еще сбросил скорость, всем видом давая понять столпившимся у пирса охранникам с факелами, копьями и красными щитами, что великий Итао никуда не торопится, хоть и прибыл первым. Офицер в золотом шлеме окинул лодку жреца подозрительным взглядом, но ничего не сказал. Лучники, расположившись по обе стороны от воды, также не проявляли желания хвататься за свое оружие.

Канал здесь заметно сужался, так что пройти могла только одна лодка, а массивные ворота, поднимавшиеся из воды метра на четыре, были сделаны из просмоленных бревен, протаранить которые на пироге не представляло никакой возможности.

Несмотря на то что никто их не задерживал, ворота открывались как-то медленно. Возникла небольшая заминка, во время которой сердце Чайки бешено колотилось. «Быстрее, — мысленно подталкивал он стражников, — открывайте быстрее». Ему уже мерещилось, что их побег из тюрьмы вскрылся и на все входы и выходы из Монте-Альбана уже поступил приказ задержать беглецов.

Но ворота перед ними все же открылись заблаговременно, хоть и с заминкой, а две груженные доверху лодки, начавшие было входить в город, дали задний ход, отчаянно заработав веслами. Они притерлись к берегам снаружи от городской стены по обе стороны канала, и все, кто в них находился, пали ниц, не успев усеять путь лодки жреца лепестками цветов и сушеным маисом.

Когда пирога Итао, который сидел ни жив ни мертв, проплыла наконец мимо охранников, затем прошла сквозь толщу стены и вынырнула из этого грота на открытое пространство, Федор едва сдержался, чтобы не отсалютовать военачальнику в золотом шлеме. К счастью, это был не тот самый сапотек, которому он подарил жизнь, выиграв бой. «А жаль, — вдруг подумал Чайка, осторожно работая веслом, — вот был бы номер, когда все вскрылось. Наверно, его казнили бы за то, что нас упустил».

Наконец, пирога выскочила на открытое пространство, и финикийцы вновь взялись за весла, прибавив скорость. Здесь было заметно светлее, чем в узком пространстве канала. Несмотря на то что солнце уже почти касалось вереницы гор, его лучи еще освещали стены Монте-Альбана и лодки третьего жреца ягуара, величаво выплывавшей на простор из городских ворот.

— Леха, сбавь обороты, — едва не закричал Федор, увидев впереди целую вереницу лодок, усеявших берега канала и реки, в которую он впадал буквально метров через триста. Все, кто в них находился, вместо того чтобы пасть ниц, повставали со своих мест, зажав что-то в руках, и приготовились отдавать дань.

— Гребите медленнее, — прошипел Федор, пока они не поравнялись с первой лодкой, — нам нужно хорошо сыграть свою роль.

— Да понял, — огрызнулся Ларин, — извини, командир, руки чешутся. Не слушаются и сами гребут быстрее, как только за стеной оказались.

— Терпи, — буркнул Федор.

Вскоре перед ними в лучах солнца возник целый салют из лепестков каких-то цветов и желтых зерен сушеной кукурузы. Все это сопровождалось криками радости. Сапотеки с удивлением встречали живое воплощение бога-ягуара, который в этом году почему-то появился раньше представителей того, кому и был посвящен этот праздник. Однако, раз так получилось, значит, боги так решили, и народ радовался этому, осыпая пирогу Итао лепестками и сушеным маисом.

«И не думал, что бегство такое приятное занятие, — против воли усмехнулся Федор, поддавшись всеобщему ликованию, — хорошо быть жрецом. Наверное».

Вскоре лодка въехала в облако из лепестков и маиса. Но если лепестки весело порхали в закатном солнце, то сушеный маис забарабанил по лодке, словно град пуль, доставляя гребцам некоторые неудобства. Итао, то и дело поднимавшему обе руки вверх под восторженные крики, было хорошо сидеть защищенным своим навесом, а вот бедным

гребцам доставалось от этого веселья. Несмотря на полученные указания, едва оказавшись в коридоре из лодок и облаке маиса, финикийцы опять начали грести быстрее. Федор плюнул на это, стараясь изо всех сил удержать рыскавшую носом лодку на курсе и не врезаться на полном ходу в кого-нибудь из торговцев, самозабвенно приветствовавших пирогу жреца.

Управлять таким легким и «неудобным» транспортным средством и ему, и его солдатам приходилось впервые. Федор боялся сплеховать. Он-то еще хоть стоял в полный рост на корме, наблюдая за процессом, а остальные сидели, припав на колено, в позе каноистов и гребли двумя руками коротким незакрепленным веслом. С непривычки это было тяжело, лодку заметно бросало из стороны в сторону, и Федор молил всех карфагенских богов, чтобы эти огрехи кораблевождения остались без внимания публики, которая могла с легкостью опознать в них непрофессиональных гребцов и заподозрить неладное. А у жреца просто не могло быть плохих гребцов. В этой ситуации время играло против них, и он предпочел позволить своим подопечным разогнаться чуть больше положенного, чтобы побыстрее миновать вереницу лодок.

Когда конец грузового каравана и самого канала был близок, позади раздалась новая волна криков. Федор от неожиданности обернулся. Лодка второго жреца вышла на вечерний простор под крики радости сапотеков.

— Кто это, — осторожно и быстро «просигналил» своему жрецу носком сандалии Чайка.

— Это жрец Косихо-Питао, — вздрогнув, ответил ученый сапOTEK, который в этот момент как раз возносил руки к небу в приветственном жесте, — он должен был первым покидать город.

— Вот удивился, увидев тебя, наверное, — пробормотал Федор и, чуть повысив голос, добавил, переходя на финикийский: — Леха, давай поднажми. Теперь пора. Там появился второй жрец, встреча с которым не входит в наши планы. Только ровнее держите, а то опрокинете это корыто.

— Постараемся, — буркнул уже порядком уставший Леха, но лодка тут же прибавила хода, — свобода в наших руках.

Последние лодки, встречавшие жрецов у города, остались за кормой. Крестьяне и торговцы, находившиеся в них, с некоторым удивлением проводили взглядами пирогу жреца ягуара, с большой скоростью уходившую в сторону реки к бескрайнему лесу, видневшемуся за ней. Но к ним со стороны города уже приближалась лодка другого жреца, и ее тут же накрыла вторая волна поклонения.

— Отлично! — взвыл от радости Федор, когда рядом наконец не оказалось лодок. — Первый уровень этой игры со смертью мы прошли. Итао, ты — молодец. И тебе пока дарят жизнь. Слышишь, великий жрец?

И он привычно пнул ногой Итао в спину.

— Что там дальше по традиции делает жрец ягуара, удалившись от стен города?

— Он плывет по реке до самого заката и приветствует все лодки, которые повстречаются ему, — глотнув воздуха, проговорил Итао загробным голосом. — А затем возвращается в город уже после захода солнца.

— Какой отличный обычай! — воскликнул Чайка, разглядывая длинные тени от деревьев, протянувшиеся в поля. — Он словно создан, чтобы помочь нам бежать. Я снова начинаю любить сапотеков. Будем плыть до заката по этой прекрасной реке.

— Свобода! — в тон ему прокричал Леха, даже перестав грести на мгновение, от чего лодка стала забираться влево. — Ты молодец, командир. Отличный план!

— Погоди радоваться, — успокоил его Федор и добавил нарочито громко, чтобы Итао все было хорошо слышно: — Надо быстрее убираться отсюда как можно дальше в сторону большой воды, пока нас не хватились.

— Думаешь, будет погоня? — уточнил Ларин, не поняв замысла Федора, но невольно подыграв ему.

Поднапрягшись, он выправил лодку, которая вновь вышла на середину канала.

— А как же, — кивнул Чайка, посматривая по сторонам, — конечно, будет. Думаю, они уже обнаружили мертвых охранников в тюрьме. Скоро узнают и про странное поведение жреца. Сведут факты и догадаются. Так что погоня за нами теперь это лишь дело времени. Но у нас уже есть небольшой выигрыш и надо его не растерять. Так что гребите быстрее. Плевать на все встречные лодки, это задача Итао.

Бросив взгляд вперед, где шум воды немного усиливался, Федор заметил, что через пятьдесят метров вода из канала сливалась с широкой рекой, несшей свои воды дальше вниз по долине.

— Поворачиваем, — напомнил Чайка, когда пирога из спокойной воды канала выскочила в русло реки, зажатое пологими берегами. Ее качнуло на небольших волнах и, подхватив, понесло вниз по течению.

Река не была слишком быстрой, и горной ее было назвать трудно, однако мощь водного потока здесь ощущалась заметно сильнее, чем в канале. Река обладала своей душой, а канал нет. Да и ширина впечатляла. Река была примерно раз в десять шире канала, из которого они только что выбрались. «Как, бишь, она называется на местном наречии, — попытался припомнить Чайка, наблюдая за фарватером, и вспомнил: — Куаукутера, кажется».

Вниз по течению плыли сейчас только они, зато вверх поднималось некоторое количество лодок. К счастью, их было совсем мало, по сравнению с тем торговым флотом, который буквально заполонил воды канала у Монте-Альбана, в ожидании прибытия жрецов.

— Не забывай улыбаться, — напомнил жрецу Чайка, заметив впереди большую лодку и дюжину красных щитов, хорошо различимых в отблесках заходящего солнца, — ты еще не полностью заслужил возможность остаться в этом воплощении бога.

Вскоре мимо проплыли три углых крестьянских лодчонки. А затем и одиноко плывущая большая лодка с солдатами — это был явно какой-то дозор — поравнялась с лодкой жреца. Все, кто в ней был, опустили щиты и пали ниц, прокричав какой-то клич, служивший приветствием.

— Внимание, — скомандовал Федор незадолго до этого, — гребти спокойно и аккуратно. Стички нам сейчас не нужны.

Но все прошло нормально. Лодка с солдатами быстро осталась позади, поскольку шла против течения вверх, а Итао со своими гребцами направлялся вниз. Река довольно быстро унесла их вперед к свободе, и Федор, не увидев за очередным изгибом русла ни одной лодки, разрешил гребцам немного передохнуть. Финикийцы подняли весла и расправили плечи впервые с того момента, как оставили стены Монте-Альбана позади.

Чайка же продолжал править плывущей по течению лодкой и осматривал окрестности, обдумывая свои дальнейшие действия.

По правому борту где-то вдалеке мелькнула на холме и сползла вниз, исчезнув, каменная дорога, по которой в город на праздник Косихо-Питао тащились с тюками путники. Они хотели прибыть туда еще до захода солнца.

«Хвала богам, — устало улыбнулся Федор, — нам с вами уже не по пути».

Пока все получилось удачно. Но так везти может не всегда, поэтому нужно было быстрее миновать поля, тянувшиеся по обоим берегам реки, достичь леса и, если никто не помешает, плыть по реке не останавливаясь до самого рассвета. Где-то к этому времени — Чайка попытался припомнить карту — они должны добраться до границы следующего большого поселения сапотеков и попытаться улизнуть в горы еще до развилки у каменной дороги незамеченными. Таков был изначальный план, в который вмешался случай — счастливый, надо было сказать, — ускоривший их бегство, но не позволивший запастись провизией. А желудки уже начинало сводить от голода.

«Где бы нам раздобыть еды, — подумал Федор и посмотрел в сторону города, стены которого еще были отчетливо видны в лучах заходящего солнца, — там сейчас еды, конечно, полно. Однако лучше уж с пустым брюхом на свободе, чем с полным на виселице».

Отогнав назойливые мысли, Чайка вновь посмотрел на реку, которая постепенно исчезала под пологом раскидистого влажного леса. «Ладно, луки-копья есть, ножи тоже, —

подумал он, поглядывая на спрятанное под скамейкой жреца оружие, которого здесь не должно было быть, — с божьей помощью что-нибудь по дороге набьем. Дичи тут хватает. А может, и маисом на полях разживемся. Праздник нынче соответствующий».

Едва они пересекли границу влажного леса, встретив там еще несколько торговых лодок, приветствовавших жреца, как и подобает — криками и салютом из кукурузы и запасенных лепестков, — как солнце окончательно покинуло этот мир. Факел на носу пироги стал единственным источником света в кромешной тьме, охватившей беглецов со всех сторон.

— Держись ближе к правому берегу, — скомандовал Федор.

В неровных отблесках горевшего факела он с напряжением во взгляде рассматривал низкие берега, кое-где поросшие тростником и подтопленные водой. Лес подступал к самой кромке воды, так, что ветки некоторых деревьев нависали над ней. Чайка не успел обсудить с Итао во время занятий местную фауну, но допускал, что в этих местах водилось достаточно всякой скользкой живности, похожей на длинных двадцатиметровых змей и крокодилов, не считая более мелких, но ядовитых гадов. Встреча с ними не входила в планы Федора и остальных финикийцев. С наступлением темноты Чайка испытал сильное желание пристать к берегу и выйти на более высокие места, но река уносила их все дальше и дальше от ненавистного Монте-Альбана, а Федор не желал прекращать это движение. Даже из-за каких-то опасных рептилий.

Впрочем, скоро и поросшие влажным лесом берега перестали казаться такими привлекательными. Федору несколько раз показалось, что у берега шевелились длинные и скользкие тела. Чайка с большим удовольствием сейчас вернулся бы обратно на равнину или в холмы, где можно разгуляться взгляду. Но и эта мысль об открытом пространстве быстро тускнела, едва он вспоминал о том, что там их гораздо быстрее найдут и «обезвредят» карательные отряды сапотеков, которые уже наверняка рыщут по их следу.

— Может, выключим фонарь? — неожиданно предложил Леа, словно услышав его мысли. — Чтобы не привлекать внимания. Кто его знает, сколько тут поселений и кто живет на этих берегах.

— Не стоит, — отвел предложение Федор, — тогда мы сами ничего не увидим. Люди подумают, что это пирога жреца и возрадуются, да и нет тут никого. Глушь началась. А помимо людей, сдается мне, тут много всякой ядовитой гадости плавает. Лучше мы ее первыми увидим, чем она нас в темноте сожрет.

И двигаясь на приличном расстоянии от берега, они плыли дальше, помогая течению веслами. Пока что их никто не преследовал. Более того, наступала ночь перед праздником, и все, кто хотел или должен был быть в городе, уже были там. Они плыли сквозь лес уже примерно час, не повстречав больше ни одной лодки.

— Когда ты должен был возвращаться в город? — разбудил, казалось, задремавшего на своей скамье жреца, Федор.

— Едва солнце опустилось за горы, как мы должны были повернуть обратно, — обреченно пробормотал Итао, положив себе руки на колени. В своем желтом одеянии, обвешанный амулетами, он смотрелся загадочно, как и подобает жрецу. Только хмурое выражение лица этому не соответствовало.

— Ну извини, что обряд подпортили, — пожал плечами Федор без особого сожаления. — Долго будут ждать тебя у водных ворот стражники и жрецы, но так и не дождутся обратно. Зато у нас появился шанс уйти от погони.

— Вам не спастись, — вдруг произнес Итао, — вожди уже отправили по вашему следу лучших воинов.

— Отправили, говоришь? — ничуть не испугался Федор, выравнивая курс, когда лодка слишком отклонилась к середине реки. — Это тебе дух ягуара сказал? Ничего, оторвемся. Это мне тоже дух ягуара сказал. Я сам ведь с ним связан, ты же знаешь.

Чайка наклонился чуть вперед.

— А еще он мне сказал, что ты можешь не дожить до следующего рассвета, если

погоня найдет нас. Подумай об этом. Как тебе такое предсказание?

Итао умолк и погрузился в мрачное созерцание. Бежать он даже не пытался, хотя сидевшие рядом с ним финикийцы больше были заняты греблей, чем присмотром за пленником. После захода солнца стало заметно прохладнее, но он будто не ощущал холода, словно думая о том, что ему предсказал Федор. Гребцы согревались, работая веслами. Федору такой нагрузки досталось меньше, но и он, то и дело отпуская рулевое весло, размахивал руками, разгоняя кровь. О том, чтобы встать на ночлег, отдохнуть и перекусить, никто и не думал. Еды все равно не было.

Ближе к рассвету, когда надежный факел, горевший на ветру уже много часов, начал чахнуть, Ларин ненадолго оставил «свой пост» и пробрался на корму к Федору. Благо в кромешной тьме не от кого было прятаться и незачем сохранять конспирацию.

— Слушай, командир, — прошептал Леха, искоса поглядывая на застывшую в согбенной позе фигуру жреца, страдавшего от голода и сырости, но боявшегося вымолвить хоть одну жалобу после «предсказания» Чайки, — дальше-то что делать будем? Сколько еще этому лесу тянуться, неизвестно. Скоро рассветет, лодки появятся. Кто-нибудь нас обязательно заметит и настучит по местному телеграфу, где нас видел. А тогда вожди с ответным визитом не задержатся.

— Все верно, — кивнул Федор, нагибаясь к рулевому веслу, и также полупрошептом отвечая: — Попробуем сделать ход конем.

— Это как? — не понял Леха.

— Скоро, если я не ошибся в расчетах, лес закончится, — заявил Федор, поглядывая вперед, — или прервется ненадолго. Во всяком случае, в этих местах река должна делать широкий разворот, приближаясь к горам. Здесь самое короткое расстояние, чтобы попытаться добраться до ближайшего хребта, перевалить через него, а потом двинуться назад по долине.

— Куда? — уточнил Леха.

— Обратно на север, — ответил Федор, — к тем берегам, на которые мы приплыли. Придется немного побегать по горам, а потом, если повезет, и по болотам, но другого варианта я не вижу.

— Ну да, идти обратно по той каменной дороге не резон, — кивнул Ларин, — там нас и пешие догонят, если конных нету. А с этим что делать будем?

— Утром решим, — объявил Федор, — а пока завяжи-ка ему глаза. Не хочу я, чтобы он знал, где мы сходить будем.

— Ладно, сделаем, — кивнул Леха, — когда причаливаем?

Федор показал на застывшего без движений жреца, приложил палец к губам, и жестом показал, чтобы Леха возвращался на свое место. Однако Леха и без дальнейших объяснений понял, что плыть осталось недолго.

Итао не сопротивлялся, когда ему завязывали глаза, решив, что настал его последний час. Однако сразу его никто не казнил, оставив томиться в неведении.

Глава восемнадцатая ЗА ПЕРЕВАЛОМ

До тех пор, пока забрезжил рассвет, они успели проплыть еще значительное расстояние. Боги благоволили планам беглецов. И Федор Чайка надеялся, что так будет и дальше. За новым поворотом в первых робких лучах солнца, которое едва пробивалось сквозь облака — день обещал быть пасмурным, — вдруг показалось открытое место справа по борту. Деревья расступились, и Чайка заметил вдали за холмами, поросшими редколесьем, горные цепи.

— Похоже, мы прибыли, — пробормотал он и решительно направил лодку к берегу, поросшему тростником.

За несколько мощных взмахов весел они преодолели оставшееся расстояние. У гребцов

словно открылось второе дыхание, когда они поняли, что это их последние усилия на воде и дальше они снова вернутся к пешей земной жизни. Когда пирога уткнулась в топкую землю, Федор объявил:

— Здесь мы сойдем.

Услышав это, Итао вздрогнул и поднял голову. Если бы не повязка из куска зеленой материи на глазах, Федора увидел бы обреченный взгляд. Для жреца настала решающая минута.

— А с этим что делать? — деловито уточнил Ларин, уже выбравшийся на землю, указав на вельможного пленника.

Федор помолчал, словно придумывая способ казни для этого человека, еще вчера решившего не колеблясь принести их в жертву своим богам, и вдруг сказал:

— Его мы отправим дальше по реке.

— Опять? — возмутился Ларин, хватаясь за каменный нож, прикрепленный к поясу. — Ты опять хочешь оставить в живых этого предателя? Дай я ему кишки выпущу, если у тебя духу не хватает.

Испуганный жрец отшатнулся и даже привстал со скамейки, но Федор сделал предупреждающий жест, остановив друга.

— Нет, — он расправил плечи, — этот жрец сослужит нам последнюю службу.

И обернувшись к воинам, приказал:

— Цорбал, Пирг, привяжите-ка его крепко к лодке. Да так, чтобы сам не смог развязаться.

Итао дернулся, когда его схватили двое, но немного успокоился, поняв, что его никто не душит, а лишь накрепко привязывают тело к скамье, прикрепленной к днищу лодки, и руки к стойке, поддерживающей навес.

— Готово, — доложил Пирг через некоторое время, проверив все узлы, — теперь никуда не денется.

— Они будут искать лодку жреца, — с удовольствием пояснил Чайка всем, включая самого Итао, ухмыльнувшись в бороду, — пусть ищут. Вода течет быстро. Когда его найдут, — если, конечно, он не достанется речным тварям, — мы будем уже далеко. А за наш побег его самого по головке не погладят.

И, посмотрев на примотанного к лодке пленника, добавил:

— Ты хотел казнить сегодня на празднике второго жреца ягуара Уанусуко? Думаю, что ты скоро будешь лежать с ним рядом на жертвенном алтаре, если не займешь его места. Жаль, что твой путь жреца закончился так быстро. Все. Прощай, учитель. Нам пора.

Итао застонал, услышав свой приговор, но Федор больше не обращал на него внимания. Посмотрев еще раз на себя и своих солдат, одетых как гребцы жреческой пироги, он приказал:

— Всем снять с себя накидки. В этих балахонах мы далеко не уйдем.

Финикийцы с радостью стянули с себя жреческие наряды, побросав их на дно лодки и вновь став похожими на индейцев из племени сапотеков, только светлолицых и бородатых.

— Теперь заберите оружие и оттолкните пирогу подальше от берега, чтобы ее подхватило течение, — добавил Федор, удовлетворенный видом своих солдат, которых теперь издали можно было спутать с отрядом сапотеков, — и уходим отсюда вверх по холмам.

— Слушай, командир, а, может, возьмем эту сволочь с собой? — предложил, точнее, попросил Леха. — Как заложника. А что, перерезать ему горло мы всегда успеем. Вдруг пригодится, как живой щит, если нас догонят.

— Если нас догонят, — покачал головой Федор, — то он нас уже не спасет. Одного раза с вождей достаточно. Второй раз они Итао слушать не станут. Так что лучше бы нам не попадаться. Пусть молится, чтобы его съели крокодилы. Потому что когда он попадет в руки своих вождей, они долго будут его резать на ленты. Да и нас заодно, если поймают.

— Ладно, уговорил, — отказался от своей навязчивой идеи Леха, — отправим его в

последний путь по реке.

Он навалился на борт пироги вместе с Цорбалом, Пиргом и остальными, мощно оттолкнув ее от берега. Через несколько минут течение подхватило лодку и утянуло на середину реки. Пирога жреца ягуара со своим хозяином, накрепко привязанным к скамье, в утреннем тумане казалась каким-то мистическим ковчегом, плывущим по волнам таинственной реки к неизвестной цели. Убедившись, что река приняла свою жертву, Федор отогнал эти неуместные мысли, закинул ножны фалькаты за спину и, раздвинув тростник, направился к холму, поднимавшемуся над водой метрах в тридцати. Ступая по мокрой земле, он внимательно всматривался в хлюпающую жижу, не в силах отделаться от впечатлений вчерашней ночи. К счастью, ни змей, ни крокодилов в этой трясине им не повстречалось, а вскоре они благополучно выбрались на холм и поднялись на его вершину.

Там Федор обернулся, взглянув на реку и попытавшись отыскать глазами пирогу жреца. Туман немного раздуло, и в последнее мгновение ему удалось увидеть только корму и рулевое весло лодки, уносимой течением за поросший густым лесом мыс.

— Ну вот, — удовлетворенно заметил Федор, — если нас не поймают раньше, то эта пирога собьет с толку преследователей на какое-то время. Надеюсь, нам его хватит, чтобы раствориться в горах.

Дав пару минут отдышаться своим людям, Чайка скомандовал, с удовольствием вживаясь вновь в роль командира карфагенской армии:

— Вперед, воины. Пока не рассвело окончательно, мы должны быть уже далеко отсюда.

И первым направился вверх по холму.

Примерно час они потратили на то, чтобы выйти из леса, буйно разросшегося по берегам Куаукутеры. Отряд финикийцев, которых осталось всего шестеро, старался передвигаться скрытно, прячась за складками местности. Хотя Федор отлично понимал, что обитавшие в этих местах индейцы наверняка хорошие охотники и, окажись они рядом, то быстро срисовали бы своих бородатых «сородичей». К счастью, место, где они высадились на берег, оказалось достаточно пустынным и никакого жилья за время передвижения по холмам им не повстречалось. Зато, когда они достигли самой высокой точки, поднявшись от реки, то все сразу стало ясно.

Первым поднявшись на вершину невысокого хребта, служившего разделительной линией между речной долиной и остальным миром, примыкавшим к правому берегу Куаукутеры, Чайка смог обозреть окрестности. Спрятавшись между двумя невысокими деревьями с раскидистыми кронами, чтобы не быть слишком заметным случайному глазу, он некоторое время рассматривал открывшийся перед ним пейзаж, поджидая, пока на вершину подтянутся остальные финикийцы.

— Ну и где мы? — спросил Леха, повалившись на землю в трех шагах от друга и с наслаждением потянувшись. — Узнаешь что-нибудь?

— Узнаю, — кивнул Федор, — пока идем четко по карте.

— Ясно, — ухмыльнулся Леха, — значит, внутренний компас тебя не подвел.

Увиденное Чайкой действительно почти совпадало с тем, что он прочел на карте Итао. Прямо перед ними раскинулась узкая часть долины, как бы прижатая широким изгибом реки к горному хребту. Половина этой долины была засажена маисом, а другая, примыкавшая к горам, либо стояла «под парами», либо вообще была не пригодна к земледелию. Там, на склонах горы рос только редкий лес. Но это как раз Чайку вполне устраивало. Почти посередине кукурузных полей Федор разглядел узкую желтую ленту, разделявшую долину на две неравные части. Похоже, это была одна из нескольких каменных дорог, указанных на карте. Она начиналась на далеких холмах справа, где-то в той стороне должен был находиться теперь Монте-Альбан, и тянулась через долину до тех пор, пока не раздваивалась на плоском холме в левой части видимого пространства. Там, за холмом, угадывалось какое-то военное поселение сапотеков, обнесенное крепостной стеной. Видимо, к нему и дальше, в сторону Тихого океана, и вела эта дорога. А ее ответвление уходило в сторону гор, за

которыми, согласно карте и размышлениям Федора, начиналась горная страна, уже не подвластная сапотекам. Именно там проходил край карты и, как надеялся Чайка, владений сапотеков. Кто там жил, он узнать не успел. Может быть, и никто. Горная страна была обширна и могла быть заполнена только скалами и снегом, ведь все пригодные для обитания человека долины в этой местности были заняты и разработаны сапотеками. А может быть, там тоже обитали воинственные племена, и можно было угодить из огня да в полымя.

— И все же нам туда, — подумал вслух Федор, озадачив Ларина и Пирга, находившихся поблизости.

На самой дороге движения пока не было заметно.

— Вон, видишь те горы, с другой стороны? — спросил Федор, указав в нужном направлении рукой. — Там еще небольшая седловина по центру. Нам туда.

— А, может, вдоль дороги пойдем, к перевалу? — предложил Леха. — Чего в горы карабкаться по пересеченной местности.

— Нельзя, там слишкомлюдно, — отмел неудачную идею Чайка, — видишь, левее, военное поселение. Наверняка оно здесь и построено, чтобы перекресток этот от набегов охранять или служить перевалочной базой для собственных походов. Значит, вдоль этой дорожки постоянно вооруженные отряды сапотеков ошиваются. А нам с ними желательно как можно позже повстречаться.

— А лучше вообще не встречаться, — заявил Ларин, — устал я что-то от этих краснокожих.

— В общем, нам нужно постараться пересечь дорогу и долину, пока движения нет совсем. И добраться до седловины. Перемахнуть ее, а там мы уже на выходе будем из земель сапотеков.

Леха вопросительно взглянул на друга.

— Там кончается карта, которую я видел, — объяснил он, — по долине, что за хребтом, двинемся на север. С помощью богов доберемся как-нибудь.

— Есть охота, — вдруг вспомнил Леха, — там, в горах с дичью будет неважно.

Федор обернулся в сторону реки с запоздалым сожалением. У реки было больше шансов разжиться едой. Но возвращаться он уже не хотел. Время работало против них. Наверняка отряды преследователей уже двигались тем же курсом и, скорее всего, по той самой дороге, что лежала перед ними.

— Вон посмотри, — указал Федор на густые заросли маиса, что находились прямо по курсу.

— Ну хотя бы еда перед нами, — ухмыльнулся Леха, — только продираться через эти поля будет трудновато.

— Жить хочешь? — коротко уточнил Федор. — Тогда взяли оружие и вперед. Обходить слишком далеко. Еще больше времени потеряем. А луки и копья держите наготове. Если на какую живность наскочим в этих зарослях, будет у нас и мясной обед, когда до гор доберемся. А нет, так кукурузой перекусим и с собой наберем. На первое время хватит.

И финикийцы, прихватив луки и копья, спустились вниз с холма, вскоре растворившись в зарослях маиса.

Это путешествие, как и предрекал Леха Ларин, оказалось довольно утомительным. Федор махал своей фалькатой, словно мачете, прорубая себе дорогу, когда попадались особенно густые заросли толстых стеблей, сквозь которые он уже не мог протискиваться. Остальным тоже пришлось попотеть. Когда они выбрались к дороге, оказавшись почти в середине пути, все были усталые и голодные, а дичи не поймали никакой.

— Вперед, — скомандовал Федор, — надо перебраться через дорогу, пока кто-нибудь не появился. Там зарослей меньше. Там и отдохнем чуток и перекусим. Пирг, сходи посмотри, что там творится.

Пирг, закинув лук за спину, пробрался к самой желто-каменной дороге и, пригнувшись, осмотрелся. А потом дал знак рукой остальным, чтобы шли к нему.

— Пока спокойно, — удовлетворенно кивнул Федор, — выдвигаемся. Леха, ты первый. Потом остальные. Я замыкающий.

Быстро перемахнув открытое пространство и стараясь не оставлять следов, финикийцы вновь углубились в заросли. Федор, перебегая дорогу последним, заметил какое-то движение за поворотом дороги справа. Ему показалось, что там в последний момент мелькнуло что-то красное, словно из-за него появился отряд сапотеков. Однако рассмотреть лучше Чайка не успел. Счел за благо побыстрее удалиться от дороги, чтобы его самого не заметили.

Пробравшись сквозь примерно километр зарослей, беглецы заметили впереди просветы — поле заканчивалось. Да и не нужно было быть следопытом, чтобы понять это. Достаточно было поднять голову и увидеть горные цепи, возвышавшиеся впереди.

— Почти пришли, — выдохнул Федор, усаживаясь между стеблей и втыкая фалькату в рыхлую землю, — привал. Можно перекусить, чем найдете.

— Что-то крестьян не видать, — поделился наблюдениями Леха, отрывая спелый початок от стебля и с наслаждением впиваясь в сочную желтую мякоть плода, — пока нас сюда тащили, они повсюду этот маис собирали. А здесь никого, хотя поселение близко.

— Может, все на празднике, — поделился соображениями Федор, прислонившись к толстому стеблю потной спиной, — или им боги в этот день запрещают собирать маис.

Ларин пожал плечами, а Федор, прожевав немного кукурузных зерен, продолжил разговор.

— Надо сделать какие-нибудь корзины, чтобы унести побольше с собой, — вспомнил Федор прежний опыт. — Лиед, Ганнор, займитесь этим, как отдохнете немного.

Оба финикийца нехотя кивнули. Как вязать корзины, они понятия не имели, но приказ есть приказ.

— Эх, жаль, что те жреческие балахоны в лодке оставили, — огорчился Леха, поразмыслив над задачей, — из них бы получились отличные мешки, да и спать было бы теплее.

— Ничего, — утешил его Федор, который, прищурившись, некоторое время смотрел сквозь высокие стебли на солнце, а потом встал, — как почувствуешь запах свободы, сразу согреешься.

— Оно конечно, — не стал дальше спорить Леха, доедая початок.

— Дичи так и нет, — пожаловался он, поднимаясь вслед за командиром и кивнув на свое копьё, для которого пока не нашлось достойной цели в виде упитанного кабанчика.

— Оно понятно, — попытался утешить его Федор, убирая фалькату и поправляя ножны, чтобы не мешали двигаться дальше. — Мы ее своим шумом давно распугали. Ничего, может, в горах повезет. Первое время на кукурузе продержимся, а там что-нибудь придумаем.

— Ну-ну, — пробормотал Леха, вставая.

Ганнор и Лиед уже справились с задачей, хотя и не без труда. На земле стояла наспех связанная из стеблей и листьев корзина, которую могли нести двое. Она была доверху наполнена спелой кукурузой. Кроме того, каждый распахнул по своей одежде столько початков, сколько смог унести.

— Отдохнули? — уточнил Федор и, увидев несколько кивков, приказал: — А теперь вперед. Следующий привал будет в горах.

Покинув заросли маиса, долгое время спасавшие их от случайных взглядов, беглецы оказались на почти открытой местности, поросшей редкими деревцами. К счастью, сразу от границы с полем начинались предгорья. Быстро приметив овраг, который вел в нужном направлении, Федор осмотрелся по сторонам и направил свой отряд короткими перебежками прямо туда. Подъем начался.

Вдоль оврага росла небольшая рощица, которая вновь скрыла финикийцев, позволяя им перемещаться не ползком, а почти во весь рост и даже нести корзину с кукурузой так, что они не были видны с дороги. Скорость передвижения, которая до того была невелика, чуть возросла, несмотря на то, что они шли теперь вверх. Все-таки продираться сквозь заросли

было труднее, чем просто карабкаться в горы. И через пару часов они благополучно достигли середины подъема.

Здесь ситуация изменилась и Чайка объявил короткий привал, чтобы обдумать новый путь. Удобный овраг шел дальше по склону, в сторону перевала, но уводил группу от нужной седловины, которую Чайка наметил себе как цель. Именно здесь он хотел перемахнуть через невысокий хребет. Чтобы двигаться в нужном направлении пришлось бы дальше карабкаться прямо по склону, пытаясь прятаться лишь за валунами и немногочисленными отрогами. Почти у самого взлета находилась небольшая плоская скала, откуда должен был открываться отличный вид на всю пройденную долину. Федор заприметил ее как хороший наблюдательный пункт.

«Нужно будет осмотреться оттуда, как дойдем», — решил он.

Сама седловина была абсолютно гладкой, и спрятаться там было негде. Чайка понимал, что преодолеть ее нужно было без задержек. Надежнее всего, конечно, ночью. Но Федор уже чувствовал, что погоня на хвосте. Не сидеть же здесь до темноты. С того места, где они находились, была видна лишь часть долины и лес вдоль реки. Ни поселения, ни дороги толком отсюда было не разглядеть. И понять, что там творится, тоже. Но, несмотря на это, он решил рискнуть.

— Дальше идем по склону вверх, — сообщил он солдатам свое решение и добавил: — Если заметят, пойдем еще быстрее.

— Вверх так вверх, — сплюнул Ларин и схватил свое копье с каменным наконечником, — чего зря время терять.

Подхватив корзину, которую на этот раз понесли Цорбал и Пирг, беглецы покинули свое убежище и, прикрываясь валунами, рассыпанными по всему склону, стали карабкаться вверх. Так продолжалось еще часа два, пока они не достигли подножия плоской скалы, где Федор разрешил сделать новый привал, спрятав людей за скалой. Сам же, подзвав Ларина, решил взобраться наверх и осмотреться, поскольку с места стоянки было почти ничего не видно, кроме нескольких холмов со стороны Монте-Альбана.

— Копье оставь, — приказал он Лехе, который, за неимением фалькаты, уже свыкся с новым с оружием и даже научился им пользоваться не хуже самих сапотеков, — сползаем наверх и обратно. Только мешать будет.

— Да я уже привык, — воспротивился было Леха, но потом все же отставил копье, положив на камни.

Чайка и так всю дорогу нес фалькату за спиной, так что ему ничего не мешало передвигаться по горам. Вдвоем они вскарабкались еще метров на десять и оказались на огромном плоском камне, стертая ветрами вершина которого занимала метров тридцать в поперечнике. Федор хотел было распрямиться в полный рост, но вдруг заметил на дороге красную змейку щитов и рухнул плашмя, как подкошенный.

— Ты чего, командир? — удивился Ларин, продолжавший стоять боком к дороге. — Ногу подвернул?

— Ложись! — гаркнул на него Чайка. — Сапотеки!

Леха развернулся вполоборота, посмотрел в долину, которая была отсюда видна как на ладони, и тоже растянулся рядом со своим другом.

— Как думаешь, заметили? — виновато поинтересовался Леха, отдышавшись.

— Сейчас узнаем, — буркнул Ларин.

Приставив ладонь к глазам, чтобы медленно начавшее клониться к закату солнце не мешало смотреть, Федор пытался разглядеть, что же происходит внизу. Прежде всего он заметил, что по дороге, меж зарослей маиса, в сторону военного поселения маршировал отряд сапотеков во главе с военачальником, чей шлем сверкал, как золотой шар на солнце. Все со щитами, копьями и мечами. Даже в кожаных нагрудниках. В общем, в полном боевом облачении. Отряд находился сейчас аккурат напротив той самой скалы, где Федор решил устроить наблюдательный пункт. На первый взгляд никто не смотрел в сторону горы, на которой находились друзья, и никто не подавал никаких сигналов к перестроениям.

«Кажется, пронесло, — подумал про себя Федор, — хвала богам». И молча погрозил другу кулаком. Леха также молча закивал в ответ, «мол, виноват, расслабился».

— Человек сто, — определил Чайка на глаз, — не меньше.

И добавил, глядя на сверкающий шлем военачальника, с грустью по прошлой жизни:

— Эх, сюда бы снайперскую винтовку...

— Как думаешь, командир, по своим делам идут? — уточнил любознательный Ларин. — В поселение или по нашу душу?

— Не знаю, — ответил Федор, — обычные воины у них, насколько я помню, хороших доспехов не носят. Значит, спецбригада. А если так, то значит, по нашу...

Он посмотрел налево и заметил еще один отряд, спускавшийся с холма по каменной дороге вслед за первым. Там тоже было не меньше сотни сапотеков. Потом перевел взгляд направо: у самого военного поселения строился еще один отряд. А на перекрестке дорог уже стояла плотная группа индейцев, похожая на дозор или блокпост, — еще человек двадцать-тридцать. Ни одного крестьянина Федор до сих пор не увидел. Сплошь армейские.

— Похоже, общевойсковая операция началась, — криво усмехнулся Чайка, — план «Перехват» заработал. Интересно, они уже нашли пирогу со жрецом, или Итао повезло, и его успел съесть крокодил?

— Вовремя мы через дорогу перебрались, — вставил слово Леха, смотревший в сторону военного поселения у развилки, — и хорошо, что сразу не пошли на перевал.

— Да, брат, — согласился Федор, — еще через пару часов тут и мышь не проскользнет. Сильно мы разозлили отцов-основателей этой империи. Хотя кто их знает. Мы же в приграничной области. Может, внезапно война какая началась?

— В любом случае, давай убираться отсюда повыше, — предложил Леха, — да побыстрее. Пока они не разобрались, где мы.

— Ползем, — согласился Федор, — а то мы тут как на ладони. Только подождем, когда третий отряд пройдет мимо.

Они дождались этого момента и отползли обратно за камень, вернувшись к своим солдатам. Поджидавшие их бойцы использовали время с пользой и выглядели отдохнувшими. Даже Цорбал и Пирг, тащившие сюда корзину с кукурузой.

— Там внизу сотни сапотеков, — сообщил всем Федор, — три отряда прошли в сторону селения и к перевалу. Нам нужно собраться с силами и взобраться на эту седловину. Так что берем оружие и вперед. Точнее, вверх. Но очень осторожно. Если нас заметят, то, скорее всего, догонят. Пока мы в пределах страны сапотеков, наше единственное преимущество — скрытное передвижение.

— Может, тогда подождем до наступления темноты, — подал дельный совет Ларин, стоявший опершись двумя руками на свое копьё.

— Хорошо бы, — ответил Чайка, подумав немного, — но нельзя. Сапотеки явно собираются взойти на перевал еще до темноты. Если они повернут оттуда по долине в нашу сторону, то мы можем оказаться зажатыми между двух отрядов. И тогда прощай, свобода.

При этих словах он невольно заметил, как напряглись все финикийцы. Едва избежав плена и казни, они предпочитали погибнуть в бою, но обратно в Монте-Альбан на расправу никто не собирался.

Поняв, что обсуждение закончено, Федор посмотрел на Ганнора и Лиеда.

— Теперь ваша очередь нести корзину.

Осторожно выбравшись из-за каменного укрытия, беглецы направились вверх по склону, петляя меж валунов, и вскоре были у самого взлета на седловину этого широкого перевала, которым, похоже, никто не пользовался. Во всяком случае, Чайка не увидел здесь никаких удобных подходов, сделанных сапотеками. Это открытие только убедило его в правильности сделанного выбора. В их ситуации, чем глуше были места, тем лучше.

До вершины оставалось совсем немного, метров триста, но эти метры им нужно было пройти по совершенно лысому склону, где они вновь становились видны как на ладони.

— Вперед, — отдал приказ Федор, посмотрев на покрытые пылью лица своих

солдат, — осталось немного. Нам нужно пройти этот взлет очень быстро. Так быстро, как только вы способны. Ганнор и Лиед, дальше идете налегке, корзину теперь понесем мы.

Леха слегка удивился такой нежности по отношению к простым солдатам, но спорить не стал. Командиром экспедиции все-таки был Федор, и в бегстве из Монте-Альбана именно он сыграл главную роль. Одной рукой Леха подхватил корзину за ручку из стебля маиса и зашагал вверх по склону рядом с Чайкой, другой рукой сжав свое короткое копье.

Двигались они быстро. Седловина приближалась. От напряжения пот тек ручьями по лицам финикийцев, но ради свободы они готовы были вытерпеть и не такое. Беглецы успели преодолеть примерно половину взлета, как из-под ноги кого-то из шедших впереди вырвался злополучный камень и поскакал вниз, увлекая за собой мелкую крошку. Пролетев метров десять, он стукнулся в другой небольшой камень, сдвинув его со своего места. Не прошло и минуты, как вниз уже прогрохотал небольшой камнепад, поднявший тучу пыли и достигший плоской скалы.

Федор и Леха, как по команде обернулись назад и оба заметили новый отряд сапотеков, приближавшийся в этот момент со стороны Монте-Альбана. Он маршировал как раз по дороге мимо плоской скалы. Услышав звук камнепада, военачальник в сверкающем шлеме поднял голову и зычно что-то прокричал. Отряд замер на месте. А сапOTEK в шлеме приложил ладонь ко лбу и внимательно обшарил взглядом склон. Над долиной повисла зловещая тишина. Вдруг он вскинул руку с боевым топором вверх и до финикийцев донесся боевой клич.

— Ну, вот и все, — как-то спокойно произнес Ларин, глядя, как сотня сапотеков потрясает своими щитами, бросаясь сквозь заросли маиса в погоню. — Приехали.

— Подожди помирать, брат, — так дернул за ручку корзины Федор, что весь сухой паек едва не рассыпался по камням, — давай вверх. Теперь можно не прятаться, посмотрим, что там. Пока сквозь заросли продерутся, пока поднимутся. Может, еще успеем уйти.

— Давай попробуем, — без особого энтузиазма проговорил Леха и посмотрел на застывших без движения чуть выше по склону бойцов, пытаясь понять, кто из них оступился так не вовремя.

Не обращая внимания на крики, доносившиеся из долины, финикийцы продолжили свой быстрый подъем, благо ни копья, ни стрелы до них еще не долетали, и вскоре были на седловине. Здесь, чуть спустившись с другой стороны и пропав из видимости преследователей, Федор бросил корзину на камни, скомандовав привал. Леха рухнул рядом, не став выяснять, кто именно оступился. В этом уже не было смысла, да и вряд ли он сделал это умышленно. Здесь каждый хотел выжить, а потому винить во всем можно было только злой рок.

Пока Ларин смотрел в небо, восстанавливая силы, Чайка и остальные смотрели вперед, где прямо перед ними открывалась горная страна. Вдали белели снежные пики. А здесь, внизу, как оказалось, сходилась сразу две долины, образуя подобие перекрестка путей. Одна долина шла вдоль хребта, который они только что преодолели. В ее левом краю находился невидимый отсюда перевал, который сейчас должны были переходить передовые отряды сапотеков. Правда, никакой мощеной дороги внизу было не видно. Только ручей и тропа вдоль него. В правую сторону эта долина, тянувшаяся вдоль приграничных территорий сапотеков, выглядела абсолютно безжизненной. Там даже начинался крутой подъем, который заканчивался еще одним перевалом, ведущим дальше вдоль земель сапотеков. По склону горы стекал небольшой водопад, питавшийся ледником, и Чайке показалось, что у подножия этого водопада имелось несколько гротов или пещер. Строго напротив седловины, где отдыхали беглецы, начиналась еще одна протяженная и широкая долина. И по этой долине сейчас навстречу беглецам шла целая армия воинов, вооруженная черными щитами и копьями. Поначалу Федор подумал, что их окружили, но вскоре тренированный разум взял верх над страхами и командир карфагенян рассудил, что для поимки шестерых беглецов здесь собрались слишком внушительные силы. Из долины надвигался отряд, в котором можно было насчитать не меньше пятисот воинов. Да и видом своим, даже издавleка, они

вовсе не походили на сапотеков. Чайка впервые начал сомневаться в том, что ловили сейчас именно беглецов из Монте-Альбана.

— А может, они нас за кого другого приняли? — подумал Федор вслух, глядя, как неизвестный отряд спускается с перевала в долину напротив и шагает навстречу к ним.

— Это почему еще? — удивился Леха, приподнимаясь на локтях и вперив непонимающий взгляд в друга. — Видели-то они только нас.

— Они видели, — предположил Федор, — каких-то воинов на склоне холма. А холм этот, похоже, приграничная территория. Могли подумать, что мы вражеские разведчики.

Чайка вытянул руку вперед.

— Вон, посмотри-ка туда. Кто это, как думаешь?

Леха повернул голову в указанном направлении и увидел то, что все остальные уже давно видели. Его глаза расширились от изумления.

— Это еще что такое, — пробормотал он, вставая на ноги.

— Я думаю, — пришел к окончательному выводу Федор, — что охотятся эти сапотеки не за нами. Не исключено, что еще даже Итао не нашли. Думаю, брат Леха, что мы попали в самый центр приграничного конфликта. И надо нам делать ноги отсюда, пока нас не перемолола эта мясорубка. А она, чует мое сердце, очень скоро начнется, и не исключено, что прямо в этой вот долине.

Леха перевел свой изумленный взгляд в сторону гор, за которыми скрывался перевал сапотеков, а потом обратно на друга, и произнес:

— Может, ты и прав. Только куда же нам деваться? Либо те, либо другие нас просто раздавят.

— Вон туда, — указал Федор в сторону водопада и гротов, — сюда ближе всего. Можем срезать по склону холма и, если повезет, укроемся в этих пещерах еще до того, как обе армии сольются в экстазе. А там, глядишь, может, и выживем.

— Бежим, — кивнул Леха, мгновенно соглашаясь на этот план.

Он сделал неосторожный шаг и задел корзину с кукурузой, опрокинув ее. Желто-зеленые початки рассыпались по камням. Ларин, уже собравшийся бежать, остановился как вкопанный и поднял на Федора такой виноватый взгляд, словно это именно из-под его ноги сорвался тот злополучный камень, который привел к камнепаду.

— Да черт с ней! — плюнул Федор. — Не о том сейчас надо думать. Если нас порубят на куски, то кушать ее будет уже некому. А выживем, там видно будет.

И махнув рукой на потерянный провиант, повел отряд за собой вниз по склону.

Глава девятнадцатая

ВРАГ МОЕГО ВРАГА

Прыгая по камням, беглецы пересекли склон наискосок и вскоре оказались в той его части, что не была заметна отряду индейцев, приближавшихся из долины напротив. Впрочем, опасность надвигалась быстро. Запыхавшиеся финикийцы достигли спасительного водопада буквально за полчаса до того, как у ручья, в том месте, где сходились почти под прямым углом две долины, появились разведчики индейцев с черными щитами.

К этому времени финикийцы, уже рыскавшие вокруг водопада в поисках гротов, замеченных еще с перевала, наконец обнаружили то, что искали. Вблизи они, как ни странно, были не так заметны. Скалы здесь имели такой уклон, что закрывали вид на эти пещеры из долины, оставляя их открытыми только с одной стороны. Именно с той, с которой их и заметил Чайка. Кроме того, солнце за это время спустилось еще ниже и по горам поползли длинные вечерние тени, что сразу сделало гроты почти незаметными, среди других черных пятен.

— Вот она! — воскликнул Федор, указав на широкую расщелину в скале рядом с рушившейся сверху водой, и первым проскользнул в нее. Чуть в стороне находился еще один грот больших размеров, но карфагенский военачальник решил воспользоваться малым.

Едва заскочив внутрь, финикийцы заметили разведчиков неизвестного противника, которые обшаривали место брода у ручья. Осторожно перейдя неглубокую водную преграду с поднятыми копьями и щитами — вода едва доходила им до колен, — индейцы неизвестного племени бросили несколько настороженных взглядов в сторону водопада. И, не заметив ничего подозрительного, развернулись в противоположную сторону. Видимо, они знали о существовании перевала, через который сапотеки обычно устраивали свои набеги, и решили в этот раз упредить противника, совершив внезапное нападение.

— Хвала богам, успели, — выдохнул Федор, который немного высунув голову из-за края скалы, осторожно наблюдал за перемещением разведчиков, — они нас не увидят, если не приблизятся.

— Зато сапотеки с горы отлично разглядят, — вскинул руку стоявший рядом Леха, указав на седловину перевала, с которого они только что спустились. Там все еще никого не было.

— Это если мы с тобой будем тут у входа маячить и размахивать руками, — рассудил Федор, отступая назад, — а если будем сидеть в глубине пещеры тише воды ниже травы, может, и пронесет. Главное, успели с глаз долой убраться вовремя. Сапотеки и эти, с черными щитами, думаю, не переговоры вести сюда пришли такой толпой. Как только встретятся друг с другом, такая потеха пойдет, что и про нас позабудут. Вернее, они про нас и не знают, я думаю. Так что наша задача себя не обнаружить.

Чайка повертел головой и прищурил глаза, привыкая к полумраку.

— Кстати, — добавил он, — нужно осмотреться, что это за местечко. Всем разойтись и осмотреть пещеры, проверить, нет ли проходов дальше или в соседние гроты.

Здесь было сыро, по стенам змеились ручейки. Пещера оказалась довольно широкой и уходила в глубь скалы, где разветвлялась на несколько ходов. Над головой шумела вода, так что приходилось разговаривать довольно громко, и гулкое эхо разносило голоса, отдаваясь от стен. Перебросившись парой таких фраз со своими бойцами, Федор на всякий случай приказал пока всем помалкивать и продолжать свои исследования в тишине. Что творится в других гротах, они не знали, вдруг не одни они такие умные оказались. Наверняка еще кто-то знал про эти пещеры. Место здесь было проходное, и наверняка когда-нибудь лазутчики сапотеков или их противников заглядывали сюда. Однако никаких следов жизнедеятельности индейцев здесь не нашлось, впрочем, как и других выходов на поверхность. Цорбал, Пирг, Ганнор и Лиед вернулись ни с чем.

— Ну, значит, сидим здесь, — выслушав доклады, подвел итог Федор, — всем отдыхать с оружием в руках. Если бой приблизится к нам, будем прорываться вверх вдоль водопада. Если этот путь еще будет свободен.

Бойцы, повинувшись приказу, расселись на камнях, используя появившуюся возможность отдохнуть. К войне все они привыкли давно. Каждый положил рядом свое оружие, чтобы иметь возможность схватить его и сразу броситься в бой. А Федор, закончив осмотр пещеры и выяснив, что запасных путей отхода нет, вновь вернулся к выходу и осторожно выглянул наружу.

Когда его глаза привыкли — это было уже проще, поскольку приближался вечер и воздух становился все менее прозрачным, — он первым делом посмотрел на седловину перевала, но никого там не обнаружил. Либо сапотеки до сих пор не поднялись, что было возможно, так как времени прошло не так много, либо уже были там, но заметили врага и затаились, прекратив преследование «разведчиков». Разросшиеся тени им тоже помогали скрывать свое присутствие. Федор долгое время всматривался в склоны горы, но так никого и не заметил.

— Затаились, сволочи, — пробормотал он.

Но в этот момент откуда-то из глубины долины, раскинувшейся перед ним, раздались воинственное крики. Чайка обернулся и увидел, как, сверкая наконечниками отточенных копий в лучах закатного солнца, в центре долины сошлись две лавины — красная и черная. Обе армии были уже здесь.

— Ну, что там? — услышал Федор за своей спиной шепот Ларина. — Сапотеки прибыли?

— Прибыли, — подтвердил Федор, — пошла потеха.

Ларин попытался выбраться вперед, чтобы еще лучше рассмотреть, что там происходит, но Федор его остановил.

— Обожди, — проговорил он с нажимом, — не лезь на открытое место, позицию засветишь.

И кивнул в сторону перевала.

— Там до сих пор еще никто не появился.

Леха с неохотой отступил назад и устроился в тени скалы.

— Странно, — ответил он, некоторое время понаблюдав за скалами. — Давно бы пора подняться. Думаешь, они там затаились?

— Думаю, — ответил Федор, внимательно всматриваясь в сражение, которое набирало обороты примерно в полукилометре от их убежища, — мы с тобой, брат Леха, сами того не зная, вывели сапотеков на отличную засадную позицию. Так что, если они победят, в этом будет и наша заслуга.

— Ты меня обрадовал, — сплюнул со злостью Леха, — по мне, так лучше, чтобы их тут всех перебили.

— Оно, конечно, лучше, — согласился Чайка, невольно потрогав рукоять фалькаты, висевшей на боку, — только неизвестно, что нам еще принесет встреча с этим новым племенем. Может, они еще хуже.

— Разве может быть что-то хуже этих садистов, что вырезают сердца? — пробормотал Леха, вспомнив свои приключения.

— А ты уверен, что эти бойцы с черными щитами не людоеды? — усмехнулся Чайка, отвлекаясь от созерцания сражения, которое расползлось уже по всей долине. Он обернулся к Ларину, лицо которого уже едва мог разглядеть в тени скалы.

— Еще чего не хватало, — опять сплюнул скифский адмирал, — нет чтобы по хорошему людей на тот свет отправлять, в бою, мечом или копьем. Вечно придумают какое-нибудь извращение.

Он взмахнул руками, пошевелившись на своем наблюдательном посту.

— Нет, командир, — закончил Леха свою речь протеста, удаляясь в пещеру, — мне тут не нравится. Хочу домой. Там и помирать веселее.

Федор Чайка спорить с другом не стал. Он опять вернулся к созерцанию боя, между сапотеками и их неизвестным противником. С небольшими перерывами, когда его подменял на наблюдательном посту то Ларин, то Цорбал, то Пирг, Чайка провел здесь не меньше двух следующих часов. По его ощущениям, жестокое избиение индейцами двух племен друг друга продолжалось не меньше. Копья и боевые топоры шли в ход с обеих сторон. И хотя в сгущавшихся сумерках было трудно разглядеть результаты сражения, Чайке показалось, что атака сапотеков захлебывается. По всей видимости, две армии встретились совсем не там, где рассчитывали, и эффекта внезапности не было ни у одной из воюющих сторон. Да и численный перевес, кажется, был на стороне наступавшего противника.

Немного подумав и привычно поставив себя на место военачальников, Чайка пришел к выводу, что племя с черными щитами хотело скрытно подобраться к перевалу и атаковать военное поселение сапотеков, уничтожив его. Не исключено, что они были осведомлены о празднике и гуляниях у сапотеков именно в эти дни. Однако сапотеки, по всей видимости, также рассчитывали, что в это время противник не будет ожидать нападения, и решили нанести упреждающий удар. Плачевные результаты такой стратегии Чайка сейчас наблюдал перед собой. «Либо разведчики недоработали, — пришел к выводу Федор, глядя, как отчаянное наступление сапотеков пробуксовывает, — либо где-то завелся предатель».

Впрочем, его беспокоил сейчас только «засадный отряд», который мог повлиять на исход сражения. Ведь если он действительно прятался в складках уже укрытой тенями горы, то вступать было самое время. Сумерки сгущались быстро, и очень скоро момент для

контратаки мог быть упущен окончательно.

— Ну, вот и они, — самодовольно улынулся Федор, когда со склона послышались долгожданные крики.

Сотня сапотеков, размахивая красными щитами и смертоносными копьями, бежала вниз, улюлюкая на ходу. Быстрее всех приближался к черным рядам военачальник сапотеков в золотом шлеме.

— А ты оказался прав, командир, — усмехнулся Ларин, вновь возникая из темноты за спиной, — они действительно там отсиживались. Интересно, нас не заметили?

Федор пожал плечами, не отрывая глаз от происходящего.

Сапотеки, словно нож в незащищенный доспехами бок, вонзились в построения противника, буквально смяв его оборонительные порядки. Захлебнувшаяся было атака вновь обрела второе дыхание, и сапотеки начали стремительно теснить своих врагов. Вскоре битва переместилась из центра долины к подножию водопада. Бой в сумерках шел уже буквально в паре сотен метров от прятавшихся финикийцев.

— Приготовиться, — зло прошипел Федор, буквально выдергивая фалькату из ножен. Не исключено, что скоро придется принять участие в этой заварушке.

Ларин, Цорбал и остальные, вооружившись, сгруппировались у входа в пещеру, но Федор пока не давал команды покинуть ее. Еще минут двадцать они провели в напряжении, слушая скрежет оружия и дикие крики умирающих, но враги сапотеков смогли справиться и с этим ударом в спину. Их численное превосходство сыграло свою роль. Постепенно они оттеснили сапотеков обратно в долину и даже обратили в бегство. Отряд с черными щитами, потеряв больше половины своих бойцов, устремился в погоню и вскоре исчез из вида. Вероятно, он преследовал остатки сапотеков до того самого перевала, который еще надеялся захватить.

— Они все еще верят в победу, — ухмыльнулся Чайка, — отчаянные ребята.

— Что будем делать, командир? — поинтересовался Леха, когда в долине опустилась ночь, а битва закончилась. — Не пора ли покинуть эту пещеру. Здесь, конечно, хорошо, но очень мокро и холодно становится. Я предпочитаю ночевать подальше от этих трупов.

— Ты прав, — согласился Федор, выходя из пещеры и посмотрев на небо, где сквозь облака то и дело проглядывала луна, — надо уходить отсюда. Вверх через перевал. Ночь нам не помеха. Только вот одежды у нас для ночевки в горах маловато, да и еды тоже...

Он подумал некоторое время и приказал:

— Придется посетить место побоища, пока никто не вернулся обратно. Разживемся там дополнительной одеждой и обувкой, а то у меня сандалии того и гляди порвутся. Идем все вместе, а оттуда обратно на перевал.

— Ну, раз так, командир, — неожиданно предложил Леха, сжимая копье покрепче, — давай я тогда за кукурузой смотаюсь на перевал, пока вы одеждой займетесь. Сандалии у меня в порядке. Может, соберу что осталось. На первое время хватит, а грязь в ручье отмоем.

— Ты с ума сошел, — заключил Федор, — там же сапотеки.

— Да нет там уже никого наверняка, — заявил Леха, в голосе которого Федор вновь уловил нотки былого бахвальства и желания щегольнуть своей отчаянностью, — те сапотеки, что нас преследовали, погибли давно в долине. А остальных эти, с черными щитами, сейчас добивают. Так что не до нас им сейчас. Шансы верные.

— Ладно, — сдался Федор, — только возьми с собой Цорбала. Вместе корзину нести легче.

— Решено, — кивнул Леха, исчезая вместе со спутником в темноте.

Остальные, сжав покрепче оружие, направились вдоль ручья к месту сражения. К счастью, идти пришлось недалеко. Первые трупы обнаружили уже в паре сотен метров от пещеры, буквально усеяв все берега ручья и даже плавая в воде. Это были воины, изрубленные на куски страшными каменными мечами или буквально утыканные стрелами. В свете луны, то и дело мелькавшей за облаками, это место выглядело жутковато. Но, как ни крути, именно здесь беглецы могли сейчас пополнить свои запасы нужных в предстоящем походе вещей.

— Хорошо погуляли, ребята, — криво усмехнулся Федор и, обернувшись к своим солдатам, приказал: — Ищем накидки или снимаем верхнюю одежду. Кому надо — обувь и оружие. Щитов не брать.

Пробыв здесь недолгое время, они набрали достаточное количество накидок, черных или красных — в темноте было не разобрать, какому племени они принадлежали, — а также луков, мечей и ножей. Ганнор и Пирг красовались в новых сандалиях, снятых с ноги мертвецов. Даже Федор был вынужден разуть одного из сапотеков, как ему показалось, чтобы взять с собой запасную пару обуви, привязав ее ремешками к поясу. Дорога предстояла длинная, мало ли что могло случиться с его собственной истрепанной обувкой.

Спустя час они вновь были у пещеры. Когда от скалы внезапно отделились две черные фигуры, Федор схватился за фалькату, но страхи оказались напрасными.

— Спокойно, командир, — раздался голос Ларина, — это мы.

— Быстро вы обернулись, — ответил Федор, опуская острие фалькаты вниз. — Как сходили?

— Удачно, — ответил Ларин, выставляя напоказ корзину, — место я нашел. Хотя в этой темноте удалось насобирать только половину початков. Ну и прихватили кое-что из оружия по дороге, у подножия горы тоже мертвецов хватает.

Леха похвастался укороченным каменным мечом и деревянными ножнами от него, украшенными целым набором амулетов.

— Ладно, на первое время хватит, — похвалил Федор, осмотрев содержимое корзины, — берем все это и наверх. Скоро выйдет луна, станет видно лучше. А пока переберемся на ту сторону ручья.

— А спать когда будем? — не удержался Ларин, чтобы не подначить командира. — И так целый день бегаем по полям и горам. Устали.

— На том свет отоспишься, если сапотеки тебя догонят, — пообещал ему Федор и первым шагнул в ручей.

Отряд беглых финикийцев шел по камням часа четыре без отдыха, почти в кромешной темноте, рискуя сорваться в водопад или упасть в расщелину. Они преодолели основную часть подъема и вышли к перевалу, когда из-за облаков появилась луна, впервые засияв в полную силу.

— Привал, — скомандовал Федор усталым голосом, — передохнем немного.

И, пока остальные бойцы отдыхали, рухнув на камни, предварительно прикрытые накидками сапотеков, Чайка, как всегда, осмотрелся.

Усилия не пропали даром. Они уже были почти под перевалом, оставалось метров сто, не больше, и путь этот уже не казался таким крутым и сложным. Позади них раскинулась долина, где оставили свои жизни сотни сапотеков и воинов другого неизвестного племени. Но Чайка не ощутил в своей измученной долгими страданиями душе к ним никакого сочувствия. «На войне как на войне». Скорее он был рад тому, что они так ловко ушли от погони. И хотя полной уверенности в этом не было, ему казалось, что искать беглецов там, где только что состоялось кровопролитное сражение, никто не будет. Ларин был, похоже, прав. Эти бойцы с черными щитами могли сами напасть на долину сапотеков, и тогда все оборачивалось сплошной удачей. Сапотекам на какое-то время станет не до беглецов. В любом случае надо использовать этот шанс и уйти как можно дальше от границ их горной империи, пока те не опомнились.

Федор посмотрел на тяжело дышавшего рядом Леху и почувствовал, как устал сам. И все же у него не было желания ночевать в этой долине. «Нужно пройти еще хоть немного и хотя бы спуститься с перевала, — решил он, с трудом вставая, — там уже должны быть чужие земли, там и заночуем».

Чайка поднял свой отряд, и финикийцы брели, спотыкаясь, по камням еще почти час. За это время они поднялись на перевал, прошли его и стали спускаться в следующую долину, которую было почти невозможно рассмотреть, поскольку луна вновь зашла за облака. Федор счел это знаком, достаточным, чтобы прекратить бороться с судьбой. Хотя бы сегодня.

— Ночуем здесь, — приказал он, останавливаясь у большого валуна, рядом с которым шумел небольшой ручей, — кто хочет, может поесть. Потом спать. Цорбал, ты первым в дозоре.

Лучник устало кивнул и привалился к валуну спиной. Остальные, побросав накидки на камни, рухнули на них, заснув мертвым сном. Усталость и напряжение последних дней взяли свое.

Глава двадцатая НА СВОБОДЕ

Проснувшись, Чайка не сразу открыл глаза, а некоторое время лежал с закрытыми. Потом, еще минут пять, прищурившись, привыкая, поскольку ему в лицо светило уже яркое солнце. Когда он наконец встал, услышав шум в лагере, то обнаружил, что остальные бойцы давно на ногах и занимались кто чем. Ганнор и Пирг разбирали собранные впотьмах одежды индейцев, Цорбал пересчитывал стрелы из двух колчанов, которые прихватил с собой, складывая их в один. Лиед рассматривал доставшийся ему каменный меч. В общем, вооружены теперь все были прилично. На каждого приходилось как минимум по копыю и мечу, а у лучников не было недостатка в боеприпасах.

— Что, брат, придавило? — весело поприветствовал его Ларин, сидевший в трех шагах на теплом камне и с наслаждением поедавший отмытую от горной пыли кукурузу, — бывает.

«Вот он, груз ответственности, — подбодрил себя Федор, проснувшийся последним, и теперь с удовольствием потянувший затекшие руки и ноги, — действительно, так придавило, что не встать».

— Надо же и командиру иногда отдыхать, — незлобиво ответил Федор и, взяв из корзины початок, присел рядом с другом на плоский камень, осматриваясь и поминая добрым словом Косихо-Питао за то, что дал миру кукурузу.

— Надо, — согласился Ларин. — Командир не лошадь. Тоже отдыха требует.

В целом все складывалось удачно. За ночь никто на них не напал и не обнаружил стоянки беглецов. Все выспались и отдохнули, вернув себе прежнюю форму. С первого взгляда было ясно, что бойцы, встряхнувшись за вчерашний день бега по пересеченной местности, уже были готовы к дальнейшим трудностям и лишениям. А в том, что они предстояли, Федор не сомневался.

Заночевали они случайно у самого подножия перевала, который вывел их в соседнюю долину. Справа за высоким хребтом, насколько мог судить Чайка, по-прежнему оставались сапотеки. А прямо перед его глазами расстилалась изрезанная отрогами, длинная и узкая долина, в которую стекало множество ручьев. Один из них начинал свой бег буквально в десяти шагах от места стоянки беглых финикийцев. Дальнего конца изломанной долины было не видно, но даже отсюда Чайка мог наблюдать, что примерно через полдня пути, в сторону уходила еще одна долина, терявшаяся в высоких горах.

— Думаю, нам туда, — указал на нее Федор после недолгой рекогносцировки, — дойдем до поворота и налево.

— А почему туда? — удивился Леха, также доедая свой вегетарианский завтрак, хоть немного порадовавший его пустой желудок. — Долина и дальше идет прямо. Если глаза мне не врут, то север и, значит, океан, как раз туда.

— Это так, — терпеливо пояснил Федор свою мысль, — только за хребтом находятся наши старые знакомые. А мне, проделав такой долгий путь, совершенно не хочется вновь узреть перед собой в один прекрасный момент эти размалеванные рожи. Они ведь могут запросто опять спуститься с какого-нибудь перевала. Страна у них длинная. Еще на несколько таких долин хватит.

Леха, подумав, кивнул.

— Так что предпочитаю удалиться от границ сапотеков и пробираться дальше на север козыми тропами.

— И долго нам здесь прыгать, как горным козлам? — уточнил Леха, прищурившись.

— Понятия не имею, — честно ответил Федор, — думаю, неделька уйдет, а может, и больше. Мы же в обход пойдем, да неизвестно еще куда выйдем. Так что насчет кукурузы ты молодец, но посматривай в пути по сторонам, горные козлы как раз нам очень пригодятся в качестве сухого пайка.

Леха молча вздохнул.

— А кто сказал, что будет легко? — усмехнулся Федор, отбрасывая обгрызенный со всех сторон початок. — Зато впереди нас ждет свобода. Так что — вперед. Карфаген нас уже заждался.

Собрав оружие и трофейную одежду, помогшую пережить прохладную ночь, финикийцы устремились вниз по склону. Они старались передвигаться быстро, но осторожно, вспоминая тот злополучный камнепад, чтобы не наделать лишнего шума. Это был еще все-таки приграничный район. Никакого жилья или людей здесь не наблюдалось, а едва заметная тропа была узкой и постоянно петляла, сильно затрудняя движение. Кроме того, на пути шумели многочисленные ручьи, стекавшие с окрестных склонов, так что ноги у беглецов не успевали обсохнуть после одной переправы, как они уже форсировали другую водную преграду. К счастью, все они были неглубокими. Настоящих горных рек, представлявших опасность, в этой долине пока не попадалось.

Небольшой отряд растянулся почти на сотню метров. Ларин и Федор шли рядом в центре колонны, посматривая на пустынные отроги и перевалы, в ожидании постоянной опасности. Время от времени они переговаривались.

Так прошло полдня, и в назначенный срок беглецы свернули влево, удаляясь от владений сапотеков. Тропа пошла вверх к новому перевалу, видневшемуся вдаль. Он был небольшим и довольно крутым, а совсем рядом с ним, на склонах красных гор, лежал снег. Эта долина тоже казалась безжизненной.

— Ты уверен, что мы двигаемся правильной дорогой? — вновь спросил Леха, когда они устроили очередной привал в середине новой долины. — Может, стоило идти прямо, ничего не выдумывая. Похоже, сапотеки не слишком часто посещают соседнюю долину.

— Уверен, — заявил Федор, поглощая кукурузу, — рисковать не стоит. Я лучше встречусь с этими бойцами, которых видел вчера впервые в жизни, чем вернусь к сапотекам.

Леха понял, что решение идти через горы неизменно, и умолк, больше не задавая вопросов. В таких ситуациях он чаще полагался на интуицию друга, чем на свою. Остальные воины вообще не подвергали сомнению приказы Федора Чайки. Он их привел сюда сквозь огромное водное пространство, он попал вместе с ними в плен и организовал побег оттуда. Значит, он и должен вывести их из этого ада. Пока жив командир, они оставались солдатами, а судьба их управлялась богами Карфагена, каким бы далеким он сейчас ни казался.

Новый перевал они прошли уже затемно. Ночевка была похожей на первую, если не считать, что здесь было заметно выше и холоднее. Спали, укутавшись в трофейную одежду, и все равно к утру у всех зуб на зуб не попадал. За перевалом обнаружилась еще одна узкая долина, на которую у финикийцев ушла пара дней, а в конце, когда они перевалили через новый перевал, уже полностью занесенный снегом, закончилась еда. И тогда Федор стал вспоминать переход многотысячной армии Ганнибала через Альпы, когда от холода и голода гибли не только люди, но и слоны, которых они тащили за собой. А весь путь пролегал под обстрелом и постоянными атаками местных племен, служивших римлянам.

Слонов в этот раз у финикийцев с собой не было. Но и многочисленных врагов, к счастью, здесь тоже не оказалось. Места были пустынные. Видимо, индейцы из недружественного к сапотекам племени жили южнее. А в эти суровые районы не совались ни они сами, ни сапотеки. Индейцев можно было понять. Земли, пригодной для обработки, здесь не было, климат был холоднее, и любимый индейцами маис здесь вряд ли бы поднялся, не говоря о других теплолюбивых культурах.

Два дня они брели вверх и вверх, замерзая от холода и голода, когда их постигла первая потеря. Проходя ледник у одного из горных отрогов, Лиед провалился и рухнул в глубокую

трещину. Когда остальные финикийцы подобралась к ее краю, чтобы попытаться его вытащить, то увидели лишь окровавленное месиво из костей и мяса на самом ее дне. Лиед упал прямо на острые глыбы льда и умер мгновенно.

Отползая от трещины, Федор уронил туда свой башмак, со счастливым лезвием в каблуке, — порвался ремешок. Вернувшись на твердую каменистую почву, он был вынужден выкинуть и второй, изорванный в хлам, с омерзением натянув запасные сандалии, снятые с мертвого сапотека. Они были не совсем впору и сразу стали натирать ноги, но Федор не обращал на это внимания, понимая, что другого выхода нет. Идти босиком по камням и льду было невозможно.

Все они порядком исхудали и уже поглядывали голодными глазами друг на друга, когда на шестой день пути им улыбнулось счастье. Ближе к вечеру, когда солнце уже давно миновало зенит, Цорбал смог подстрелить горного козла, засмотревшегося на невиданных в этих местах зверей, что брели, едва не падая от усталости под палящим солнцем. Его любопытство позволило людям наконец насытиться. По такому случаю они даже раздули огонь и устроили себе отдых на небольшом плато, завялив несколько кусков мяса впрок. Каждую ночь Федор проверял свой путь по звездам и понимал, что они двигаются в целом верным курсом, но из-за причудливого рельефа долин не могут идти строго на север. Им все время приходилось забирать на северо-запад, поневоле делая большой крюк.

Так прошло еще дней пять или шесть, а когда Федор Чайка уже начал сбиваться со счета, они вскарабкались на очередной перевал и заметили на горизонте что-то странное. Это не был ставший за время затянувшегося перехода привычным красновато-коричневый цвет скал. Это не было белым снегом, укрывшим крутые склоны. Цвет горизонта и примыкавшей к нему долины был зеленым. Это стало настоящим потрясением для заплутавших в горах беглецов, которые замерли на месте от неожиданности, не в силах сделать дальше и шага.

— Земля, — пробормотал хриплым голосом Федор, словно моряк, который очень давно не видел родных берегов.

— И вода, — поднял руку Леха Ларин, облизнув свои обветренные губы, — вон там, видите, сверкает какая-то золотая лента. Это наверняка река.

— Точно, — едва не воскликнул от радости Федор, у которого вспыхнуло в памяти изображение сапотекской карты, где изображалась заболоченная область, примыкавшая к владениям ольмеков, — там должна быть река. Она течет к нашему океану.

Чайка с блаженным выражением лица осмотрел выживших солдат и повернулся к Лехе.

— Мы почти дома, орлы, — заявил он, — сапотеки и горы остались позади.

Дальше путь, хоть и петлял извилистыми зигзагами, шел только вниз к пушей радости карфагенян, обретших второе дыхание. Еще через двое суток они достигли пологой долины, в самом центре которой плескалась широкая река, уносившая свои воды с окрестных гор в направлении огромного залива.

Впрочем, самого залива и вообще «широкой воды», как называли ее индейцы даже с этого перевала, Чайка не видел. Пару раз показалось, что блеснуло что-то на самом горизонте. Но это мог быть и обман зрения, а значит, до побережья еще предстояло добраться. В чьих они теперь находились землях, Чайка совершенно не представлял. Знал только, что бояться стоило ольмеков, а заодно и все остальных, по возможности избегая контактов с местным населением.

— Интересно, где мы сейчас? — озвучил за Федора его мысли верный друг. — И сколько еще до моря добираться.

— Знал бы прикуп, — сделав усилие над собой, усмехнулся Чайка, отдохавший сейчас в тени кустов на берегу реки, — жил бы в Сочи.

Он поднял голову и посмотрел на Леху.

— Одно я знаю точно, — добавил он, — устал я ходить пешком.

Ларин не нашел что ответить, и Чайка вновь стал разглядывать пустынные берега неизвестной реки, обильно поросшие лесом.

— Странно как-то все здесь, — заявил вдруг Леха, — пустынно. Сколько идем уже,

считай по равнине, а ни одного поселения или хотя бы следа от костра. Словно и не живет никто, хотя места подходящие. Дичи много.

— Значит, — серьезно ответил Федор, тоже ощутивший какую-то мрачную загадочность в здешних землях, — не совсем подходящие. И я хотел бы как можно быстрее отсюда убраться.

— Я тоже, — согласился Ларин, — только как и в какую сторону?

— Все просто, — объяснил Федор, посмотрев на Пирга, который бродил неподалеку между деревьями с луком, высматривая дичь на ужин, — сегодня мы отдохнем. А завтра начнем строить плот. Посмотри, как много деревьев вокруг. Они не такие толстые, как баобабы, и не слишком тонкие. Для крепкого плота в самый раз. Грех не воспользоваться такой возможностью, чтобы не срубить его. А насчет направления, так тут и думать нечего — все реки текут в океан. И эта река, не знаю, как она называется, но, к счастью, течет она именно в тот океан, который нам нужен.

— А рубить-то чем будешь? — уточнил Леха, посмотрев на друга.

— Я видел, на что способны каменные мечи сапотеков, — сказал Федор, — они вполне подойдут. А, кроме того, для хорошего дела и фалькаты не жалко. Так что как-нибудь справимся. Лес влажный, лианы имеются. Свяжем, скрутим, сколотим нам плавсредство. А на нем мы быстро до океана доберемся. Все лучше, чем пешком.

— Уговорил, — согласился Леха, уже с интересом посматривая то на стволы деревьев, то на свои ободранные в кровь ноги, — честно говоря, я сам стоптался за последнее время.

На рассвете следующего дня они принялись за работу. Дело пошло быстро, благо не только у Ларина были каменные мечи. И к вечеру был готов вполне приличный плот, метров десять в длину, на котором спокойно могли разместиться пять человек, бежавших из сапотекского плена. Пока все строили плот, Пирг настрелял и закоптил в дорогу столько дичи, что должно было хватить дня на три пути. Ему удалось набить в прибрежных лесах несколько мясистых и неповоротливых птиц, похожих на куропадок, одну дикую свинью и даже длинную змею, которую Ларин определил как удава. После ящериц, которыми их некогда кормили сапотеки, мясо такой змеи показалось всем просто деликатесом. Завернув всю дичь, а также остатки пиршества со змеей в широкие листы, Пирг уложил все это аккуратно на палубе под специальный навес, который был сделан в средней части плота специально для таких целей, а также чтобы скрываться от дождя, который в этих местах мог пойти в любую минуту.

Спереди на плоту имелось четыре грубых уключины, на которые можно было положить весла, заботливо выструганные Чайкой, чтобы грести или хотя бы направлять его движение по реке. А за навесом разместилось длинное рулевое весло, прибитое к своему основанию деревянными гвоздями и привязанное лианами.

— Не Ноев ковчег, — подытожил результаты совместных действий Федор, разглядывая на закате плот, груженный припасами и готовый к отплытию, — но нам должно хватить, чтобы добраться до океана.

Он повернулся к остальным «строителям» и приказал:

— Всем спать. На рассвете отплываем.

Глава двадцать первая РЕКА ДАЛЕКИХ ВРЕМЕН

Выспавшись, если не вспоминать тучи комаров, которые неожиданно появились ближе к середине ночи, финикийцы поднялись с первыми лучами солнца, собрали свои нехитрые пожитки и принялись спускать плот на воду.

— Хорош, — еще раз похвалил плот и заодно всех солдат Федор, наблюдавший за спуском своего нового «корабля» на воду, — нам только паруса не хватает.

— Ну да, — поерничал Леха, помогавший воинам закончить спуск, — натуральная квинкерема, хоть метательные орудия ставь.

При упоминании о квинкереме Чайка немного загрустил. Он подумал о том, что если его призрачные надежды тщетны и они никого не найдут на побережье, то весь этот путь был проделан зря. «Ну уж нет, — отругал сам себя Чайка, запрыгивая на плот и привычно вставая у руля, — пока я не увижу пустынный берег океана, никто не скажет мне, что мы спаслись зря. Вот доберемся, посмотрим, а там все и решится. В любом случае в плен я больше не сдамся. Никому».

Широкая река подхватила плот финикийцев, и вскоре они были на ее середине, где течение было сильнее. И все же оно было не настолько сильным, чтобы испугать бывалых мореходов, к тому же не так давно уже сплавлявшихся по реке.

— Она пошире будет, чем Куаукутера, — заявил Чайка после недолгих наблюдений, — раза в три.

— Может быть, — кивнул Ларин, стоявший у навеса и помогавший править плотом с помощью бокового весла, — зато спокойнее и даже быстрее.

— Ты прав, — согласился Федор, всматриваясь вдаль, — надеюсь, с такой скоростью она доставит нас к побережью дня за три.

Почти день они радовались жизни, без особых усилий быстро передвигаясь по реке, загораая на плоту и пугаясь только гигантских змей, то и дело бороздивших мутную воду рядом с ними. Но к вечеру, когда они оставили позади предгорные районы, течение реки стало постепенно замедляться.

— Три дня, — заявил, несмотря на это, Федор, когда они пристали к заросшему деревьями берегу и поедали заранее приготовленный ужин, разогрев его на костре, который развели тут же на палубе, выложив очаг из мокрых бревен.

— Три дня и мы будем на побережье.

— Хорошо бы, — согласился Леха, обгрызая мясистое крылышко неизвестной птицы и прислушиваясь к ночным шорохам, — а то как-то тоскливо стало в этом зеленом раю. Одни гады плавают, даже рыбы не видать в мутной воде. Скорей бы закончилось это плавание.

Он наклонился к Федору и уточнил по-русски, понизив голос:

— Старшой, а это не Амазонка, случайно? Больно широкая стала. А то по Амазонке, говорят, можно и месяц плыть.

— Нет, — успокоил его Федор, — не знаю, как она называется, но это не Амазонка. Так что будь спокоен. Еще день, ну два, и будем на месте.

— Ну-ну, — как-то с недоверием пробасил Леха и улегся спать прямо на плоту, подложив себе под голову ножны каменного меча с амулетами и укрывшись индейской накидкой.

На следующий день плот прошел четыре больших изгиба реки, и к последнему повороту Чайке показалось, что река стала еще шире. Он счел за благо держаться поближе к левому берегу, хотя течение замедлилось.

— Еще два дня, — продолжал упорствовать Федор на ужине, не признавая потерю времени из-за того, что река стала гораздо медлительнее, словно ей вовсе не хотелось впадать в океан. С ним никто не спорил, даже вечный бузотер Леха.

Так прошло еще два дня, без каких бы то ни было приключений. С тех пор, как они укрылись в горах, уже много дней беглецы не видели ни одного живого человека. А теперь и звери стали попадаться все реже. Свой следующий день они плыли по этой неизвестной реке при почти полном молчании природы, и чем дальше удалялись от ее истока, тем тише становилось вокруг. На шестой день они уже не слышали даже криков птиц. У всех создавалось впечатление, что они приближаются к какому-то страшному месту, которого боятся даже звери.

— Что-то мне все это перестает нравиться, — проговорил Ларин, глядя на росшие вдоль берега сплошной стеной безмолвные джунгли, — командир, а мы точно к океану плывем?

— Больше некуда, — нехотя отозвался с кормы Федор, наблюдавший, как солнце медленно опускается за кромку леса, — все реки текут в океан.

И тихонько добавил себе под нос, будто засомневался:

— Надеюсь.

За очередным изгибом реки Федор не ожидал увидеть ничего нового, — все ту же бесконечную воду и все те же молчаливые джунгли, без признаков жизни. Однако то, что он увидел, заставило его ненадолго позабыть даже про рулевое весло.

Неожиданно плот вышел на открытое пространство, почти идеально круглое и заросшее по краям деревьями. Река разливалась здесь метров на триста, превращаясь в настоящее озеро и сильно сужаясь у дальнего края. Но не этот гигантский круг воды поразил Федора, а то, что находилось в самом центре странного водоема.

Прямо из воды метров на двадцать возвышалась статуя огромного человека, словно вытянувшего руки по швам. Вода доходила ему до пояса. Федор скользнул взглядом снизу вверх по фигуре этого колосса, желая увидеть его лицо, и... не увидел. Статуя была без головы.

— Командир, — первым нарушил возникшее молчание Леха, вцепившийся в свое весло, как в спасительный круг, — ты смотри, а он же черный. Что, насчет наших предков... не легенда, выходит?

После этих слов, повисших в прозрачном воздухе, и Федор заметил то, что должно было броситься в глаза в первую очередь. Статуя безголового человека действительно была черной, как смоль.

— Не знаю, Леха, — пробормотал он, пытаясь определить, из какого камня изваяли этого великана, — я сам теперь ничего не знаю точно.

Плот финикийцев проплыл под левой рукой черного великана и направился дальше к единственному выходу из этого озера, очень похожего на рукотворный водоем. Некоторое время все молчали, не зная, что и думать насчет увиденного. Когда плот вновь вошел в русло реки, Ларин опять нарушил молчание.

— Интересно, — подумал он вслух, — это кто же такую статую посреди речки поставил?

Но ответом ему было всеобщее молчание. Воины гребли, стараясь держать плот посередине потока, который стал заметно уже и быстрее. А у Федора, управлявшего рулевым веслом, возникло предчувствие, что это не последний артефакт, который они сегодня увидят. Больно уж прямым стало русло реки после этого странного водоема, слишком похожим на широкий канал. Чайка поневоле вспомнил легенду о городе Безголовых, что рассказывал ему Итао еще в Монте-Альбани. По легенде древний город черных великанов находился как раз в этих местах. «Неужели это не просто легенда?» — спросил он сам себя, почти повторяя слова друга в то время, как плот снова выходил на открытое водное пространство.

Когда деревья разошлись в стороны, плот оказался на просторе, но уже другого колоссального водоема прямоугольной формы, тянувшегося на несколько километров. Назвать его озером у Федора уже язык не повернулся. Закрытый со всех сторон джунглями, этот водоем представлял собой странное зрелище. Повсюду из воды вздымались статуи черных безголовых великанов разной высоты. Здесь были статуи, едва показавшие из мутной воды плечи, были возвышавшиеся над ней метров на десять-пятнадцать и просто давившие своим весом на проплывавших мимо финикийцев, но такой огромной, что стояла «у входа» в это пространство, здесь уже не было. Время обошлось с каждой статуей по-разному, у кого-то не хватало руки, у кого-то ноги, но было одно странное обстоятельство, объединявшее всех, — абсолютно все эти статуи не имели голов.

— Да, не пощадили боги великанов, — прошептал пораженный Чайка, — прав был Итао.

Продолжая свое плавание среди этих фигур, Федор вскоре заметил, что из-под воды торчат не только безголовые великаны. В нескольких местах в небо взлетали колонны, украшенные странным орнаментом незнакомых символов по кругу, покатые крыши домов, а в самом конце этого прямоугольного водоема над водой возвышалась верхушка полуразрушенной ступенчатой пирамиды, очень похожая на те, что уже не раз видели

финикийцы в городах ольмеков и сапотеков. Приблизившись к ней, Чайка заметил, что под самой поверхностью мутной воды угадывается еще одна, каменная поверхность, и поймал себя на мысли, что это могла быть обсерватория, стоявшая наверху пирамиды. Обсерватория древних людей или... гигантов, живших когда-то в этом странном городе. А, увидев, что в каменной стене этой пирамиды зияет пролом, Чайка не смог удержаться и направил плот прямо к ней.

— Похоже, — заговорил после долгого молчания Федор, когда плот приблизился к пролому, — здесь когда-то был огромный город и этот город на две трети ушел под воду.

— Город? — не поверил своим ушам Леха, и даже обернулся. — Ты думаешь, что это город?

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Чайка.

— А что ты собрался делать? — настороженно спросил Ларин, глядя, как плот притирается к полуразрушенной пирамиде.

— Я хочу посмотреть, что там внутри.

— Не лезь туда, — посоветовал Леха, нахмурившись, — неспроста этот город так хорошо отутюжили. Значит, было за что. А там, внутри, сейчас наверняка и нет ничего, кроме змеиных яиц. Сам же видишь, тут одни змеи живут.

— Вот и посмотрим, — не уступал Федор, подводя плот к цели, — не могу же я проплыть мимо и упустить такой случай.

Он немного повозился у жаровни, устроенной прямо на плоту, раздул тлеющие угли и поджег заранее приготовленный для ночевки факел.

Перед тем как шагнуть в пролом, Федор обернулся.

— Всем ждать моего возвращения здесь. Если что, плывите дальше по течению.

Остальные финикийцы хоть и прекратили грести, заставив плот замереть у замшелой каменной стены, по которой ползали ящерицы, но смотрели на своего командира, как на умалишенного. Словно он решился в одиночку нарушить покой спящих, но по-прежнему грозных богов.

— Ладно, — нехотя отпустил спасительное весло Леха, поглядев на затопленную поверхность пирамиды, которое находилось сейчас не глубже чем в метре от днища плота, — я с тобой, археолог хренов.

И вслед за своим другом вскарабкался в пролом, находившийся чуть выше уровня бревен плота.

Несколько секунд оба стояли на самом краю, привыкая к полумраку, царившему внутри. Мерцающее пламя факела выхватило из мрака только часть скошенных стен и несколько замшелых стеблей каких-то вьющихся растений, свисавших вниз. Под ногами у Федора юркнула в угол потревоженная пестрая змейка. Люди были здесь не первыми посетителями. После исчезновения хозяев растения и животные уже давно захватили это место.

Наконец, Федор шагнул в глубину, зачем-то достав фалькату из ножен, словно на самом деле собрался сражаться с древними злыми великанами как заправский былинный богатырь. Но вопрос об этом застрял у Лехи в глотке, когда он посмотрел вперед и увидел два огромных светящихся глаза, воззрившихся на пришельцев из мрака.

— Это... еще что такое, — наконец выдавил из себя Ларин, одеревеневшей рукой сжимая меч.

— Думаю, — пояснил спокойно Федор, продолжая двигаться в темноту, — лицо бога. Или какая-то маска. Надо подойти поближе.

— Ты там осторожнее с богами, — попросил Леха, все еще стоя на месте, — не любят они, когда их беспокоят.

— Да мы осторожно, — пообещал Федор, отодвигая рукой свисавшие стебли, — только посмотрим.

Когда он преодолел метров десять замшелого пространства с факелом в руке, Ларин смог разглядеть контуры помещения более отчетливо. Они находились в зале с

пирамидальной крышей, в котором, если не считать заполонивших его растений и мхов, на первый взгляд ничего не было.

Только в дальнем конце, почти у самой стены находился огромный длинный стол из щербатого камня, а за ним круглый алтарь, похожий на лицо с огромными светящимися глазами и разинутым, словно пасть, ртом. Вокруг этих глаз и клыкастого рта явственно проступали черные круги, делая лицо похожим скорее на хищную морду какого-то животного. А когда Леха, так же осторожно ступая, чтобы не наступить на потревоженных змей или ящериц, подошел ближе, то увидел еще три узких прорези со зрачками на лбу этого существа. Только они не светились, в отличие от двух основных. По кругу этого огромного лица шли какие-то сложные повторяющиеся рисунки.

— Это что? — спросил Леха, глядя, как его друг деловито протирает блестящие отраженным светом факела глаза звероподобного божества.

— Не знаю, — ответил Федор, — похоже на какую-то смесь кварца. Впечатляет. Представляешь, как они блестят, когда сюда попадает солнечный свет.

— А почему их пять? — уточнил наблюдательный Леха.

Федор вновь взглянул на изображения глаз.

— Может быть, у наших предков глаз было больше, — предположил Федор, а рассмотрев изображения по краям, добавил: — И рук тоже. А может, это все только аллегория. Но какой жертвенный стол, ты посмотри, просто загляденье.

— Стол как стол, — пробормотал Леха, опуская взгляд на каменные плиты перед собой, — наверняка тоже сделали, чтобы людей резать.

— Да, — кивнул Федор, — наверняка. Только каких людей. Посмотри, он же почти в два раза больше нашего роста.

Ларин пригляделся и действительно заметил, что размеры стола значительно превосходили его собственные. Но обдумывать эту мысль мозг Лехи просто отказывался.

— Кто его знает, что они тут препарировали. Пойдем отсюда, — предложил Леха, оглянувшись по углам, куда свет от факела так и не мог пробиться, — видишь же, здесь ничего нет.

— Обожди, — сказал Федор, обходя алтарь по кругу, — что-то здесь должно было остаться... ага.

И он вдруг пропал из вида, а свет факела стал опускаться вниз.

— Ты куда? — вскрикнул Леха, увидев, как его друг опускается по ступенькам узкой лестницы, внезапно открывшейся за алтарем, в нижнее помещение.

— Мне кажется, тут должен быть саркофаг или что-то в этом роде, — пояснил Федор, светивший себе под ноги и острием фалькаты отбрасывая оттуда всякую копошащуюся живность, — надо попытаться найти и посмотреть. Итао как-то проболтался, что под его обсерваторией есть хранилище древних знаний. Может, и здесь...

— Вот черт! — услышал Леха через пять минут.

Затем раздалось скрежетание металла о камень и вновь чертыханье. Потом несколько ударов металла о металл. Федор явно пытался вскрыть какую-то дверь.

— Что там? — поинтересовался Ларин, тоже спустившийся на несколько ступенек, чтобы не оставаться в кромешной тьме с этим пятиглазым монстром.

— Здесь какая-то очень странная дверь, — раздалось снизу, — каменная и без отверстий для ключей. Наверняка есть тайные пружины. А под ногами круглый люк и, что самое интересное, его крышка сделана из металла. Попробую вскрыть.

Леха спустился еще на пару ступенек и увидел, что его друг стоит на коленях, прислонив к стене чадающий факел, в узком тамбуре перед массивной замшелой дверью с изображением того же божества. Под ногами его действительно виднелся какой-то люк, скрывавший вертикальный проход вниз. Федор безуспешно пытался просунуть в щель острие фалькаты и поддеть его. В последний момент ему это удалось, но тут случилось самое неожиданное. Заостренный кончик фалькаты вдруг завибрировал, треснул и рассыпался. А Федор отдернул руку, словно от резкой боли, уронив обломок лезвия на камни.

Затем Чайка снова схватил его и, не веря своим глазам, уставился на верное оружие, никогда его еще не подводившее.

— Странно, — только и смог выдавить из себя командир финикийцев, — такое ощущение...

Но не договорил, умолкнув на полуслове. Некоторое время он тупо смотрел на обломок, а потом в гневе выбросил его в угол, распугав ящериц. Фальката, обиженно звякнув, застряла во мху.

— Идем, — неожиданно заявил Чайка, подхватывая факел, — больше нам тут действительно нечего делать.

Леха, которому давно хотелось отсюда убраться, с облегчением выдохнул и, пропустив Федора вперед, последовал за своим командиром. Выходя, тот задел ногой какой-то предмет, валявшийся у жертвенного стола на замшелом полу, и резко остановился. Подняв и потерев его пальцами, Чайка увидел, как под слоем плесени что-то тускло сверкнуло. Это был синий полупрозрачный камень, в квадратной оправе из кости на цепочке из светлого металла. Явно чей-то амулет, утерянный здесь много сотен лет назад. Федор, не думая, засунул его за отворот индейской рубахи и направился к выходу. У пролома он вдруг остановился, сбросил на пол уже ненужные ножны и факел, а затем спустился на плот.

Покинув город по длинной и узкой протоке с быстрым течением, напоминавшей своим видом отводной канал, финикийцы вскоре вновь попали в русло настоящей реки и устремились по нему дальше. Больше никаких площадей и расширений, похожих на рукотворные строения, им не попадалось, лишь несколько высоких холмов в лесу чуть в стороне от движения воды, напоминали своим видом занесенные временем пирамиды. Похоже, жители города некогда построили его у самой реки, изменив ее русло и направив воду вокруг города, что их в конечном итоге и погубило. Во всяком случае, вода играла в жизни странного города не последнюю роль. Колоссальная система каналов была видна даже после затопления всего остального. Как бы то ни было на самом деле, затерянный город остался позади, и беглецов вновь обступили непролазные джунгли.

Вскоре стемнело и, как всегда, заночевав у берега реки, финикийцы доели последние остатки закопченной дичи, которую растянули на вдвое больший срок. Дичи здесь совсем не было, да и охотиться в этих местах им до сих пор почему-то не хотелось.

— Если завтра не выйдем к океану, — проговорил Ларин, доедая последнее крылышко, — придется все-таки разыскать какую-нибудь живность. Не помирать же от голода в этом краю лесов и болот.

— Завтра мы будем на месте, — заявил Федор.

— Свежо предание, — пробормотал Леха и завалился спать.

Но всем как-то не спалось в этот день. Лежа на плоту, они смотрели в звездное небо, наполовину затянутое облаками. И Чайке, расположившемуся на корме, показалась, что низко над лесом по небу разливается зеленое свечение. Это было позади, как раз там, откуда они недавно уплыли. Свечение это совсем не походило на виденное несколько раз в прошлой жизни яркое северное сияние, скорее казалось, что миллиарды бледных светлячков поднялись в небо. Судя по тому, что многие финикийцы ворочались полночи, изредка поднимая голову в небо, и забылись коротким сном только на рассвете, его заметил не только Федор. Наутро, однако, никто не стал обсуждать то, что видел.

«Интересное место, — подумал Федор, поглядывая на джунгли позади плота, когда они на рассвете вновь тронулись в путь, — хотя главное я, кажется, так и не увидел».

Утро началось как обычно, но ближе к полудню все заметили, что течение вдруг убыстрилось. Джунгли проплывали мимо с хорошей скоростью, несмотря на то что все чаще справа и слева от реки стали попадаться заболоченные участки. А еще через пару часов река вдруг разделилась на три рукава, проявляя первое желание превратиться в очень широкую и запутанную дельту.

— Куда плывем, командир? — уточнил повеселевший Леха, заметив приближение океана.

— Будем держаться самого левого потока, — решил Федор, — нам лучше быть с самого края, ближе к твердой земле, чем плутать по болотам и сотням ручейков.

Они так и сделали. Но едва река разделилась, перепад высот закончился, и течение вновь замедлилось. Да так, что финикийцам вновь пришлось грести. Лес вокруг поредел, зато его видимая площадь расширилась втрое. Теперь это были не сплошные джунгли, а многочисленные острова, собранные в группы, отделенные друг от друга большими потоками, а внутри себя сотнями ручейков. К вечеру их поток опять разделился, и Федор снова принял такое же решение — держаться ближе к видимой части суши. Приближение океана чувствовалось уже во всем, но скоро стемнело и эту ночь им вновь пришлось провести на болотах.

Здесь уже было не так мрачно, как в окрестностях затерянного города. В дельте реки водилось множество птиц и водоплавающих животных, включая больших змей. Пиргу удалось подстрелить одну из таких змей, и финикийцев ждал отличный ужин. Несмотря на то что берег, к которому они пристали, был вполне твердым, ночевали они по привычке на плоту.

После ужина Федор с другом стояли на корме.

— Как думаешь, — смотря в сумеречную даль, где должен был вскоре открыться берег океана, не смог удержаться от вопроса Леха, — найдем мы там кого-нибудь из наших? Или придется жить среди индейцев?

Федор ответил не сразу. Пока не исчезла последняя надежда, ему совершенно не хотелось думать о будущем. Да и становиться первым европейским колонистом с туманной перспективой на этой земле как-то пока не хотелось. Ему хотелось домой, в Карфаген.

— Подождем до завтра, — втянув носом речной воздух, в котором уже явственно ощущался солоноватый привкус моря, ответил Чайка.

Наутро сборы оказались как никогда скорыми. Всем не терпелось увидеть край «широкой воды», из-за которой несколько месяцев назад они приплыли сюда по велению Ганнибала. Федор понимал своих воинов, уже стоявших по местам, едва забрезжил рассвет над обширной дельтой. Он и сам имел такое же жгучее желание, но в глубине души боялся, что на этот раз угадает Леха.

Тем не менее настал момент узнать ответ на этот вопрос. И Федор недрогнувшей рукой пустил плот в последнее плавание. По всем расчетам им оставалось плыть не больше одного дня. Течение было медленным и, помогая себе веслами, финикийцы помогали своему плоту уверенно продвигаться вперед. Полдня плот петлял между островами, распугивая змей и пестрых птиц, целыми стаями срывавшихся в воздух только в самый последний момент, когда люди оказывались буквально в двух шагах.

— А зверье здесь непуганое, — заметил Ларин, когда очередная стая поднялась в небо, — человека не боится.

— Да, — кивнул Федор, — значит, места необитаемые. Это хорошо, иначе нас быстро засекут и рассекретят местные индейцы. А ближе всех здесь должны быть наши старые знакомые ольмеки.

— В гробу я видел таких знакомых, — огрызнулся Леха и вдруг, когда они выплыли из-за очередного лесистого островка, вскинул руку: — Смотри, командир!

Но Федор и сам уже видел то, что буквально в сотне метров впереди их поток вновь становился широким, сливаясь с остальными. Дельта закончилась. Вернее, неожиданно обрывалась, хотя до сине-зеленой полосы воды, занимавшей теперь половину горизонта, было еще как минимум несколько километров. Не ожидавший такого исхода Федор смотрел и напряженно вслушивался. Но раньше, чем понял, что происходит, до него донесся характерный шум водопада.

— Гребем к берегу! — заорал он во все горло, когда медленное течение вдруг в одночасье стало стремительным и потащило их к обрыву, с которого низвергались вниз потоки воды.

— Сильнее гребите! — орал Федор на солдат, сам яростно работая рулевым веслом и

пытаясь избежать такой глупой гибели в самом конце пути, но не успел. Берег, к которому он стремился так отчаянно, проплыл мимо буквально в нескольких метрах и остался позади. Носовая часть плота ударилась о камни, перескочила через них и рассыпалась уже в воздухе, когда плот вылетел с поверхности бурной воды, завис на мгновение в небе и рухнул всей массой вниз. Последнее, что успел заметить Чайка, чье сознание, как в замедленном кино, бесстрастно фиксировало каждое мгновение, — как все люди полетели вниз вперемешку с бревнами плота, переставшего существовать за пару секунд. Сам же Федор, поскольку находился на корме, был выброшен перевернувшимся плотом далеко вперед, как из катапульты, перелетел падающие бревна и упал в воду, даже не успев вспомнить имена богов и попрощаться с жизнью.

За несколько мгновений, что находился в полете, Чайка успел разглядеть под собой протяженный водопад и озеро под ним, зажатое скалами. В следующую секунду его тело ударилось об воду и погрузилось в нее на несколько метров. Чудом разминувшись с подводными камнями, Федор вынырнул и едва успел увернуться от бревна, готового разmozжить ему голову. Снова нырнул, отгребая подальше от места крушения. Течение здесь все еще было стремительным, и его быстро утащило в сторону. Барахтаясь из последних сил, он вскоре почувствовал под ногами спасительное дно и выполз на берег, рухнув на него всем телом.

Выплюнув набившуюся в рот воду и отдышавшись немного, он вскоре поднялся, благодаря богов за свое спасение и желая поскорее узнать, что же случилось с остальными.

У самого края вытянутого вдоль скал озера плавало множество бревен и обломков того, что пять минут назад называлось плотом. Федор поднял голову вверх, — летели они метров пятнадцать вниз и рухнули как раз туда, где торчали острые камни, образуя подводную гряду. Посмотрев туда, Чайка получил подтверждение, что выжить удалось не всем. Два окровавленных трупа застряли между этих камней. Федор еще не успел осознать смерть своих спутников, как услышал шум и громкую ругань — метрах в десяти от него кто-то вылезал на берег. Одного взгляда было достаточно, чтобы узнать скифского адмирала. Еще чуть ближе к водопаду на берегу сидел ошеломленный Пирг, ощупывал себя, и смотрел на трупы друзей и не понимал, что произошло.

«Значит, там, на камнях Цорбал и Ганнор, — подумал как-то отстраненно Федор, — простите, ребята».

Между тем Ларин, облегчив свою душу крепким ругательством, быстро пришел в себя. А вот Пиргу на это понадобилось чуть больше времени. И Федор долго тряс его за плечо, прежде чем лучник посмотрел на него осмысленным взглядом. Похоронить погибших не представлялось возможным, и Чайка, после долгого обдумывания, эту мысль оставил. Их тела находились слишком далеко от берега и к тому же на самом глубоком месте, почти под водопадом.

— Вернемся за ними, если получится, — решил Федор, — а сейчас идем. До берега должно быть уже недалеко.

Леха посмотрел на остатки плота, проплывавшие на воде, еще раз выругался и направился вслед за Чайкой. Тот уже шагал по каменистому берегу прочь от смертоносного водопада.

Все оружие они утопили, остался лишь лук Пирга, который он чудом выловил из воды вместе со своим колчаном, и короткий каменный нож у Лехи. Федор стал безоружным, но это его пока не волновало, хотя здесь уже можно было повстречать индейцев. Он просто шел вперед с каким-то глухим упорством, словно точно знал, что увидит за последним поворотом реки, там, где деревья расступались, давая свободу песчаному берегу.

Сделав эти последние шаги, Чайка остановился, посмотрел вперед и упал на колени. Силы покинули его.

— Ты чего, командир? — подоспел сзади Леха, схватив его за плечо. — Сломал что?

Но, подняв голову, тут же отпустил друга, ошеломленный увиденным.

Буквально в паре сотен метров, на берегу небольшой бухты, укрытой со всех сторон

высокими дюнами, уткнувшись кормой в берег, а носом погружившись в воду, стоял корабль. Вокруг него шли какие-то сборы, — человек тридцать из команды убрали леса, пристроенные с правого борта, а остальные уже взбиралась на палубу по веревочным лестницам. Весь берег был завален обтесанным деревом и другими отходами. Неподалеку дымился костер, говоривший о том, что не так давно команда смолила днище или заделывала пробоину.

— Ну ты завел нас, Сусанин, — радостно прохрипел Леха, не в силах оторвать взгляд от грациозного корабля, — это же наша квинкерема. Ну да, а вон и Гнаал, главный из морпехов, я его вижу. Жив, значит, сволочь. А вон там, правее, бородастый такой, сидит на корзине, это же купец главный... ну, как там его звали...

— Халеп, — едва произнес Чайка и сам удивился звуку своего голоса, — его зовут Халеп.

Вскоре их догнал Пирг, тоже не поверивший своим глазам.

— Вперед, — тихим голосом отдал последнюю команду Федор, поднимаясь с песка, — я же говорил вам, что мы найдем корабль. Главное — верить.

И они втроем направились в сторону корабля, спускаясь вниз по дюнам. В этот момент на берегу началась какая-то суматоха. Моряки замахали руками, показывая на приближавшихся людей и, отбросив последние части ремонтных лесов, принялись дружно сталкивать корму корабля, стоявшую на деревянных катках, в воду.

— Эй! Да они, кажется, отплывать собрались, — заметил Леха, ускоряя ход, и заорал, размахивая руками: — А ну, стой, это же мы!

Но, моряки только ускорили свои действия, и корабль почти всем своим мощным корпусом уже оказался в воде. За берег цеплялась только часть кормы со свисавшей вниз единственной веревочной лестницей. Там еще копошились люди. Остальные воины и моряки либо уже взобрались на корабль, либо поднимались на борт по другим лестницам, болтавшимся над водой. На берегу почти никого не осталось.

— Мы же одеты, как индейцы, — вспомнил Федор, — может, они решили, что это нападение? Хотя нас ведь только трое — невелика армия.

И сняв белую рубаху с бахромой, он бросил ее на песок. Однако в этот момент Пирг, шагавший справа от Чайки, вдруг подался всем телом вперед и рухнул лицом на песок. Из его спины торчала длинная черная стрела.

— Бежим, командир! — крикнул Ларин, обернувшийся назад раньше своего друга. — Там, похоже, опять наши друзья пожаловали.

Чайка посмотрел назад и увидел отряд рослых темнокожих воинов, появившихся из леса и стремительно спускавшихся вслед за ними. Они были вооружены гигантскими двухметровыми луками и такими же копьями. На руке у каждого висел узкий белый щит. Дальше Федор не стал разглядывать это странное воинство, а припустил вслед за Лехой в сторону ускользающей квинкеремы.

Когда они были под самой кормой, почти сползшей в воду, на берегу никого из команды уже не осталось. Все поднялись на борт и со странной смесью любопытства и насмешки наблюдали за двумя полуголыми индейцами, пытавшимися уцепиться за последнюю веревочную лестницу, которую еще не успели втащить на палубу.

Ларин ухватился за нее и с ловкостью обезьяны полез наверх. Федору пришлось броситься в воду, чтобы в самый последний момент зацепить ее край. Преодолев пару метров вверх, он увидел, как кто-то из морпехов целится в Ларина из лука с палубы и заорал первое, что смог вспомнить в эту минуту.

— Гна-а-ал! — крикнул он по-финикийски, — Ха-леп!

Кто-то положил руку на плечо лучнику, и тот в последний момент опустил свое оружие. Им дали взобраться на палубу, и тут, окруженные толпой морпехов в давно забытом обмундировании, друзья дали выход своим чувствам. Так громко и долго они не ругались давно. Когда же, наконец, поток брани иссяк, мокрый и полуголый Федор заметил, что напротив него стоит бывалый воин со шрамом на щеке, командир морпехов, оставленный им

когда-то в лагере охранять купцов, и смотрит на него так, словно увидел духа смерти.

— Чайка? — неуверенно произнес он, справившись с собой, и в изумлении посмотрел на бородатого купца, переминавшегося рядом с ноги на ногу. — Ал-лэк-сей? Не ожидали вновь увидеть вас среди живых.

— Мы вас тоже, — ответил за друга Леха и, подняв руку вверх, погрозил Гнаалу увесистым кулаком, — вы что же, хотели уплыть домой без нас?

Только теперь Гнаал был абсолютно уверен, что перед ним не призраки из мира мертвых, а два финикийца, один из которых, кроме того, был самым старшим военачальником на этом корабле.

— От кого это вы убегали? — вспомнил Чайка, когда корабль медленно вышел на середину небольшой бухты, и, обернувшись, посмотрел на берег.

Там у края дюн неистовствовали и посылали им вслед стрелы рослые темнокожие воины. Несколько штук долетело до цели, с чавканьем воткнувшись в борт корабля.

— Не знаю, — честно признался командир морпехов, пожав затынутыми в синие кожаные доспехи плечами, — они появились внезапно и могли нарушить все наши планы. Мы прячемся здесь давно. С тех самых пор, как индейцы разгромили наш лагерь и сожгли второй корабль, мы постарались уйти подальше и поменяли уже несколько стоянок вдоль этого побережья. На последней узнали от индейцев одного племени, которое воюет с воинами ягуара, что здесь находится какое-то древнее священное место.

Он облизал губы, взглянул на берег и продолжил:

— Как говорят местные, там, на болотах живут злые боги, и к ним приближаться нельзя. Сами индейцы уже много лет не приближаются к этим местам. Ну я и подумал, что лучшей защиты, чем местные боги, не найти.

— Почему же вы не уплыли сразу, — спросил Ларин, — как только сбежали оттуда?

— Убегая от воинов ягуара, мы получили пробоину на рифах и долго искали место, где можно ее залатать. С такой дырой плыть домой было нельзя. Нашли только здесь. Кроме того, мы обнаружили в здешних лесах деревья, дающие черный сок, похожий на смолу, и смогли использовать его для ремонта корабля.

— Черный сок, говоришь, — переспросил Федор, — а это не он горел там на берегу?

Гнаал кинул.

— Наши корабелы изготовили из него специальную смесь, вместо смолы...

— Молодцы, — похвалил Чайка, бросив взгляд на уплывающий берег. — Ну так вот, кто бы это ни был, они нашли вас по дыму от костра. В этих священных местах уже сотни лет никто кроме них не имеет права собирать этот черный сок. Так что вы сами позвали их в гости.

Гнаал хлопал глазами, не понимая, о чем говорит Чайка. А Федор только теперь ощутил, что стоит голый и мокрый посреди палубы. Взгляд его неожиданно наткнулся на катапульту.

— А ну-ка, морпехи, пустите прощальный подарок этим воякам, — приказал он, тряхнув мокрой бородой, — да принесите мне нормальную одежду, а то устал уже ходить одетым, как индеец.

— И вина, — добавил Леха, поежившись от налетевшего ветра, — если осталось.

Гнаал кивнул, рассмеявшись.

— Кое-что удалось спасти. Сейчас принесут, а вы пока спускайтесь вниз, отдохните.

Когда Федор, последовав совету, направился вниз по скрипящей лестнице, Халеп вдруг остановил его вопросом.

— Я не знаю, где вы были все это время, — сказал главный купец, теребя бороду, — мы же лишь спасались от смерти. И поскольку все остальные погибли, решили оправиться назад в Карфаген, как только будем способны, чтобы рассказать Ганнибалу о том, что здесь произошло. Но если ты знаешь больше нас и хочешь продолжить экспедицию, то мы...

— Я видел многое, — ответил Федор, обернувшись. — Но ты принял правильное решение, старик. Сейчас мы идем домой. А дальше боги Карфагена подскажут нам, что

делать с этими знаниями.

Халеп удовлетворенно кивнул.

— Пусть так и будет.

Отогнав парой выстрелов из катапульты назойливых визитеров от берега, квинкерема, покачиваясь на волнах, медленно вышла из бухты на весельном ходу. Весь остаток дня берег был еще виден, но с наступлением ночи пропал совсем. Нельзя сказать, чтобы Федор расстроился, не обнаружив его утром. Несколько дней он спал или пил вино. Приходил в себя, даже не пытаясь осмыслить пока все случившееся. Выйдя под конец пятого дня пути на палубу в новой блестящей кирасе, когда корабль находился уже посреди бескрайних вод, Федор Чайка заметил темные грозовые облака, появившиеся на горизонте. Они заполонили собой все видимое пространство и встали стеной на пути к дому.

— Похоже, нас опять ждет жестокий шторм, — спокойно произнес Чайка, не обращаясь ни к кому, — так пусть же боги позаботятся о том, чтобы вернуть нас домой.

Май, 2012